

[Polaris]

ЧЖИМБЭ

СОКРОВИЩА
МЕЛЬК-ТАУЗА

Затерянные миры

Том XVI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXVII

Salamandra P.V.V.

ЧЖИМБЭ

**СОКРОВИЩА
МЕЛЬК-ТАУЗА**

Роман

Затерянные миры
Том XVI

Salamandra P.V.V.

Чжимбэ А.

Сокровища Мельк-Тауза: Роман (Затерянные миры, т. XVII). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 237 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXIII).

Жажда знаний приводит археолога Бушуева в неизученные уголки Закавказья, где его ждут кочевники-езиды, заснеженные горы, мрачные пещеры и любовь прекрасной дикарки в небывалом «царстве Мельк-Тауза». Но жажда золота неуклонно ведет Бушуева к трагическому финалу...

Роман Чжимбэ – одно из весьма редких произведений советской фантастики в жанре «затерянных миров» – был впервые издан в 1928 г. и почти 90 лет оставался недоступен читателям.

СОКРОВИЩА
МЕЛЬК-ТАУЗА

РОМАН

ЧЖИМБЭ

ЭН

РОС
ЛИМ

От издательства

Роман Чжимбэ «Сокровища Мельк-Тауза», относящийся к географической фантастике и жанру «затерянных миров», давно вошел в списки научно-фантастических раритетов и почти 90 лет оставался недоступным читателям.

«Сокровища Мельк-Тауза» – книга по-своему уникальная. Это единственный известный нам русский (вполне вероятно, не только русский) роман, основанный на быте и верованиях езидов – древнего народа, который в наши дни вновь подвергается геноциду от рук исламских фанатиков.

Вместе с тем, нельзя забывать, когда был написан роман: в нем отразился и советский антирелигиозный пафос двадцатых годов, и искаженные, а то и откровенно тенденциозные представления о крайне малоизученных в то время религии и нравах езидов. Поэтому в романе немало самых диких выдумок, что прежде всего касается пресловутого «сатанизма» езидов, их «оргий» и т. п.

В библиографиях советской фантастики настоящее имя автора указывается как Вильям Арциви. Мы не располагаем какими-либо сведениями о нем, за исключением того факта, что в 1928 г. в московском издательстве «Молодая гвардия» под именем «А. Чжимбэ» вышла в свет книга «Люди ущелий: Роман из жизни хевсур».

Текст романа публикуется без изменений (за исключением правки очевидных опечаток) по первоизданию (М., «Земля и фабрика», 1928). Нами сохранено издательское предисловие и редакционные примечания к роману. Обложка оригинального издания работы худ. В. Роскина воспроизведена на фронтисписе.

**СОКРОВИЩА
МЕЛЪК-ТАУЗА**

Религии — многообразны, но под самыми пестрыми одеяниями их скрывается одна и та же сущность. Религиозный фанатизм, владеющий еще сознанием народностей Востока, и пережитки древнейших религий, сохранившиеся в глухих ущельях Курдистана, — послужили писателю основой для напряженного, насыщенного драматизмом и яркой фантастикой сюжета. Роман «Сокровища Мельк-Тауза» нельзя отнести к числу тех произведений, где задача антирелигиозной пропаганды поставлена непосредственно и прямо и служит стержнем, вокруг которого организуется прочий материал. Однако, быт и культура, которые автор избрал отправной точкой повествования обнажают с такой отчетливостью земные пружины наиболее таинственных и поэтических религий, что некоторые страницы романа кажутся жалом, направленным в самое сердце религиозных установлений. Правда, автором, во имя занимательности, сорвана завеса с малораспространенной и не пользующейся услугами высокой цивилизации, почти первобытной религии. Но история религий характерна тем, что, если самые методы воздействия на верующих становились все утонченнее, то экономическая подоплёка церковной организации никогда не претерпевала серьезных изменений: религия всегда являлась инструментом обогащения церкви, дары и приношения всегда составляли необходимое звено во взаимоотношениях духовных пастырей и пасомых ими. В фигурах служителей Мельк-Тауза мы легко находим почти портретное сходство с типическими представителями «культурной», обогащенной достижениями современной техники, христианской религии...

Роман «Сокровища Мельк-Тауза» нельзя, конечно, рассматривать, как выдержанное и точное исследование быта тех племен, о которых пишет автор. Потребности авантюрного сюжета находятся иногда в противоречии с подобной научно-исторической достоверностью. Однако, несомненно, что главнейшие черты этого малоисследованного быта подмечены и освещены Чжимбэ достаточно верно и правдиво. Роман, таким образом, становится интересным, как удачный опыт проникновения в мир, почти совер-

шенно незнакомый европейцам и окружаемый, поэтому, всякого рода легендами. Чжимбэ сам использует одну из таких легенд, как повод для развертывания своеобразной и захватывающей истории европейца, задумавшего разгадать тайны Мельк-Тауза, — европейца, увенчавшего успехом свое предприятие, но павшего жертвой фанатичной, вдобавок разжигаемой корыстолюбием, мести. Все же тайны романа оказываются раскрытыми, чудесные приключения, по поводу которых буржуазный писатель, несомненно, обратился бы к «провидению», объяснены жизненно-верно...

Роман «Сокровища Мельк-Тауза» является подлинным романом приключений и загадок, — однако, без всякого налета мистицизма и преклонения перед неведомым. Это — фантастика, явственно опирающаяся на необычные, но возможные факты, — факты, выдерживающие испытание трезвого и недоверчивого анализа.

Впереди была смерть мучительная « страшная.

Дикая собачья стая мчалась с неудержимой быстротой прямо на Бушуева.

Серые глаза Бушуева с тоскливой торопливостью окинули крутые склоны Алагеза¹ и ровную, без единого деревца, лощину. Они искали и не находили. От них не ускользнула ни одна мелочь. А того, что нужно было, они не нашли. Вблизи не было ничего, что могло бы защитить и спасти. '

Бушуев сорвал с себя ружье и сумку, бросил на землю и сел на них.

Единственное спасение было в неподвижности. Бушуев сидел и не шевелился. Устремленные в пространство глаза стали тусклыми, невыразительными. Страх погасил в них искру жизни. Но они видели все, и то, что они видели, глухими и болезненными уколами передавалось сердцу.

Огромные лохматые собаки, из которых каждая была больше и сильнее волка, не бежали, а, казалось, летели над землей. Они не лаяли и не рычали, так как были уверены, что то, к чему они стремились, не ускользнет от них и не избегнет их острых и мощных зубов. Одно желание подгоняло каждую из них: обогнать всех и первой вцепиться в добычу.

Добычей был Бушуев.

Если бы Бушуев был где-нибудь в другом месте, а не в этой забытой всеми стране, он стал бы стрелять в собак, бить их, и, возможно, разогнал бы их. Но все это можно сделать там, где жизнь человека дороже жизни тысячи собак. Здесь же собака не просто собака, а неизменный слуга и верный помощник своего владельца. И жизнь хорошей собаки для

---

¹ Алагез — местное название Зангезурского горного хребта, самого высокого в Закавказья. Алагез находится в пределах Армении. (Прим. ред.).

него дороже жизни многих чужих людей. Убить чужую собаку — значило навсегда испортить отношения с тем, кому принадлежит она, и превратить его в жестокого и беспощадного врага.

Собаки побеждали расстояние с быстротой птиц. Теперь Бушуев ясно различал особенности каждой из них. У переднего черного пса могучая грудь с четким белым пятном. Он прижал уши, выпрямил хвост и мчится вперед чудовищными скачками.

Холодная дрожь встряхнула тело Бушуева. У него похолодел живот, онемели пальцы, а сердце сжалось от томящей тоски. Что, если этих чудовищных псов не смутит его неподвижность? Ведь тогда трех минут достаточно для того, чтобы из тела Бушуева получилась груда окровавленных лохмотьев.

Собаки уже близко. Передний пес замедляет бег, и вся стая выравнивается с ним. Она рассыпается и охватывает Бушуева кольцом.

— А если они предательски набросятся сзади и вцепятся в шею?.. — мелькнула тревожная мысль, и Бушуев почувствовал, как похолодела шея, словно к ней уже прикоснулись собачьи клыки. Хотелось оглянуться — и нельзя было сделать этого: черный пес в пяти шагах. Огромный и страшный, он с хриплым, угрожающим рычанием наступал на Бушуева. Подставив Бушуеву незащищенный бок, он как будто предлагал воспользоваться его оплошностью и напасть на него первым. Его морда была направлена мимо Бушуева, и только яркий зрачок, не отрываясь, зорко следил за неподвижно сидящим человеком. Вся стая свирепо рычала, наступала на человека и ждала малейшего движения, чтобы дружно накинуться на него и растерзать.

Но человек не двигался.

Черный пес не понимал происходящего и озлоблялся еще больше. Он поставил передние вздрагивающие от нетерпения лапы на колени Бушуева, приблизил морду к самому лицу и хрипло рычал, вызывая на бой, угрожая клыками. Злыми глазами он заглядывал в глаза человека и ждал повода, ждал самого незначительного движения, что-

бы вцепиться в горло и перегрызть его.

Угрожающее рычание превратилось в сплошной беспрерывный рев. Еще более ощерились собачьи пасти, еще плотнее были поджаты хвосты между ног. Ярость диких псов возрастала. И рычание их походило на несмолкающие раскаты грома.

А человек не двигался. Он все видел, чувствовал и боязливо ждал. Гибель от собачьих зубов так обычна здесь. У него шевелились волосы на голове, темнело в глазах, мутилось сознание. Приходилось напрягать последние силы, всю слабеющую волю и сохранять мертвую неподвижность статуи.

Но вот собаки устали от непрерывного рычания. Послышались перебои. Одна из наиболее нервных и нетерпеливых взвизгнула. Другие, не прекращая злобного ворчания, стали обнюхивать Бушуева. Мертвая неподвижность человека удивляла их. Они готовились к борьбе — и не встретили сопротивления. Они ждали движения, которое увеличило бы их ярость, и не нашли его. Это разочаровало собак и охлаждало их боевой задор. Только один черный пес продолжал давить своими тяжелыми лапами колени Бушуева и не сводил глаз с его горла.

Он чувствовал пред собой живой организм, обонял острый чужой запах и не верил в неподвижность сидящего человека. В этой неподвижности крылся какой-то умысел, таилось какое-то намерение, и черный пес не мог понять его. Он стоял в боевом задоре пред загадочной фигурой, издававшей живой запах, но не проявляющей жизни, и ждал. Но чрезвычайное напряжение утомляет животных быстрее, чем человека.

Огромный пес спустил одну лапу на землю и с недоумением обнюхал колени Бушуева. Немного выправился злобно прижатый хвост, опустилась вздыбленная шерсть на спине. Еще несколько глухих рычаний издал пес, а потом поднял ногу и обмочил Бушуева. Рычанье пса стало тихим, пренебрежительным. Он обошел кругом Бушуева, внимательно осматривая и обнюхивая его, а потом недовольно потянулся и задними лапами стал забрасывать Бушуева

землей. И все остальные псы проделали то же самое, что сделал их черный главарь. Собаки как будто выражали этим свое презрение. Могучие собачьи лапы выдирали с корнями траву, землю и швыряли в Бушуева. Земля попадала на одежду, в лицо. И все-таки двигаться было нельзя. Собаки отбегали шагов на сто, на двести, а потом с яростным лаем вновь бросались на Бушуева, как будто, не взирая на его неподвижность, они решили покончить с ним.

Теперь Бушуев почувствовал себя значительно спокойнее и облегченно вздохнул. Самое страшное миновало. Волна собачьей ярости разбита его выдержкой. И он с нетерпением смотрел в ту сторону, откуда прибежали собаки: откуда пришла опасность, оттуда должно было прийти и избавление. И оно появилось в виде ободранного и грязного курда-пастуха¹. Он торопливо бежал и выкрикивал пронзительным голосом нечленораздельные звуки. Эти звуки были непонятны Бушуеву, но их хорошо знали собаки. Они повернули головы в сторону бегущего курда, успокоились и стали ждать, а некоторые, виляя хвостами, побежали навстречу.

— Эти люди предпочитают сперва накормить своих собак человеческим мясом, а потом явиться на помощь погибающему — с раздражением подумал Бушуев, глядя на не проявляющего особой прыти курда. Но сложившиеся веками привычки являлись и законами страны, и протестовать против них не приходилось. Здесь каждого гостя сперва встречают собаки, а потом уже люди.

Бушуев подождал, пока курд-пастух не приблизился, а потом встал, отряхнулся и начал надевать сумку и ружье.

---

¹ К у р д ы — потомки воинственного народа, который в истории древнего Востока упоминается под именем «кардухов». Курды иранского происхождения. Язык их находится в ближайшем родстве с персидским. Главное занятие курдов — скотоводство. Большинство курдов — магометане, чрезвычайно суеверные и невежественные. Иезиды отрицают свое родство с курдами, но общность типа, языка, быта, культуры говорит за то, что иезиды — курды. Большинство иезидов живет в Турции, часть в Персии и около десяти тысяч человек в Армении. (Прим. ред.).

Дрожали ноги, были непослушны руки, и все тело казалось размякшим и дряблым, но Бушуев не обращал на это внимания. Чтобы заслужить уважение приближающегося человека, не надо обнаруживать пред ним своей слабости. Бушуев расправил плечи, привел в движение затекшие конечности.

Собаки снова кинулись к нему, но пронзительный крик пастуха сразу остановил их.

— Пусть добро и радость будут спутниками твоей жизни!.. — приветствовал Бушуев избавителя.

— Будь счастлив и ты!.. — ответил пастух и спросил: — Не тронули ли тебя мои собаки?

— О, нет... Они умны и сильны, — отозвался Бушуев и прибавил: — Я думаю, что ни один волк и ни один злой человек не посмеет коснуться твоих баранов?

Пастух был доволен вопросом и ответил с гордостью:

— Обыщи все горы, и ты не найдешь лучших собак... Ты поступил мудро, что не стал защищаться.

— Да!.. — согласился Бушуев. — Если бы я вступил с ними в борьбу, то мне не пришлось бы разговаривать с тобой!

— Ты прав, — подтвердил пастух. — Они догоняют конного и срывают его с лошади... Каждая из них вступает в борьбу с волком и побеждает его.

Огромные собаки бежали рядом с пастухом, зорко следя за новым для них человеком, и уже не выражали враждебности.

— Твое ружье маленькое, но пули у него большие... Я не видел таких... — проговорил пастух, с интересом рассматривая ружье Бушуева.

— Это — очень плохое ружье, и стрельба из него похожа на бабью болтовню. Она производит много шума и приносит мало пользы... Я ношу его с собой только для того, чтобы пугать шакалов.

Бушуев наклеветал на свою магазинку только потому, что заметил жадный блеск в глазах пастуха, избличавший в нем большого любителя оружия.

— Можно выстрелить из него? — спросил пастух.

— Конечно, можно, но это не доставит тебе удовольствия, так как путь мой велик, а запас патронов мал, и мне ничем будет отбиваться от диких зверей, — дипломатично отказал Бушуев.

Курд не настаивал на своей просьбе, а только спросил:

— Куда ты идешь?

— Сейчас к шейху Юсуфу... Не знаешь ли, где его оба?..¹

— задал вопрос Бушуев.

— Я пасу его стада, — ответил курд. — Но увидеть шейха Юсуфа сегодня тебе не удастся. Его нет сейчас.

— Где же он?.. — с беспокойством спросил Бушуев.

— Он уехал в горы и завтра вернется... А ты откуда знаешь шейха Юсуфа?—поинтересовался пастух.

— Большую гору видят и знают даже те, кого сама она не замечает!

В ложбине у ручья Бушуев увидел притаившиеся черные палатки курдов.

При приближении незнакомого человека смолк веселый смех и звонкий говор.

Несколько женщин в немом изумлении застыли у палаток и внимательно осматривали нового и необычного для этих мест пришельца. Полуголые детишки цеплялись за грязные одежды матерей и любопытно впивались глазами в Бушуева.

— День твой с добром!.. — приветствовал Бушуев старшую из женщин.

— Ты с добром пришел!.. — ответила она на приветствие.

Курд-пастух ввел Бушуева в первую палатку, разостлал около трех закопченных камней очага войлок и усадил гостя.

---

¹ О б а — кочевая община, составляемая на время летней пастьбы скота. Количество семей, вступающих в это временное объединение, зависит от количества скота. Обычно при составлении обы руководствуются тем, чтобы общее количество скота у членов обы не превышало тысячи голов. Глава обы нанимает пастухов, а с присоединяющихся к его обе лиц за пастьбу и охрану скота взимает плату. (Прим. ред.)

Быстро были принесены овечий сыр, кислое молоко и хлеб.

Бушуеву не хотелось есть, но правила приличия пастушеского народа требовали иного. Бушуев с притворным аппетитом и жадностью ел и все хвалил, доставляя удовольствие курду.

А когда принесенная пища была наполовину съедена, Бушуев отодвинул остатки и проговорил устало:

— Я много прошел по горам и мало спал прошлую ночь...

Курду-пастуху хотелось поговорить, но усталый вид Бушуева и необходимость дать гостю отдохнуть заставили его отказаться от своего желания. Курд разостлал еще несколько войлоков, устроил удобное ложе и тихо вышел.

Бушуев вытянулся на войлоках. Захрустели расправляющиеся кости, и тело застыло в неподвижности. Зашумела кровь в ушах и стихла.

Смогло сердце, не слышно беспокойного шума крови, но мысли не затихли. Неустанная мысль работала попрежнему. Какой чорт швырнул его в это место и зачем?.. Какие причины двигали им, заставили покинуть культурные центры и променять их на эту первобытную глушь и дикое запустение?

На эти вопросы Бушуев не сумел бы дать себе ответа. Прошлое казалось ему только странным сном, и все, что было связано с прошлым, также представлялось чем-то невероятным и непонятным. Если бы взять его вот такого, каков он сейчас, и перенести туда, где людям служат пар и электричество, где люди живут в каменных домах с застекленными окнами, с большими дверями, сидят на стульях, спят на кроватях, а при еде пользуются тарелками, ножами и вилками, то он, перенесенный в такую обстановку, почувствовал бы себя скверно. Так же скверно, как почувствовал бы он себя раньше в том случае, если бы его, голого, неожиданно вытолкнули в толпу разодетой публики.

Раньше он был Григорием Петровичем Бушуевым, а теперь он называл себя только Кригором и не представлял себе, что его можно называть как-нибудь иначе. Раньше он

был человеком с определенной профессией, а теперь он — человек безо всякой профессии, так как в той среде, в которой он вращался, еще не возникли и не сформировались профессии. И кажется он себе человеком только в хорошие часы своей жизни, так как сплошь и рядом у него бывают моменты, когда он сомневается даже в том — человек ли он на самом деле?.. Может быть, нет и не было ни Григория Петровича Бушуева, ни хорошо проявленного на закавказском солнце Кригора, непричастного ни к какой профессии, а есть только бред и мираж?..

Когда у Бушуева начинался приступ малярии, его мысль всегда возвращалась к минувшему. Это явление он даже считал каким-то малярийным предвестником, и в обычное время приемом хины стремился парализовать развитие болезни.

Но сейчас Бушуев не мог сделать этого: запас хинина давно был израсходован, и он покорно прислушивался к творившейся в его организме разрушительной работе. Как будто размякли кости, стали жидкостью мышцы. Что-то теплое и густое переливалось по всему телу. Все сильнее и чаще стучит сердце, и словно торопится догнать что-то, ушедшее давно и далеко. Шумит кровь в голове и туманит сознание. Из тумана рождаются смутные пятна. Пятна оформляются, разлагаются на свет и тень. Пятна превращаются в образы...

А около палаток шла жизнь, простая, понятная, первобытная.

Вернулось с пастбища огромное стадо овец и принесло с собой пыль и густой запах потной, немытой шерсти.

В тревожно подвижное стадо веселыми звонкоголосыми хищниками врезались дети. Они отделили самок и гнали их к месту удоя.

Доили овец с левой стороны палаток. Таков был веками установленный обычай. Здесь лежит камень, на котором, как на жертвеннике, сидит человек. Он хватает трепещущую овцу за шею и держит ее, а две женщины, расположившиеся перед камнем, быстро и ловко освобождают овечье вымя от накопленного за день молока.

Гаснет день. Кончена хлопотливая и незамысловатая работа.

Пред дверью палатки привязаны на ночь лошади. За ними поставлен рогатый скот.

Между трех камней очагов вспыхнули огни. Они тлели весь день, прикрытые пеплом, а теперь вырвались наружу и жадно накинулись на подложенное топливо.

На смену дню, ясному и светлому, пришла таинственная для первобытного ума ночь. Ночь погасила солнце и разбросала по небу тысячи огненных искр. Ночь закрыла все темнотой и сделала беспомощными глаза.

У огня собрались притихшие люди. Кто-то достал бамбуковую флейту. Жалобная мелодия серебряными ручейками потекла в ночную темноту.

Ближе к спасительному огню подвинулись люди. Тревожные мысли овладевают ими.

Кто этот таинственный человек, пришедший неизвестно зачем и неизвестно откуда? Он явился, как камень, скатившийся с горных вершин. Он ничего не сказал о себе...

Курд-пастух поднимается и идет в палатку.

— Слушай, человек!.. — говорит он Бушуеву: — Пойдем к огню. Будем есть и пить...

Молчит человек. Он тяжело дышет, стонет.

Пред затуманенным сознанием Бушуева проходит то, что было так недавно. Перед ним тот путь, по которому он дошел до этих затерянных среди гор палаток.

II

Широкая долина похожа на огромный медный таз, поставленный на жаровню.

Все высушено, сожжено, а солнце с возрастающей силой продолжает лить свет и тепло.

Свет слепит. Раскаленный воздух жжет. Земля отдала всю влагу, затвердела и лопается. Бездонные трещины ширятся, пересекаются и расходятся все дальше и глубже.

Равнина пустынна и мертва. Солнце убило растительность и вытеснило все живое.

Одно только существо пытается бороться с солнцем. Оно бродит около серых огромных камней, похожих на поднимающиеся из земли чудовищные грибы.

Существо это — археолог Бушуев. Внимание его приковано к разбросанным в беспорядке камням. Это — не простые камни. Это — остатки древнейшего городища. Много тысячелетий назад, когда человек не знал ни металла, ни цемента, из этих камней строилось человеческое жилище.

Но когда это было, какой была тогда личная жизнь, семья, общественность?

Молчат огромные раскаленные солнцем камни. Нет возможности прикоснуться к ним и нет сил перевернуть их. А в прошлом они были послушны воле человека. С помощью каких приспособлений он перемещал их?..

Бушуев пытается определить размеры былого человеческого жилья, но и этого не может сделать. Землетрясения перебросили камни на новые места, собрали их в кучи. Надо вырывать почву и искать гнезда, в которых камни лежали раньше.

Бушуев с ненавистью смотрит на небо. С еще большей ненавистью он взглянул бы на солнце. Но взглянуть на него нельзя: пылающее солнце сразу ослепит.

Бушуев возвращается к уцелевшему циклопическому сооружению и прячется в тени. Сюда не проникают ослепляющие лучи солнца. Здесь легче телу и глазам.

Бушуев обессилен и раздосадован. Он снимает пробковый шлем, отирает рукавами потное лицо и задумывается.

Как разгадать загадку прошлого?..

Когда Бушуев попал в Закавказье, его ошеломила необычайность этого края. Ядовитые змеи, скорпионы и фаланги были властителями огромных мертвых пространств. Эти пространства опустели и замерли в последние тысячелетия, а раньше на них кипела культурная жизнь. Первобытные инженеры в безводных местностях провели обширную сеть оросительных каналов. Их работы и расчеты могли поспорить с работой и математическими выкладками

современных инженеров. Первобытные агрономы на орошенных участках выращивали такие культуры, которые теперь сохранились не везде. Бушуев изучал эти мертвые сейчас пространства, определял площадь бывшего засева, размер урожая и переводил все на современные меры. Итоги ошеломляли его. Сухие цифры говорили сжато и выразительно. Трудолюбивое население кормило не только себя, но и снабжало соседей. У него процветала торговля. Эти люди располагали значительным богатством. Но от всей этой культуры и богатств остались лишь мертвые, жалкие воспоминания. Вместо городов — развалины, вместо предприимчивого народа — шипящие гады.

Торопливый конский топот заставил Бушуева выйти из-под прикрытия. По выжженной степи на неоседланной лошади мчался полуголый всадник. Он гибким хищником прильнул к лошадиной спине и гнал усталое животное пронзительным криком и ударами ножа. Покрытая пеной и кровью лошадь в страхе неслась вперед и в стремительном беге искала спасения. Она распласталась над землей, и глаза еле улавливал мелькание ее тонких ног.

Измученный Бушуев с недоумением следил за этой скачкой.

Что загнало этого человека в безводную пустыню и куда он несется с такой быстротой?

Встреча с человеком в пустыне — это не встреча в городе. Бушуев знал, что в большинстве случаев благоразумней избегать подобных встреч.

Всадник не видел Бушуева, и Бушуев не думал обращать на себя его внимания. Пусть пронесется он вихрем и исчезнет. Земля велика, а пути людей лежат в различных направлениях. Может быть, это был первый и последний случай в жизни, приблизивший друг к другу двух разных людей.

Так думал Бушуев, а через несколько секунд он уже торопливо бежал к неизвестному.

Лошадь упала. Ноги ее попали в одну из трещин, и она рухнула на землю. Всадник перелетел через готовую животного, ударился о землю и не встал.

Бушуев нашел неизвестного в бессознательном состоянии. С одного плеча у него была сорвана кожа, правая нога переломилась в голени, острые концы костей прорвали мышцы, кожу и вышли наружу.

— Хорошо, если он убится насмерть!.. — подумал Бушуев и поднял неизвестного. Он перенес его в тень и положил около каменной стены.

Нужно было оказать медицинскую помощь, но — чем и как? Бушуев вытряхнул сумку и ничего не нашел.

Незнакомец застонал и открыл глаза. Со страхом и изумлением глаза его остановились на Бушуеве. Неизвестный забыл про мучительную боль и выжидал.

— Откуда ты? — прерывающимся голосом спросил раненый.

— Я из города, — торопливо ответил Бушуев.

— Кто ты?.. — снова спросил неизвестный. Горло его пересохло и голос хрипел.

— Я — ученый, — так же торопливо ответил Бушуев. Он схватил флягу с водой, открыл ее и поднес к пересохшим губам неизвестного. Раненый пил долго и жадно; капельки пота покрыли его лоб.

— Спаси меня!.. — проговорил он, отрываясь от фляги.

Бушуев растерянно покачал головой:

— Не могу... Я — не врач...

— Посади меня на коня... — вторично попросил раненый.

— Конь твой искалечен, а ты сломал ноту. Тебе не усидеть на коне! — ответил Бушуев.

Неизвестный взглянул на сломанную ногу. Взгляд его остановился на острых торчащих костях, на нежно розовой массе костного мозга и ручейках стекающей на землю крови. Голова раненого бессильно опустилась на грудь.

— По следам моим скачут враги... — сказал он: — Будет радость у врагов моих. Горе мое — счастье других. Пусть лучше моя смерть будет горем их...

Бушуев был подавлен своей беспомощностью. Пред ним был страдающий человек, и он ничем не мог помочь ему. Он должен смотреть на его страдания и бездействовать.

— Кто ты и за кем так гнался?.. — выдавил из себя вопрос Бушуев.

Раненый поднял голову. Загорелое лицо его побледнело, острый взгляд остановился на Бушуеве. Пред Бушуевым был крепкий и сильный человек. Он затаил свои страдания, как раненый и затравленный зверь, и молчал. Сжатым губам не издавали ни стоны, ни жалобы.

— Меня зовут Га-усо... Меня зовут безочажным¹, — тихо и внятно произнес раненый. Я был блуждающим ветром, и пыль дорог была моим спутником. Умер отец, и я не знаю, где могила его. Потух огонь в очаге и остыла зола между трех священных камней... Я чужой для своих, чужой для всех...

Голова раненого бессильно опустилась на грудь. Он затих, а через минуту заговорил снова. И слова его были похожи на бред.

— Роза из сада роз, красавица из красавиц, яблоко рая... Ты была прекрасней зари и я украл тебя. В царстве Мельк-Тауза² я хотел поселиться с тобой и не нашел пути туда. Я не отдал тебя никому. Нож любви моей — в сердце твоём. Я любил тебя и убил... Ах, зачем мой отец был мюридом, а твой — шейхом!³

Страница книги дикой и жуткой жизни развернулась пред Бушуевым. Были страшные слова, но за этими словами

---

¹ Очаг в быту курдов играет важную роль. Он — синоним семьи. Послушный и уважающий своих родителей сын называется «сыном очага». Это определение настолько лестно и почетно, что его применяют к людям знатным.

Безочажным называют сына непослушного и расточительного, который не почитал родителей, не поддерживал семьи и позволил погаснуть родному очагу, то есть развалиться семье. Это наименование присваивается людям бездомным, безродным и беспутным.

² Мельк-Тауз — в переводе значит «царь—павлин». Мельк-Тауз равнозначущ христианскому сатане, магометанскому шайтану.

³ Религия иезидов возбраняет брак между светскими и духовными лицами. Такой брак считается недопустимым. (Прим. ред.).

скрывались глубокие переживания, они невольно приковывали внимание.

— Ничего не понимаю!.. — испуганно прошептал Бушуев: — О каком царстве Мельк-Тауза ты говоришь?

Затуманенный взор раненого прояснился. Черные пристальные глаза впились в Бушуева.

— Я — иезид Га-усо... Я проклят и отлучен от общества злым шейхом Гынду-Насра¹.

— За что? — спросил Бушуев.

— Я не подчинился закону. Я украл его дочь и убил, когда у меня хотели отнять ее.

— Куда ты хотел бежать с ней? — задал вопрос Бушуев.

— В царство Мельк-Тауза. — В глазах раненого блеснули огоньки: — Там за горами лежит царство Мельк-Тауза. Туда нет входа, но великий Мельк-Тауз пустил бы меня. Я видел тень его. Он был около меня. Но шейх Юсуф преградил мне дорогу... О-о!..

Га-усо вцепился руками в коротко остриженные волосы и завыл. Долго сдерживаемая боль вырвалась наружу. Нельзя было понять: кричал ли Га-усо от физической боли или это прорвалась боль душевная — страшнее и мучительнее боли физической.

Бушуев заткнул уши и в ужасе отшатнулся в сторону.

Неожиданно раненый смолк и насторожился.

— Они скачут сюда!.. Они приближаются!.. — проговорил он.

Взгляд его окинул все помещение, все предметы — и погас.

Бушуев внимательно прислушался и ничего не заметил, но вскоре уши его уловили отдаленные еле слышимые звуки.

Бушуев вышел наружу. Он увидел вдалеке стремительно скакавших всадников. Они не жалели лошадей и мча-

---

¹ Проклятие и отлучение от общества — высшая и самая страшная мера наказания у иезидов. Проклятый и отлученный человек становится вне закона, вне всякой поддержки. Он обречен на гибель, если останется в среде иезидов. (Прим. ред.).

лись в развевающихся одеждах. В руках некоторых из всадников Бушуев заметил ружья.

— Что-то будет? — тревожно подумал Бушуев. Каприз случайности поставил его в щекотливое положение. Там, в тени, лежит подобранный им страдающий человек. Этому человеку он должен был бы оказать помощь, но он не смог даже перевязать его ран. Теперь приближаются враги Га-усо. Они увеличат его страдания. Что делать Бушуеву? Он не в состоянии противодействовать приближающимся людям, и, возможно, подвергнется их дикой и жестокой расправе, наравне с Га-усо, так как в этих условиях господствует право сильного.

Всадники промчались и остановились около искалеченной лошади Га-усо. До Бушуева долетели пронзительные гортанные крики.

Разгоряченные взмыленные лошади порывистыми движениями передавали горячность и нетерпение сидящих на них людей.

Бушуева заметили. Над выжженной степью пронесся дикий крик, грохнул выстрел, и свинцовая пуля сочно щелкнулась о камень около самой головы Бушуева.

Всадники мчались к Бушуеву с такой стремительностью, словно хотели растоптать его на полном скаку.

Бушуев стоял и ждал. В душе его зрело злое недовольство.

Всадники спрыгнули с лошадей. Бушуев видел перед собой загорелые и покрытые серой пылью лица и горящие злобой глаза.

— Где он? — крикнул кто-то из подбежавших к Бушуеву людей.

Бушуев молча указал рукой на вход в циклопическую постройку.

Дикая ватага людей с кремневыми ружьями и старинными шашками проскочила мимо и исчезла в тени.

До Бушуева долетел ликующий рев. Но что-то оборвало его, и крик сменился тишиной.

Пребывание в тени как будто успокоило разбушевавшиеся человеческие страсти. Спешившиеся всадники по-

явились вновь, суровые и молчаливые. Задний из них тащил за ногу Га-усо.

— Кто убил его? — задал вопрос старик в пыльной черной одежде, с черным тюрбаном на голове.

Бушуев не понял вопроса и не ответил. Он боялся взглянуть на Га-усо. Он знал, какие страдания перенес этот человек и предполагал увидеть его еще более искалеченным и страдающим.

— Твой нож проткнул его поганое сердце. Человек, поднявший на него руку, не может быть нашим врагом, — сурово проговорил мрачный старик.

Бушуев снова ничего не понял и испуганно взглянул на Га-усо. Тот был неподвижен. Голова беспомощно волочилась по земле. На губах выступила кровь. В груди Га-усо торчала рукоятка ножа Бушуева, который он вместе с другими вещами выбросил из сумки.

— Он подобрал этот нож и убил себя, — испуганно подумал Бушуев.

Старик в черном что-то произнес и всадники кинулись к лошадям. Они вскочили на них с легкостью обезьян. Тело Га-усо было переброшено поперек седла одного из всадников. Свисшие руки болтались, а нижняя часть переломленной ноги качалась во все стороны, поблескивая белыми осколками кости.

Бушуев глядел на эти кости и испытывал мучительную боль... Как будто эта нога была его собственной, как будто он должен был страдать от неосторожного обращения с ней.

Всадники стали удаляться. Шаг коней перешел в рысь, а потом сменился свободным и легким галопом.

Ошеломленный Бушуев стоял и смотрел в солнечную даль, где в виде маленьких точек мелькали только-что бывшие около него люди. Ум Бушуева не мог осознать всего происшедшего.

— Что это — сон или явь?.. Верить тому, что видели глаза, или отмести и забыть, как бред, вызванный палящим солнцем?

Бушуев кинулся в тень, испуганно стал собирать раз-

брошенные вещи и старался не смотреть на запекшиеся пятна крови. Он торопливо направился в ту сторону, откуда пришел.

Вот Бушуев в своей комнате. В руках у него пустые ножны. Он принес их с собой, а нож так и остался в груди Га-усо.

Бушуев в городе, в комнате, а пред глазами пустынная степь, пылающее солнце, серые молчаливые камни. Их сменяет стремительно мчащийся конь, изувеченное человеческое тело, побежденное страдание, озлобленные люди и смерть.

Бушуев стучит ножами по столу и шепчет:

— Это было!!..

Это не бред, не сон, а действительность!..

Он изучал мертвую пустыню, мертвые камни, а когда пришла та жизнь, которую он хотел познать, — дикая и жестокая, — он бежал от нее и хотел забыть.

Прав ли он был? Не следовало ли отойти от камней и начать изыскания среди людей? Ведь древняя минувшая жизнь цела. Она не умерла. Умерли люди, жившие в древности, но их обычаи живы. Что будет, если он оставит в покое мертвые камни, и станет изучать живых людей, верных окаменелым законам?

Бушуев сложил свои вещи и книги, старательно запаковал их, отдал на хранение и исчез из города.

Так он ответил на возникшие вопросы.

III

— Слушай, факир!¹ Путь твоей жизни кончится в этой яме... Ты упал в нее в вечерней темноте и не выйдешь из нее никогда...

---

¹ Факиры — нищенствующее духовенство иезидов. Они носят грубую одежду, преимущественно черного цвета. Факир обязан вести строгую и воздержанную жизнь. (Прим. ред.).

Бушуев нагнулся над ямой и заглянул в ее темную глубину. На дне ямы сидел человек в черном платье, с черным тюрбаном на голове. На тюрбане смутно алела красная повязка, свидетельствующая о том, что носитель черного одеяния — факир.

На слова Бушуева факир ответил злобным взглядом.

— Слушай, факир — продолжал Бушуев: — я сейчас уйду. Сюда не заглянет ни один человек. Вместо людей прибегут горные волки. Они один за другим будут спрыгивать в яму. Тебе не осилить их. Они загрызут тебя. И завтрашний день найдут в яме только твои голые кости.

Снизу донесся стон и тоскливая мольба:

— Выручи меня!..

— Я вытащу тебя из ямы, — ответил Бушуев: — если ты согласишься ответить на все мои вопросы.

— Согласен!.. — последовал ответ из ямы.

Бушуев размотал веревку, заменявшую ему пояс, и опустил ее в яму.

— Обвяжись ею покрепче!.. — проговорил он.

Старик не был тяжелым, и Бушуев легко поднимал его вверх. Еще немного — и попавший в яму факир был бы на поверхности земли. Но Бушуев наступил на веревку ногой и перестал тащить его.

— Поклянись солнцем, землей, водой, воздухом и огнем, что ты скажешь правду, — произнес он, обращаясь к висящему на веревке человеку.

Факир цеплялся за скалы руками, но выбраться наверх не мог. Веревка резала тело и заставляла подчиниться требованию.

— Клянусь святым солнцем, матерью всего — землей, духом божьим — огнем, клянусь водой и ветром — я буду говорить все, что знаю... — произнес старик.

Бушуев ухватил его за руку и поднял над ямой. Он освободил факира от веревки и дал ему возможность отдохнуть и оправиться.

— Где находится шейх Юсуф?.. — задал вопрос Бушуев.

— Около Алагеза, — ответил факир.

— Где царство Мельк-Тауза?..

На лице старика появился испуг.

— Там же... — ответил он с некоторым колебанием.

— Как я могу проникнуть в это царство?..

— Через шейха Юсуфа.

— Нет ли туда другого пути?

— Нет!

— Что я должен сделать, чтобы шейх Юсуф пропустил меня?

— Все зависит от шейха Юсуфа... Он охраняет путь в царство Мельк-Тауза.

— А если он меня не пропустит?

— Тогда ты не увидишь царства Мельк-Тауза, — с некоторым злорадством ответил факир.

— Что нужно для того, чтобы шейх Юсуф пропустил меня?

— Согласие шейха Юсуфа.

— А еще?

Факир колебался.

— Ты дал клятву... — напомнил Бушуев.

— Брось меня обратно в яму!.. — вместо ответа попросил старик.

— Нет! Ты согласился отвечать и отвечай!.. — приказал Бушуев.

— Нужен знак Кака, — тихо ответил факир.

— А что такое Как?.. — продолжал выпрашивать Бушуев.

— Высший глава факиров... Он живет в святом месте в Алепинской области.

— Что это за знак?—спросил Бушуев.

Факир поднялся и обратился лицом к востоку.

— О, создатель!.. Через Шамсэдина, Фэкэдина, Насрэдина, Сиджадина, Шехисина, Шейх-Бакра и Кадира-Рахмата к тебе взываю, — шептал факир слова молитвы. — Я ничтожество, я хил, я падший, но ты помнишь меня. Грехи и вину мою прости!

Торопливо закончив молитву, факир бросился в яму головой вниз. Испуганный Бушуев вскочил с места, но было уже поздно. На дне ямы лежало неподвижное человечес-

кое тело с раздробленной головой.

Бушуев выругался и поспешил удалиться от печального места.

Неудача преследовала Бушуева. Она как будто шла вместе с ним и портила ему все замыслы. Вот встретился ему попавший в беду иезидский факир, и Бушуев думал получить от него необходимые сведения. Но благоприятный случай закончился самым неожиданным образом. Пред Бушуевым была тайна, и он не мог раскрыть ее. Пред ним был народ, которым управляли какие-то непонятные законы, и Бушуев не мог постичь их.

Совершенно неожиданно задумавшийся Бушуев увидел пред собой дымки. Они выходили как будто из-под земли, из закопченных, неправильной формы, дыр. По этим дымкам Бушуев определил, что пред ним человеческое жильё, и направился к ближайшему.

Человеческое жильё представляло собою темную, грязную, закопченную дыру. Так, должно быть, жил первобытный человек, когда он покинул природные пещеры и начал строить себе убежища.

Вместо окна — отверстие в стене. Вместо трубы — отверстие в потолке. На земляном полу — очаг. Едкий дым наполняет темное помещение и скрывает лоснящиеся от копоти стены и людей.

Бушуев подсел к огню. Он устал от неудачных скитаний по глухим и мертвым ущельям и не замечал едкого дыма. Давно изорвалось и истлело городское платье, и Бушуев заменил его плохо выделанными шкурами и связанной из шерсти одеждой.

Вместе с платьем как будто истлели и уничтожились все культурные привычки. Бушуев освоился с дикой жизнью и воспринял ее.

К грязной стене прижались две грязных и суровых женщины. Они не отрывались от веретен и в напряженном молчании сучили из шерсти нитки. Бушуев заметил, что младшая женщина уже стерла кожу на пальцах, но превозмогает боль и в каком-то иступлении продолжает работу.

В углу, на груди войлоков и грязных подушек, неподвижно лежал мужчина. Частое и тяжелое дыхание говорило, что лежащий на войлоках тяжело болен. Он разметался в бреду, и он моментами начинал таинственный разговор с мерещившимися ему видениями. Женщины в испуге жались к стене, но не прекращали своей работы.

Они дали Бушуеву сыра и хлеба, поставили кувшин с водой и сосредоточились в хмуром молчании над простой и напряженной работой.

— Что же вы не лечите его?.. — спросил Бушуев.

— Вечером придет колдунья, — сухо ответила старшая женщина.

Бушуев попытался задать еще несколько вопросов, но ответы были сухи. Погруженные в работу женщины не проявляли охоты к разговору.

С наступлением темноты пришла колдунья. Она была стара. Тяжесть лет согнула ее спину и потребовала опору в виде сухой и сучковатой палки. Грязь въелась в морщинистое лицо и костлявые руки. В некоторых местах она отваливалась коркой и образовывала странные пятна. Старуха впиалась в Бушуева острым злым взглядом и отвернулась. Тонкие жилистые пальцы ее порылись в заменявших одежду прокопченных лохмотьях и извлекли ржавый топор, похожий на древнюю секиру.

— Где мой топор?.. — внятным шопотом спросила старуха и ответила: — вот он!.. Он остер... Он может перерубить быка... Он не пощадит и духа.

Старуха направилась к больному. Она обнажила его тело около поясницы и подняла вверх топор, как будто намереваясь разрубить больного.

— Мирза болен... В Мирзу проник злой дух, — возбужденно шептала старуха: — Я знаю тебя, злой дух!.. Ты прячешься в темных ущельях и причиняешь людям зло... Ты спустился с гор и тайно проник в тело Мирзы, чтобы мучить его. Я знаю тебя, дух, и сейчас зарублю!

Старуха опустила топор и осторожно коснулась им тела больного.

— Выходи, злой дух, иди в горы и не мучь Мирзу!.. Вы-

ходи, или я зарублю тебя!

Еще раз коснулся топор тела больного, и лечение было закончено. Злой дух должен был испугаться угроз старухи и покинуть тело Мирзы.

От досады Бушуеву хотелось плюнуть и выругаться, но он пришел сюда не для того, чтобы возмущаться и выражать негодование.

Женщины проводили колдунью и вернулись ободренные. Они постлали около очага несколько войлоков, положили тяжелые, набитые шерстью, подушки, а вместо одеяла дали палас.

— Ночь наступила... Ночью надо спать... Ложись, человек, и спи!.. — проговорила старшая женщина.

Женщины забились в угол; оттуда долетел до Бушуева тихий шопот и смолк.

Очаг догорел. С каждой минутой тлеющие угли бледнели, уменьшались и скоро совершенно исчезли под пеплом.

Дыра в стене была заткнута соломой, и только через заменявшее трубу отверстие до Бушуева доходил трепетный свет звезд.

Прошла ночь. Злой дух не покинул тела больного. Мирза попрежнему лежал без сознания.

— Слушай, человек!.. — обратилась к Бушуеву старшая женщина: — Наш очаг стал местом скорби. Тебе будет скучно здесь. Перейди к моему брату. У него радость. Он просватал свою дочь.

Бушуев покорно переключался от очага скорби к очагу радости.

Радость путешествовала по зимней стоянке иезидов. Два подростка несли разукрашенные разноцветными лоскутами ветки. За подростками шли пять мужчин. Один из них прыгал и скакал, остальные брели в какой-то тупой сосредоточенности. Две понурых женщины вели за руку девочку лет десяти. Среди мужчин был жених — 35-летний иезид. Высокий и крепкий, он как будто был создан для того, чтобы ворочать скалы и вырывать с корнем деревья. Девочка — его невеста. Тупо и сонно лицо жениха, детской

живостью блещут глаза девочки. Она — виновница торжества. Из-за нее ходят эти люди с ветками среди вырытых в земле человеческих нор. На нее обращены взгляды всех встречных людей.

Бушуев присоединился к шествию. Они обошли небольшое поселение, вышли за пределы его и остановились. Дальше идти было некуда. Дальше лежали голые пространства, изрезанные лощинами и оврагами, высились бугры и пригорки. Дальше была природа, холодная и равнодушная к человеческому горю и радости. Свадебная процессия повернула к жилью-землянке.

Свадьба не могла состояться: не было шейха для выполнения брачного обряда. Не было и пилюль «земзем», которые могли заменить молитву отсутствующего шейха, освятить и узаконить брак.

Запылал огонь в очаге и наполнил помещение едким дымом. Хозяева и гости расположились на войлоках и подушках. Появился неизменный сыр и темный хлеб, и еда внесла некоторое оживление. Отпущенная на свободу невеста убежала к детям. Веселая и радостная, она прыгала беззаботным зверьком и голосисто кричала. За ее мать заплатили тридцать голов скота, за Хамэ — тридцать пять, за Набот — сорок, а за нее — пятьдесят голов, — значит, она лучше всех.

Был доволен и отец девочки: он взял за дочь хороший калым. Печаль и радость уравнились в душе матери. Жаль было дитя, но жалость уничтожалась сознанием обычности совершающегося. Молчал жених. Взятый с него выкуп был значителен, но община помогла ему и приняла участие в расходах. Каждый дым дал пару овец или корову.

Молчал Бушуев. Все, что происходило на его глазах, было мерзко и отвратительно. Но это мерзкое совершалось в продолжение многих тысячелетий и стало непреложным и обязательным.

— Расскажи нам сказку... — обратился хозяин к жениху.

Жених откашлялся и устроился на сиденьи поудобней. И по тому, как он подготавливался к рассказу, видно было,

что сказка является для него большим и серьезным делом.

Вместе с рассказчиком преобразились и слушатели. В их глазах загорелись огоньки любопытства. Они подвинулись к рассказчику поближе, чтобы не пропустить ни одного слова.

— В стране Муша был некий Авдал-ага, — стал рассказывать жених. — Сорок тысяч дымов у него было. Из этих дымов восемьдесят тысяч мужей, обнажающих меч, выбегали в день несчастья. Семь сыновей у Авдал-аги было: Ростам-ага, Балул-ага, Авди-ага, Салман-ага, Махмуд-охотник, Озман-боец и Асад-битвоохотливый. Богатство Авдал-аги без счета было: сорок тысяч баранов-самцов, пятьдесят тысяч лошадей. И дочь еще одна у него была. Имя ей Малак было. Коса Малак по земле волоклась. Была Малак белее снега, целебней лекарства. Госпожею господа была Малак...

Рассказчик приостановился, а заинтересованные слушатели подвинулись ближе и напряженно ждали.

Уходило никому ненужное время, неторопливо плелась нить сказки. Ссорились из-за красавицы женихи, ссора проникала в семью, дробила ее. Победили Авдал-агу враги, и пришлось ему с женой и дочерью бежать в туркменскую землю.

Увлеченные сказкой слушатели забыли обо всем. Они жили в мире фантазии и верили в невероятных героев, восторгались их чудовищными подвигами.

Поздно окончилась сказка, и слушатели жалели, что не продлилась она еще и не украсила собой серый вечер.

— Мы уйдем этой ночью на летние пастбища, — сказал Бушуеву хозяин жилья: — Пойдем с нами.

Бушуев отказался. Он устал от бесцельных и изнурительных скитаний.

Вечером в темном жилье шли торопливые сборы. Укладывались и увязывались вещи и продукты. Женщины и дети проявляли нервную хлопотливость. К ночи сборы были закончены. Мужчины сдержанно переговаривались о порядке выступления.

С наступлением ночи никто не лег спать. Все собрались у очага и ждали. Бушуев с недоумением наблюдал необычную картину сборов. К полуночи нервное напряжение как будто улеглось. Все сидели и чутко прислушивались.

Бушуев не понимал этого ожидания. А когда в темноте раздался петушиный крик, его заглушил восторженный рев людей. Крик петуха всех привел в движение. Ярче запылал огонь в очаге и осветил суетливо метавшихся людей. Сложенный во вьюки скарб прикреплялся к быкам и лошадям.

Через несколько минут жильё опустело. Бушуев вышел наружу и прислушивался к тем звукам, которые доносились до него из темноты. Человеческие голоса тонули в реве и бляении поднятых стад. Иезидская община раздробилась на целый ряд мелких единиц (оба) и в ночной темноте расплзлась по летним пастбищам.

— Но почему это делается ночью?.. Почему сигналом к выступлению служит петушиное пенье?.. — спрашивал себя Бушуев.

Ответы на эти вопросы не от кого было получить. Поднятый уходящими стадами шум замирал в ночной тишине. Обезлюдившее поселенье казалось мертвым и жутким.

Бушуев вошел в землянку, подбросил в огонь топливо и стал устраивать себе постель из сухой травы. Он заткнул соломой дыру в стене, прикрыл двери и лег спать. Бушуеву приходилось проводить ночи одному среди пустынных гор, и одинокое пребывание в покинутом поселении его не смущало.

Спал он долго и крепко и проснулся утром от стука и крика. Кто-то настойчиво вызывал обитателей жилья наружу.

Протирая заспанные глаза, Бушуев вылез из землянки. Он увидел перед собой четырех вооруженных всадников. Это были курды-мусульмане, отъявленные воры и не менее отъявленные грабители. На коне они чувствовали себя так же свободно, как рыба в воде. Курды были одеты в живописное отрепье и носили его гордо и непринужденно.

Бушуеву некогда было любоваться свободной и изящной посадкой всадников, так как встреча с курдами сулила мало хорошего.

— Ты почему не поторопился выйти на зов?.. — накинулся на Бушуева один из курдов.

— Не кричи!.. Ты — не хозяин, а я — не раб!.. — холодно ответил Бушуев.

Тон Бушуева ошеломил курда, и он спросил его:

— Кто ты?

— Путник!.. — коротко отрезал Бушуев.

— Что ты здесь делаешь? продолжал допрос курд.

— Переночевал, а теперь пойду дальше.

— Куда идешь?

— Туда, где человек относится к человеку по-человечески, а не накидывается на него, как бешеная собака!

Бушуев знал, как жестоко обращаются курды-мусульмане с иезидами. Знал он также и то, что приниженность иезидов не спасала их от жестокой расправы. И теперь он отвечал курдам грубо и дерзко, рассчитывая произвести впечатление и вызвать иное отношение к себе. Бушуев не ошибся. Воинственные курды видели пред собой бесстрашного и спокойного человека, которого не запугал их вид и которого можно скорее убить, чем запугать.

— Ты — иезид?.. — поинтересовался один из курдов.

— Нет!..

— Я плюю на вашего Мельк-Тауза!.. — произнес курд и сплюнул.

— Плюй еще, если тебе хочется... — отозвался на плевков Бушуев.

От такого святотатства все иезиды обычно приходят в ужас и в страхе разбегаются. И то, что Бушуев не закрыл лицо руками и не побежал с воплем, было подтверждением его слов.

Курды стали разговаривать спокойнее.

— Где жители этой стоянки?.. — задал вопрос ближайший к Бушуеву курд.

— Сегодня ночью ушли на летние кочевья... — не задумываясь ответил Бушуев.

— А ты не видел — был ли у них кавал с синджаком?.. — последовал новый вопрос.

— Я не знаю, что такое кавал и что такое синджак... — ответил Бушуев.

— Синджак — это медный петух Мельк-Тауз, которому поклоняются эти дураки, а кавал — человек, таскающий синджак, — со смехом пояснил курд.

— Я не видел ни кавала, ни синджака... — произнес Бушуев.

— Ну, что же... Придется нам перехватить их в другом месте! — произнес курд, обращаясь к остальным, и повернул лошадь.

Трое курдов молча последовали за своим вожакom.

Бушуев проводил глазами всадников, обдумал свой разговор с курдами и вдруг воскликнул обрадованно:

— Ага!.. Теперь у меня есть с чем явиться к шейху Юсуфу!..

IV

Кончился приступ малярии. Бушуев очнулся, хотел подняться с жесткого ложа — и не мог. Как будто гигантский каток прошелся по телу, смял мышцы, раздробил кости и выжал силы.

Бушуев выждал, пока прекратилось головокружение, потом дотянулся до сумки и извлек из нее бутылку с коньяком. Прямо из горлышка сделал глоток, посмотрел на золотистую влагу и подумал с грустью о хинине. Несколько порошков хины могли бы принести ему огромную пользу.

Коньяк оживил Бушуева. Услышав конский топот и собачий лай, он поднялся и вышел из палатки. Он увидел мчавшегося на лошади всадника, окруженного стаей лающих собак. Это был шейх Юсуф. Шейх на полном скаку спрыгнул с лошади и направился к Бушуеву. Бушуев увидел перед собой почтенного старика, гибкого и подвижного. Время украсило серебром его волосы, но совершенно не кос-

нулось бронзового лица. Гладко выбритое, оно было резко очерчено и выразительно. Орлиный нос, орлиные глаза — а над ними, как крылья птицы, раскинулись черные брови.

— Сердце мое радуется тебе. Пользуйся моей палаткой и всеми вещами, как собственными. Я буду твоим слугой, — приветствовал шейх Бушуева.

— Я доволен тем, что увидел тебя, и мне ничего больше не нужно, — ответил Бушуев.

Он давно постиг тонкости восточного этикета и любил лживую цветистость выражений, затемняющих истину и доставляющих удовольствие чувству. Но Бушуев пришел сюда не для того, чтобы наслаждаться льстивыми уверениями. Он подошел вплотную к шейху и тихо произнес:

— Спасай синджак! Курды хотят похитить его...

Лицо шейха нахмурилось и потемнело.

— Откуда ты знаешь об этом? — спросил он подозрительно.

— Я ночевал в зимней стоянке, в полудне пути отсюда. Четыре курда приезжали туда за синджаком и кавалом! — ответил Бушуев.

Шейх Юсуф резко повернулся и крикнул пастухам:

— Седлайте коней!

Распоряжение было отдано таким властным тоном, что пастухи забыли присущую им медлительность и стремительно кинулись к лошадям. Через несколько минут группа всадников торопливо промчалась по ложине и исчезла среди вышенностей.

Бушуев удовлетворенно потер руки и подумал:

— Если грабители не успели овладеть синджаком, то шейх Юсуф будет благодарен за предупреждение, и тогда, возможно, он исполнит мою просьбу.

Бушуев был доволен. Полоса неудач, кажется, кончилась. Принесенные сыр, молоко и хлеб показались Бушуеву необыкновенно вкусными и он с жадностью накинулся на них. Когда голод был удовлетворен, Бушуев улегся в тени, и стал подводить итоги своим наблюдениям. Что узнал он об этом таинственном народе?.. Почти ничего. Какая-то странная и непонятная религия держит людей в подчине-

нии. Она расчленила их на касты, изолировала одну часть от другой, но вместе с тем не убила общности, единства.

Каста шейхов занимает господствующее положение. Им подчиняются все. Шейхи — это высшее духовенство. Шейхами могут быть только потомки шейхов.

Каста пиров исполняет обязанности священников. Каста факиров обслуживает святые места и занимается нищенством. Каста кавалов собирает подати. Кроме этих каст, есть еще целый ряд других, пользующихся своими особыми правами и преимуществами. Каждую касту возглавляет руководитель. Над всем же народцем царит эмир, бесправный владыка бесправного народа.

Но в чем же сущность религии иезидов, кто почитается ими за божество?

На эти вопросы Бушуев не получил ответа. Синджак или медный петух, за которым охотятся сейчас курды-мусульмане, символ Мельк-Тауза — сатаны. Ему поклоняются, ему приносят дары и жертвы. Мельк-Тауз — бог главный, но не единственный. За ним следуют другие боги — солнце, луна, огонь, вода, земля, ветер.

Сколько тысячелетий владеют невежественными умами эти древние, ветхие боги и не рушатся?..

Иссякла мысль, и Бушуев незаметно уснул. Он спал, а солнце оглядело палатки с востока и юга, и стало освещать их с запада. Бушуев не слышал как вернулся шейх Юсуф, и проснулся только от прикосновения его руки. Сон вытеснил все впечатления, и Бушуев с недоумением рассматривал склонившееся над ним озабоченное лицо.

— Кто это и что ему нужно от меня? — была первая мысль Бушуева. Потом его сознание уловило что-то знакомое, и он с тревогой спросил:

— Ну, что, как?..

— Плохо! — подавленно ответил шейх Юсуф: — Кавал убит и ограблен, а синджак похищен.

Бушуев был искренно огорчен этой вестью.

Снова неудача разрушила все планы.

— Кто похитил синджак? — задал вопрос раздосадованный Бушуев.

— Курд Гасан-оглы, — тихо произнес угнетенный шейх.

— Кто этот Гасан-оглы? — выспрашивал Бушуев: — И почему вы не отнимете у него синджак?

— Гасан-оглы — разбойник. Он загубил людей больше, чем волос у него на голове. За него все курды... На них нельзя напасть.

В голосе шейха звучала безнадежность.

— А где сейчас этот Гасан? — снова спросил Бушуев.

— Он здесь недалеко, и шейх Юсуф показал рукой на горы.

— Можно взглянуть на место его стоянки? — поинтересовался Бушуев.

Вопрос был задан без всякой цели и мысли. Он как-то сам собой сорвался с языка. И когда Бушуеву подвели лошадь, то он нерешительно вспрыгнул на седло.

— Зачем он едет и что он может сделать, если поглядит издали на место стоянки какого-то известного разбойника?

Но отступать было поздно, и Бушуев поскакал следом за проводником, придерживая рукой колотившееся о спину ружье.

Проводник неожиданно остановился и сказал:

— Я подержу лошадь, а ты иди к тем кустам... Там стоит один из наших.

Бушуев спрыгнул с лошади и стал подниматься на возвышенность. В кустах он заметил иезида и присоединился к нему.

Вскоре он увидел четыре темных палатки, большое стадо овец и несколько человек.

Заходящее солнце быстро погрузило все в темноту. Глаз замечал сперва смутные очертания, а через некоторое время уже не мог ничего различить.

— Пойдем ниже. Отсюда мы ничего не услышим! — предложил Бушуеву иезид.

Бушуев осторожно начал спускаться.

— В этих палатках не больше десяти мужчин, — подумал Бушуев. — Если бы я находился не в обществе забитых и покорных иезидов, то давно бы похищенный синджак был

бы отнят обратно.

Пастух приблизился к палаткам, насколько было возможно, и лег на землю.

— Дальше нельзя, — проговорил он со вздохом: — Если подойти ближе, то нас могут почуять собаки, и тогда будет плохо.

При воспоминании о собаках у Бушуева явилось желание немедленно исчезнуть. Он знал, чем кончаются встречи с ними, и предпочитал избегать их.

Пастух неожиданно насторожился и пополз вперед.

— Там что-то делают! — тихо произнес он.

Вытянулся и насторожился и Бушуев. Ухо его улавливало блеяние овец, мычание коров и лай собак. Кроме этого он ничего не мог различить.

— Если бы был свет! — уныло произнес пастух.

— Свет? — мелькнула мысль в голове Бушуева: — А ведь у него есть свет... Что, если применить его?..

Мысли замелькали, как искры над костром.

— Слушай, — шопотом обратился Бушуев к пастуху: — У меня есть пули, которые дают свет. Они летят и горят, словно свечи, и дают много, много света. Если я буду стрелять ими, то разбежится скот, разбегутся и люди. согласишься ты тогда пойти в палатки и взять синджак?

Пастух молчал. Он не понял торопливой речи Бушуева, а Бушуеву его проект показался таким блестящим и легко выполнимым, что он не стал ждать ответа. В патронташе он быстро нашел заготовленные ракеты и стал заряжать ими магазинку.

Выстрел разбудил вечернюю тишину. Из всех лощин откликнулось эхо, и выстрел как будто повторился сотни раз. Блестящая искра прочертила воздух и пылающей звездой спустилась на землю. Серебряный свет наполнил лощину.

— Мимо! — проворчал Бушуев и выстрелил еще раз.

Вторая ракета впиалась в овечьё стадо и произвела переполох. Овцы метнулись во все стороны и разбежались.

Ракету за ракетой посылал Бушуев в темноту. Он видел бившихся на привязи лошадей и коров. Ветхие веревки не удержали перепуганных животных. Они сорвались с привя-

зей и умчались в темноту, где ничто не нарушало ночного покоя. Следом за животными в паническом страхе бежали люди. Бушуев подгонял их ракетами. Пылающие звезды летели за бегущими и гнали их все дальше и дальше от покинутых палаток.

— Ну, теперь иди и бери синджак! — обратился Бушуев к своему спутнику.

Ответа не последовало. Бушуев взглянул в ту сторону, где был пастух. Но иезида не оказалось. Ракеты Бушуева перепугали его, и он исчез одним из первых.

Бушуев выругался и стал спускаться к покинутым палаткам. Он был зол. Успех уже не радовал его. Ему надо было теперь найти синджак, о размерах которого он совершенно не имел представления. Придется обыскивать все палатки, а на это потребуется много времени.

У первой палатки Бушуев наступил на что-то, и чуть было не упал. У ног послышался стон.

Бушуев нагнулся и ощупал тело, которое чуть было не свалило его с ног. Это был человек. Бушуев схватил лежащего за шиворот и встряхнул его.

— Где синджак? — со злостью спросил Бушуев.

Человеческое существо взвизгнуло от боли и страха и отозвалось пискливым женским голосом.

— Здесь он!.. Здесь!..

Бушуев разжал руку, и женщина упала на землю.

— Иди и показывай, где он? — приказал Бушуев.

— Я не могу ходить... Я — калека! — донесся с земли испуганный шопот.

Бушуев бесцеремонно поднял лежащую женщину и спросил:

— В какой палатке синджак?..

Он внес калеку в указанную ею палатку и приказал:

— Ищи!..

Черный комок пополз по земле в угол и через минуту оттуда долетел сдавленный голос:

— Вот он... Будь он проклят!..

Бушуев подошел и взял какой-то металлический предмет, тяжелый, странной формы. Он ощупал его руками и уловил подобие какой-то птицы.

— Лежи и молчи, а иначе я выну из тебя душу и зажгу ее! — приказал Бушуев калеке и вышел из палатки. Он выпустил еще одну ракету вверх, осветил местность, наметил направление и пошел.

Бушуев не нашел ни лошадей, ни иезидов. Этого он уже совершенно не ожидал. От злости и возмущения он швырнул синджак на землю.

Положение, в котором оказался Бушуев, не обещало ничего хорошего. Он не знал местности, не знал, куда идти и где искать палатки шейха Юсуфа, а темнота не позволяла ориентироваться. Оставаться на одном месте также нельзя было, так как вблизи находились враги.

Бушуев постоял, подумал, потом подобрал синджак и тихо двинулся вперед.

— Если сломаю голову, то это будет достойным вознаграждением за бессмысленные поступки, — подумал он.

Он шел в непроглядной темноте, часто спотыкался, а иногда, как слепой, осторожно ощупывал дорогу прикладом ружья.

Под покровом темноты поверхность земли как будто преобразилась.

Когда Бушуев ехал на коне, он не замечал ни этих рытвин, ни крутых подъемов, ни таких же крутых склонов. Чем дальше, тем больше препятствий встречал Бушуев, наконец, он решил остановиться и дожидаться рассвета.

Он опустился на землю и положил рядом медное изваяние. Рука, в которой он нес синджак, пропиталась противным запахом окиси меди, и Бушуев брезгливо вытер пальцы об одежду.

Удача не радовала Бушуева. Что ему от этой удачи, когда следом за ней придет неудача и уничтожит все достигнутое? Он добыл похищенный у иезидов синджак. Казалось бы, что теперь пред ним откроются двери таинственного мира, а между тем поклонники сатаны, которые должны были все время быть неотлучно с ним, бежали и покинули

его одного ночью в незнакомом месте.

Бушуев услышал отдаленный конский топот и насторожился. Кто это?.. Браги или опомнившиеся иезиды?.. Как узнать?..

Бушуев затаил дыхание и стал прислушиваться. Торопливый конский топот приближался. Ухо уловило дыхание разгоряченных лошадей, тихое фыркание.

Неожиданно топот прекратился. Бушуев напрягал зрение, слух — и ничего не мог уловить. В непроницаемой для глаза темноте царила полнейшая тишина. Казалось, что слышанный конский топот был галлюцинацией.

Но неожиданно в темноте раздался человеческий голос:

— Где ты оставил его? — спросил кто-то тихо и властно.

— Мы были с ним там, около кустов, а потом спустились ближе к палаткам, — ответил второй голос.

— Я здесь! — обрадованно крикнул в темноту сразу оживший Бушуев.

Снова стал слышен конский топот, и из тьмы к Бушуеву приблизилось несколько темных силуэтов.

— Шейх Юсуф, — обратился наугад к темным силуэтам Бушуев: — Прими от меня синджак и береги его. Я сделал все, что мог, и больше от меня ничего не ждите...

Силуэты всадников сразу исчезли, как будто порыв ветра сорвал их с коней. Трепещущими руками шейх Юсуф бережно принял от Бушуева медное изваяние и почтительно приложился к нему.

— На коней! — скомандовал шейх.

Бушуеву подвели лошадь и помогли сесть. Он ощущал под собой тело лошади, но не видел ее и моментами ему казалось, что он плывет по черному потоку на легком и зыбком челноке. Лошади учащали шаги и вскоре бросились в неприглядную темноту торопливой рысью.

Бушуеву показалось, что они ехали с излишней скоростью. Но еще с большей скоростью умчался передовой всадник. Бушуев слышал, как он хлестнул лошадь, слышал учащенный топот — и всадник исчез.

В палатках обы шейха Юсуфа ярко горели костры. Подъехавший Бушуев увидел необычную картину. Все иези-

ды — взрослые и дети — выбежали навстречу всадникам. Они пели, плясали и что-то выкрикивали.

Бушуев спрыгнул с коня и с недоумением наблюдал находившихся в непонятном восторге людей.

— Приди, и мы станем петь тебе хвалу и плясать! — восклицали прыгающие иезиды, и спешили приложиться к синджаку.

О Бушуеве как будто забыли.

Шейх Юсуф отнес грубое подобие павлина в палатку и вышел к Бушуеву.

— Чего ты хочешь?.. Говори, и мы исполним каждое твое желание, — произнес он.

— Я устал и хочу спать, — ответил Бушуев, заметивший, что его удивление стесняет поклонников дьявола.

Шейх хлопнул в ладоши. К нему подбежало несколько иезидов.

— Приготовьте нашему гостю самую лучшую постель, — приказал шейх Юсуф.

Постель была приготовлена с изумительной быстротой. Шейх Юсуф почтительно проводил Бушуева и в самых изысканных словах выражал свою благодарность. Он помог Бушуеву снять ружье и патронташ, принес воды и ушел только тогда, когда бережно прикрыл гостя мягким ковром.

Бушуев чувствовал чрезвычайное утомление и, вместе с тем, полное удовлетворение. Полоса неудач как будто кончилась. Завтрашний день будет иным днем. Дремота охватила сознание. Мягкое ложе как будто поплыло и тихо заколебалось. Мысль погасла и Бушуев уснул.

V

Большая радость и огромное недоумение наполняли шейха Юсуфа. Он рад спасению синджака, но кто этот человек, удостоившийся прикоснуться к священному изображению? Кто он, и чья воля направляет путь его?.. Таинственной силой обладает этот человек. Из ружья он стреляет звездами

и нагоняет страх на людей, от рождения не знавших страха.

Утром шейх Юсуф первым вошел к проснувшемуся Бушуеву, пригласил его в другую палатку и почтительно усадил на лучшее место.

Были осторожны и туманны вопросы, которыми шейх хотел разрешить свои недоумения.

Но ответы были так же осторожны и путанны, как и вопросы.

Бушуев видел, чего хочет шейх, и не торопился удовлетворить его желание. К чему спешить? Если поспешишь удовлетворить любопытство мужчины, не покажешь ли этим, что уподобил его женщине?

Принесли пищу. Шейх Юсуф приказал нарезать лучшего барашка, и от поставленного на ковер блюда веяло раздражающим аппетит ароматом жареного мяса, приправленного чесноком.

Это было сэлкали — единственное вкусное блюдо, известное курдам.

В своих скитаниях по горам Бушуев обнаружил, что степень культурности народа можно определить и по разнообразию пищи. Чем проще и однообразней пища, тем диче и некультурней народ. Бушуев встречал людей, которые знали только одно блюдо — вареное мясо. Соль была единственной приправой этого кушанья. Это были дикие кочевники, не знавшие ни грамоты, ни своего прошлого. Они бродили по земле и как будто не находили подходящего для постоянной жизни места. Иезиды стояли выше кочевников. В их передвижениях была плановость. Они дольше задерживались в определенных пунктах. У них определилось прошлое, зародилась грамотность. И пища их была несколько разнообразней. Кроме вареного мяса, они знали мясо жареное. Это жаркое, правда, приготавливалось самым незатейливым способом. Мясо жарилось прямо на углях. Но кроме этих кушаний, иезиды, как и все курды, могли готовить еще ряд кушаний. Самым же лакомым считалось сэлкали. У курдов даже была специальная посуда — сэл. На выпуклой стороне этой посуды пекли хлеб, а вогнутая пред-

назначалась для сэлкали. Сэлкали приготавливалось из мелко нарубленной баранины, зажаренной на курдючном сале. В приготовленную таким образом баранину подмешивают кислое молоко и добавляют чеснок.

Бушуев давно не ел ничего вкусного и с жадностью накинулся на принесенное блюдо. Молодая баранина как будто таяла во рту. Особенно хороша была грудинка с нежным, хрустящим под зубами салом.

Не было ни вилок, ни ножей, ни тарелок. Кушанье приходилось брать руками и справиться с ним самым первобытным способом — с помощью пальцев и зубов. И чем пружорливее был гость, тем больше удовольствия получал хозяин.

Как хорошие машины работали челюсти, и работа их, казалось, не имела конца. Вдвухались желудки, и приходилось распускать пояса, чтобы дать простор разбухающим животам.

Все в мире непостоянно. Кто знает, что принесет завтрашний день?.. Если сегодня есть возможность набить желудок вкусной пищей — набей его. Не откладывай ничего на завтра, бери все сегодня, сейчас, так как никто не может сказать, что будет завтра. Не надо думать об этом.

Бушуев привык к этой примитивной философии. Привык к такого рода насыщению и его желудок. Желудок был переполнен и ощущал уже порядочную тяжесть, а Бушуев все продолжал жевать. Звучная отрывка услаждала слух. Отрывка была благодарностью желудка. Она — неопровержимое свидетельство гостеприимности хозяина, сумевшего набить живот гостя до предела.

Все тело ощущало приятное опьянение. Туманилась мысль, исчезала энергия. Хотелось лечь и ни одним движением не нарушать работы, которая творилась внутри переполненных животов.

С полным удовлетворением посматривал шейх на пресытившегося гостя.

Теперь шейх узнает все. Если сердце голодного полно скрытности, то в душе сытого нет места для тайны.

Шейх расположился поудобнее и приготовился слушать. Бушуев тупо бормотал слова благодарности и всяческих пожеланий.

С двух сторон палатки были подняты полотнища; свежий горный воздух незримым потоком вливался в палатку и нес с собой освежающий аромат. Вдали виднелись горы с девственно-белыми вершинами. Спокойные, неподвижные, они звали всех к тому же вечному покою. Покрывшиеся мутью глаза Бушуева не отрывались от этих вершин. И наблюдательному шейху казалось, что в голове Бушуева нет ни одной мысли, что весь он во власти сонного отупения.

Но вот немного прояснились глаза Бушуева, лениво шевельнулись губы, и шейх насторожился.

— Когда желудок наполнен и сердце не имеет желаний, хочется благодарить того, кто создал жизнь и сделал ее прекрасной, — тихо проговорил Бушуев, и после короткой паузы стал говорить дальше. Он говорил то, что по его предположению должно было заставить шейха забыть обычную недоверчивость и замкнутость и дать ответ на интересующие Бушуева вопросы.

— Но кого благодарить?.. У каждого народа свой бог, своя вера и каждый говорит, что его бог — самый лучший. И каждый прав по своему. Огню поклоняются огнепоклонники около Баку. Огонь — начало начал. Маленький камешек в молитвенном настроении прикладывает к скале камнепоклонник и замирает от восторга. И он тоже прав по своему. Маленький камешек — частица большого камня; большой камень — частица земли. Такой же частицей является и человек. И прикладывая камень к камню, человек соединяет разорвавшуюся цепь, включается в нее и сливается со всем миром.

Шейх Юсуф слушал и не понимал. Он ждал другого разговора.

Но Бушуев продолжал свое. Он попросил шейха познакомиться его с религией иезидов.

Лицо шейха стало серьезным и отразило глубокое уважение и волнение пред затронутым вопросом.

Бушуев слушал внимательно и старался быть как можно серьезнее. Он знал, что при малейшем неуважительном отзыве о божестве иезидов его ждет смерть. Каждый иезид должен убить всякого, кто неодобрительно и оскорбительно отзовется о Мельк-Таузе, а если он не сможет сделать этого, то он должен убить себя. Обычно иезиды избегают таких тем, и только то, что сделал Бушуев для спасения синджака, и та серьезность, с которой говорил Бушуев, и его почтительное внимание заставили шейха Юсуфа заговорить о самом священном для него. Он говорил горячо и красочно. Он верил каждому слову из того, что сказал, и не отступился бы ни от одного слова.

— Мир создал бог. Был скучен этот мир. В нем было одно только прекрасное, доброе, совершенное. Но... остался доволен бог своим творением и готовился уйти на отдых. Вдруг предстал пред богом великий и мрачный Мельк-Тауз. Слова его были молнией, а голос — громом.

— Несовершенен твой мир, великий создатель, — сказал Мельк-Тауз: — Все в нем односторонне хорошо, и нет в нем равновесия. Не может быть света без тьмы. Нет дня без ночи. И ангелы не могут быть ангелами без дьявола. Только от противоположности постигается доброе и прекрасное.

Ответил смущенный бог:

— Иди и твори!

С высоты неба низвергнулся мрачный Мельк-Тауз. Тень от крыльев его закрыла землю и расползлась по всему миру. Ледяное дыхание Мельк-Тауза родило зло в отличие от добра. Ночь пришла на смену дню. Зима — лету, гроза — покою. На земле появились ядовитые растения и дикие животные. Между людьми стали появляться уроды, и злые цветы порока затмили добродетель. Совершенное смешалось с безобразным, прекрасное осквернилось. В гневе своем проклял бог Мельк-Тауза и отверг его от себя. Но земля приняла его, и он стал блуждать по ней и прятаться в тени. Когда иезиды были в горах Месопотамии, они приютили Мельк-Тауза.

— Мы знаем, — убежденно говорил шейх, — что он силен, что он — дух, и что он снова получит власть. Мы знаем,

что Мельк-Тауз сотворил зло не ради зла, а для того, чтобы отличить добро от зла и сделать его ценнее. Мы почитаем Мельк-Тауза, как бога, и он печется о нас. Он — господин огня, воды и воздуха. Он дает нам все это в изобилии. Огнем он очистит греховный мир и создаст новое царство света и добра. И мы будем блаженствовать в нем.

— Откуда ты знаешь все это? — спросил Бушуев, когда шейх Юсуф кончил свою вдохновенную речь.

— У нас был великий пророк — шейх Адэ. В него воплотился Мельк-Тауз и через него дал нам все законы, правила и молитвы.

— Почти во всех религиях, — проговорил задумчиво Бушуев, — я нахожу одно и то же.

— Что именно? — с беспокойством спросил шейх.

— Во всех религиях людям обещается награда и блаженство в отдаленном будущем, и нет ни одной религии, в которой бы это блаженство и награда достигались людьми при их жизни.

— О, у нас этого нет! — горячо воскликнул шейх.

Бушуев насторожился. Шейх начал проговариваться.

Не шейх заставлял Бушуева, а Бушуев заставлял шейха отвечать на интересующие его вопросы.

— Неужели у вас где-нибудь есть царство света и добра, устроенное Мельк-Таузом? — наивно спросил Бушуев.

— Да, есть! — неопределенно ответил шейх Юсуф.

— Покажи мне его? — спросил Бушуев.

— Зачем? — и шейх подозрительно посмотрел на Бушуева.

Бушуев встал с сидения и проговорил как бы с искренним возбуждением:

— Покажи мне это царство, и я стану иезидом.

— Иезидом нельзя стать. Им надо родиться! — возразил шейх.

— Но если я хочу, если я буду делать все, что делаете вы, если я буду молиться великому и грозному Мельк-Таузу, разве я не стану тогда иезидом? Я буду исправней многих из вас, преданнее, неужели и тогда Мельк-Тауз отвернется от меня? — горячо спрашивал Бушуев.

Шейх задумался. Что сказать этому странному человеку? Если бы он не достал синджак, то шейх Юсуф не только отказал бы ему, но даже и в разговоре не допустил бы коснуться такой больной для иезидов темы. Но этот человек не был простым, обычным человеком. Кто знает: может быть, сам Мельк-Тауз управляет его словами и действиями.

— Хорошо, ты увидишь его, но только издали, — произнес шейх после долгого раздумья.

— Почему издали? — удивился Бушуев.

— Мы не знаем входа в это царство. Его знали наши предки, но Мельк-Тауз прогневался на нас, и закрыл нам доступ туда.

Лицо шейха опечалилось.

— Я тебя не понимаю, — проговорил с недоумением Бушуев: — Вы знаете, где это царство находится, ты мне хочешь показать его — и вместе с тем ты не знаешь входа в него... Как это может быть?

Шейх хлопнул трижды в ладони, и каждый хлопок был похож на выстрел. В палатку вошел молодой курд-иезид.

— Ты видел царство Мельк-Тауза? — спросил его шейх.

— Я видел его, — ответил с благоговением вошедший.

— Ты был в нем? — снова спросил шейх.

— Вход туда закрыт для нас, — грустно произнес иезид.

— Иди! — приказал шейх, и курд бесшумно вышел из палатки.

— Я позвал его для того, — сказал шейх Бушуеву, — чтобы ты увидел правду в словах моих. Сомнение начинает затемнять твой рассудок.

— Но как же так? — проговорил с удивлением Бушуев: — Ты знаешь, где это царство находится, он видел его также, и оба вы говорите, что вход в это царство закрыт?

— Я говорил это и снова скажу, — ответил шейх. — Не забывай, что мы говорим о царстве великого Мельк-Тауза!

Шейх на минуту смолк от охвативших его благочестивых мыслей.

— Не забывай, что великий Мельк-Тауз обладает такой же силой, как бог, и все может сделать. Мельк-Тауз закрыл вход в царство свое. Он осушил реку и наполнил ее смер-

тоносным воздухом, он расколол землю и создал пропасть, он поднял выше облаков горы, и они стали непроходимыми. В царство Мельк-Тауза нет входа. Ты можешь смотреть на него сколько хочешь, но ты не войдешь в него. И никто не войдет до тех пор, пока этого не захочет сам великий Мельк-Тауз.

— А что есть в этом царстве? — выпытывал Бушуев.

— В нем все! — осторожно проговорил шейх: — Только там может быть счастлив человек. В этом царстве наиболее достойные. Они не знают горя, к ним не приближаются лишения. Им служат прекраснейшие из гурий, и жизнь их — вечный праздник.

— Неужели у них есть все? — задал осторожный вопрос Бушуев.

— Они не нуждаются ни в чем! — быстро отозвался шейх.

— Могу я увидеть это царство издали, если на него нельзя посмотреть вблизи? — спросил Бушуев.

— Это ты можешь сделать когда угодно, — ответил шейх: — Скажи мне, и я немедленно отправлю тебя к святому месту.

— Тогда сделай это поскорее! — попросил Бушуев.

Шейх снова хлопнул в ладоши и в палатке вновь появился молодой курд. Шейх приказал ему:

— Оседлай двух лошадей, и проводи его к царству великого Мельк-Тауза.

Иезид вышел. Погрузившись в благочестивые размышления, молчал шейх. Смолк и Бушуев. Он был доволен — больше, чем доволен. Он не ждал такой удачи. Он давно слышал об этом загадочном царстве, хранящем в себе древность. Это неизвестное царство тянуло к себе Бушуева. Среди диких и девственных вершин, среди жутких ущелий искал его Бушуев. Его воображение было переполнено таинственными видениями. Ему мерещились древние храмы, в которых продолжали чтить древних богов. И вот, наконец-то, он на пути к заветному. Что вход в это царство чем-то прегражден, не смутило Бушуева. Он привык побеждать преграды и не боялся их. Бушуев хмурился, стараясь скрыть клокотавшую в нем радость.

— О чем думаешь ты? — неожиданно спросил шейх.

— Я верю твоим словам, — проговорил Бушуев: — и думаю, что твой народ — действительно, избранный народ, и твоя вера — самая правильная и лучшая. Мельк-Тауз достоин того, чтобы ему поклонялся весь мир.

Лицо шейха просияло, и он уверенно ответил:

— Это будет!... Мир станет почитать одного только Мельк-Тауза!

У палатки послышался конский топот. Шейх поднялся и сказал Бушуеву:

— Лошади готовы. Поезжай и убедись в силе и могуществе Мельк-Тауза. Я буду ждать тебя.

Бушуев схватил сумку и ружье и вскочил на дикую, горячую лошадь. Она плясала, почти извиваясь под Бушуевым, и норовила сбросить его. Но Бушуев привык к этим почти необъезженным животным и знал, как укрощать их. Скоро он усмирил нервную лошадь и заставил ее подчиняться своей воле.

VI

Всадники быстро миновали лощину. Узкая тропинка стала круто подниматься в гору. Лошади замедлили шаг и осторожно двигались одна за другой. Огромные скалы нависли над кручами в угрюмой сосредоточенности. Огромные массивы, вскинутые высоко вверх, разделены были пропастями и украшены яркой праздничной растительностью.

Тропинка тонкой паутинкой прихотливо вилась вдоль гор, около скал и громадных пихт. От перемены направления солнце как будто ходило кругом Бушуева и заглядывало на него то слева, то справа. Дорога становилась все круче и уже. Не было заметно никаких следов заботы об этом пути. Человеческая рука как будто не касалась его. Ущелья, вдоль которых приходилось проезжать, стали шире. Дальше отошла противоположная сторона, а дно ущелий словно опустилось вниз. Там, внизу, паслись стада, и овцы

казались маленькими беленькими пятнышками.

В одной ложбине иезид остановил лошадей и предложил дать им отдохнуть.

— Зачем? — с неудовольствием спросил Бушуев, которому хотелось скорее добраться до таинственного места.

— Дальше дорога будет очень тяжелой, — ответил иезид и стал отпускать подпруги.

Бушуев хотел было протестовать, но потом раздумал и коротко спросил:

— Ты часто едешь туда?

— Да, я знаю эту дорогу, — уклончиво ответил курд.

Бушуев неохотно слез с лошади. Утомленный тяжелой ездой, он решил отдохнуть и опустился на землю, но иезид испуганно подбежал к нему, с силой дернул за руку и отрывисто проговорил:

— Нельзя!

— Что за чепуха? — рассердился Бушуев: — Почему нельзя?

Иезид молча толкнул ногой камень, который Бушуев наметил в изголовье. Из-под него во все стороны побежали темно-желтые скорпионы. Они несли над своими спинами смертоносные хвосты, как будто боялись испачкать их о землю.

— Они скоро начнут чернеть, и тогда укусы их будут смертельными, — тихо проговорил иезид, наблюдая разбегающихся скорпионов.

Бушуев знал, чем угрожает укус этого небольшого насекомого, и пытался к скорпионам паническое отвращение. Он отскочил в сторону, и молча смотрел на их бегство. Когда один из них направился к нему, то он схватил камень и собрался разозлить ядовитое насекомое. Но курд вырвал у него камень и снова проговорил:

— Нельзя.

Бушуев разозлился.

— Опять нельзя?.. Да почему же, наконец?

— Их много здесь, — ответил иезид: — Если ты убьешь одного, другие отомстят нам.

Бушуев перебрал в памяти все бранные слова, но ни одного не сказал вслух. Кто знает, может быть, и браниться в этом месте также нельзя, чтобы не вызвать какого-нибудь непредвиденного осложнения. И он терпеливо стал ожидать, пока кончится время лошадиного отдыха.

Лошади покорно стояли рядом, и отмахивались от наседавших на них мух. С гор тянуло прохладным ветерком. Воздух был чист и прозрачен, даль казалась необыкновенно близкой и четкой. Но Бушуев не любовался далью и смотрел только под ноги, остерегаясь появления какого-нибудь нового ядовитого пресмыкающегося или насекомого, убить которых нельзя только потому, что их здесь много. Вспомнились рассказы курдов о змеях, собиравшихся в отряды на бой со своими врагами; о насекомых, мстивших людям, о животных, одаренных человеческим разумом.

Было грустно слушать эти рассказы и не было возможности опровергнуть их. Темный ум верил не тому, что было, а тому, чего не было. Тайственным и непонятным для него законам природы он находил наивные объяснения. Он упрощал их для того, чтобы понять, и в то же время окружающий мир наделял чрезвычайными свойствами и делал его загадочным и непонятным.

Спустя полчаса молчаливый иезид, как будто уловив желание Бушуева, стал затягивать у лошадей подпруги.

— Когда будет страшно, закрой глаза и нагнись к седлу! — неожиданно проговорил он, и снова поехал первым.

Бушуев не понял его, хотел переспросить, но не было желания говорить с человеком, который не умеет, а может быть, и не желает отвечать и ограничивается малопонятными отрывистыми словами. Бушуев подумал, что его предостерегают на случай встреч с какими-нибудь гадами или мифическими чудовищами. Но когда он увидел из-за скалы узкую, в аршин шириной, тропинку, справа — отвесную гладкую скалу, а слева — бездонный обрыв, он почувствовал, как зашевелились волосы на голове.

Лошади робко замедлили шаг и вытянули шеи. Острые уши повернулись вперед и чутко ловили каждый шорох. Не отрываясь, смотрели на тропинку кроткие черные глаза,

и словно спрашивали: что там дальше?

Иезид безмолвно молился.

Ключья мрачных предположений всплывали в голове Бушуева. Падение в жуткую пропасть, хруст костей, брызги мозга, который до последней минуты будет работать и сознать, — вот все, что можно было ожидать от поездки по этой страшной тропе.

— Отпусти повод, дай свободу лошади! — визгливо прокричал иезид.

Бледный, взволнованный Бушуев безвольно отпустил повод. Он заметил острый, режущий взгляд курда, тревожный блеск глаз, хотел сказать что-то и не мог.

Иезид быстро отвернулся, издал понукающий гортанный крик и двинулся вперед.

Лошади шли осторожно. Они опустили головы, широко раздувающимися нервными ноздрями втягивали воздух, и, не отрываясь, глядели на узкую тропинку, словно изучали каждую неровность и шероховатость.

Бушуев замер, застыл. Он не в состоянии был ни мыслить, ни рассуждать и только смотрел перед собой, вдоль отвесной скалы. Впереди извивалась узкая тропинка, и чем дальше, тем она казалась все уже и уже.

Черные полосы, перерезавшие эту тропу, приковали внимание Бушуева. Глаза остановились на них. И когда лошадь приблизилась к ним, новый приступ ужаса охватил Бушуева. Путь был страшнее, чем казался вначале. Черные полосы оказались трещинами, в которые свободно мог провалиться всадник. А лошади медленно и неуклонно продолжали приближаться к ним. Им придется прыгать через эти страшные отверстия. Прыгать на каменистой тропинке, на краю обрыва, над пропастью, до дна которой будет не меньше версты.

Холодная дрожь пробежала по телу Бушуева. Сжались легкие, и горло само по себе издало хриплый воющий звук. Сердце напрягалось, наполнило кровью все жилы и расширило их так, что стало больно, а потом — перестало биться. Кружилась голова. Пропасьть тянула к себе. Хотелось броситься в нее и прекратить невыносимое испытание.

— Нагнись и закрой глаза!.. — пронзительно закричал иезид, но повернуться к Бушуеву не решился, так как каждое движение могло вывести из равновесия лошадь и свалить ее в бездну.

Бушуев ясно расслышал крик курда, понял его, но сознание его не прояснялось. В голове был туман. Мысль бездействовала. Он в изнеможении опустил на шею лошади. И как будто погрузился в тяжелое забытье. И от того, что он не видел ни пропасти, ни тропинки, как будто менее мучителен стал страх, только попрежнему обрывалось дыхание в те моменты, когда он ощущал скачки и храп лошади.

Какое время потребовалось на небывалую переправу, Бушуев не знал и не мог представить себе. Ему казалось, что на это ушла делающая вечность. Когда до него долетел возбужденный крик иезида, он с изумлением раскрыл глаза.

— Слезай, дай отдохнуть лошади!.. — кричал курд, и в этом крике слышалась радость.

Бушуев поднял голову и с удивлением огляделся кругом. Кошмарной тропинки не было видно. Кругом зеленели пологие склоны каких-то вершин. Слышалось пение птиц и несмолкающие трели насекомых. Бушуев с благодарностью взглянул на лошадь. Она была мокрая от перенесенного напряжения, тяжело дышала и стояла неподвижно. Тело лошади моментами сотрясала дрожь. Он хотел освободить лошадь и спрыгнуть на землю, но вдруг почувствовал, что не может сделать этого. Пережитый страх настолько парализовал ноги, что они как будто врезались в тело животного. Бушуев еще раз попробовал двинуть ими — и не мог. Он тревожно взглянул на своего спутника и взглядом передал ему свой испуг. Иезид без слов понял его, быстро подбежал, высвободил из стремян ноги Бушуева, стал растирать их руками, а потом одну из них перекинул через лошадь. Как мешок с мукой свалился Бушуев на землю и не мог двинуться. Он пережил самое страшное в жизни.

Молчаливый иезид как будто переродился. Он стал разговорчивее и разговорчивее, массировал ноги Бушуева, держал их и делился впечатлениями.

— Ай, молодец!.. Молодец!.. В первый раз — и так проехать. Многие отсюда возвращались назад... Ни за что не хотели ехать. Только храбрый человек может отважиться на это... Я много ездил по горам, а вот, как до середины этой тропинки доеду, всегда глаза закрываю и на лошадь ложусь... Более страшной дороги во всем свете нет...

— А что это за дорога? — спросил понемногу управлявшийся Бушуев.

— Это дорога Мельк-Тауза, — тихо и с испуганным благоговением проговорил иезид. — Здесь недалеко его царство.

— Как называется дорога? — продолжал расспросы Бушуев.

— Мы называем ее Тропинкой Испытания, — ответил курд. — По ней может проехать только тот, кто достоин милости Мельк-Тауза. Ты достоин ее, и теперь все иезиды будут относиться к тебе с уважением. Это страшное испытание. Там, внизу, лежит очень много человеческих и лошадиных костей. Эти люди удостоились гнева Мельк-Тауза, но не милости его.

Бушуев был доволен, что у него хватило безумства переправиться по этой тропинке. Он не задумывался над тем, что обратно ему снова придется пройти через эти страшные испытания. Мысли его были устремлены вперед, туда, где находится это сокровенное царство Мельк-Тауза.

— Где оно?.. — спрашивал Бушуев у иезида.

— Вот здесь, близко!.. — и курд показывал рукой на зеленеющий перевал.

Бушуев поднялся и пошел в указанном направлении, внимательно присматриваясь к окружающему. Он шел по таким местам, куда не ступала нога европейца. От его зорких глаз не ускользнуло, что путь, по которому он медленно двигался, как будто когда-то очень давно был искусственно пронивелирован и приспособлен для дороги, кто-то весьма удачно выбрал направление для него. Дорога капризно виляла среди неровной горной поверхности и шла от небольших подъемов к пологим скатам. Наткнувшись на камни, Бушуев заметил на них следы обработки.

Неожиданно мысль Бушуева вернулась к Тропинке Испытания. Когда он проезжал по ней, глаза его случайно остановились на скале с правой стороны. В его сознании от этого случайного взгляда возникло предположение, что над выемкой в скале трудился человек. Но состояние Бушуева в момент переезда было настолько подавленное, что он не мог задержаться на зрительных впечатлениях и обдумать их. Только теперь он остановился и глубоко задумался.

Должно быть, он идет по пути, ведущему к какому-то человеческому общежитию. В какие-то весьма отдаленные времена по этому пути поддерживалось большое движение. Но время, видимо, уничтожило человеческое общежитие и разрушило путь к нему. Бушуев обрадовался сделанному им заключению. Если мысли его верны, то его ждет впереди достойная награда. То препятствие, которое преодолел он, вне всякого сомнения, не по силам каждому, и едва ли кто отважится по втому пути проникнуть в царство Мельк-Тауза.

Радость Бушуева немного омрачилась словами шейха Юсуфа о каких-то пропастях и реках с отравленным воздухом, которые отгораживают царство Мельк-Тауза от всего мира. Но мысль не остановилась на этих воспоминаниях. Что значат эти пропасти и реки с ядовитым воздухом после перенесенного? Если он сумел проехать верхом чуть не по карнизу многоэтажного дома, то перебраться через пропасть и загадочные реки он сумеет всегда.

Оставшийся сзади курд нагнал Бушуева и привел лошадей. С чувством нежной благодарности погладил Бушуев дикого курдского коня, обладавшего способностью не только ходить и скакать, но еще и карабкаться по неприступным высотам.

Грунт был мягкий. Лошади шли быстро и весело. Они втягивали ноздрями свежий горный воздух, аромат трав и цветов и бодро ржали. Перевалив седловину, иезид остановился и указал рукой вдаль.

— Смотри, — проговорил он: — вон царство Мельк-Тауза!

Бушуев приподнялся на стременах, но ничего не заметил. Пред ним вдаль были горы, высокой стеной поднявшиеся между севером и югом. У склона обрывистых гор виднелась зеленая равнина. И больше ничего.

— А где же люди, которые живут в царстве Мельк-Тауза?.. — спросил Бушуев.

— Они тоже там!.. — ответил иезид, и лицо его снова приняло благоговейное выражение.

Извиваясь по пологим склонам, дорога пошла вниз. Она была засыпана землей, густо поросла, но контуры ее были еще заметны. Когда-то она была широкой и удобной, но время сузило и сравняло ее с землей.

Бушуев нетерпеливо подгонял лошадь и теперь ехал рядом с курдом.

— Скажи, — спросил Бушуев иезида: — Что ты знаешь о народе, который жил здесь?

Иезид внимательно посмотрел по сторонам, подумал и ответил:

— Я ничего не знаю... Но слышал, что когда-то здесь жило избранное Мельк-Таузом племя. Мельк-Тауз охранял его, заботился о нем, и когда враги вздумали напасть на них, то Мельк-Тауз защитил свой народ. Он потряс горы и разрушил все дороги. Он оградил народ свой такими препятствиями, через которые не может пройти ни одно живое существо. Ты видел тот путь, по которому мы приехали сюда. Никто из нас не может проехать по нему больше трех раз — Мельк-Тауз не разрешает этого.

Бушуев подумал, что Мельк-Тауз слишком щедр, с него будет достаточно и одного разрешения. Во второй раз он уже не поедет, а в случае необходимости предпочтет спускаться с гор каким угодно путем, только не по этим жутким карнизам.

— Мы приехали!.. — неожиданно остановился иезид. — Дальше надо идти пешком.

— Почему нельзя подъехать ближе к царству Мельк-Тауза?.. — задал вопрос Бушуев.

— Тут недалеко лежит та река, о которой говорил тебе шейх Юсуф. Я боюсь, как бы наши лошади не попали в нее

и не утонули.

Иезид расседлал лошадей, стреножил их и пустил пастись. Снятые седла он отнес к какому-то развалившемуся каменному строению и сложил в нем. Бушуев подошел к этому сооружению и стал рассматривать его. Камни были хорошо обтесаны. Разбившаяся при падении гранитная колонна была совершенной формы. Среди обломков Бушуев нашел мраморную доску, и когда перевернул ее, то увидел на ней надпись. Она была сделана значками, похожими на подковные гвозди. Они были различных размеров и находились в различных положениях. Около перпендикулярно стоящего гвоздя лежало в том или ином положении несколько маленьких гвоздиков. Различное положение гвоздей говорило о том, что они имели различное значение. Надпись на мраморной доске была хорошо выгравирована; видно было, что над ней работал художник.

Бушуев пожалел, что он не обладал необходимыми знаниями и не мог прочесть клинопись.

— Эта надпись сделана Мельк-Таузом!.. — прервал размышления Бушуева иезид.

— А ты можешь прочесть ее?.. — спросил Бушуев.

Курд покачал головой.

— То, что написано Мельк-Таузом, может прочесть только человек из рода шейха Гассан-Эль-Басри.

— А есть такие люди?.. — поинтересовался Бушуев.

— Около Моссула, где покоится прах нашего пророка Адэ, есть святые старики, которые могут читать все. Мельк-Тауз разрешил им познать тайны письма¹.

Иезид повел Бушуева к заветному месту. Они поднялись на небольшую возвышенность и стали спускаться по пологому скату.

Богатая растительность покрывала почву. Для земледельческого населения это был благодатный край. Глядя

---

¹ Религия запрещает иезидам изучать грамоту. Это право дано потомству шейха Гассан-эль-Басри (один из учеников шейха Адэ). Но потомки Гассан-эль-Басри не стремятся воспользоваться данными им преимуществами и подавляющее большинство их безграмотно. (Прим. авт.).

на эту растительность, Бушуев думал, что обитавший в этом месте народ должен был быть зажиточным. Когда-то, в далекое время этот народ провел хорошие дороги. Он, повидимому, вел обширную торговлю, знал ремесла и был не чужд искусству. Бушуева интересовал вопрос, в каком положении найдет он этот народ теперь?

Путь, по которому Бушуев шел с курдом, перерезал глубокий овраг.

— Дальше нельзя!.. — проговорил иезид и остановился на возвышении.

Бушуев взглянул на дно оврага и увидел, что дальше, действительно, нельзя было идти. Дно оврага белело от множества валявшихся там скелетов. Среди костей животных виднелись и кости людей. Пожелтевшие от времени черепа угрюмо смотрели пустыми глазными впадинами.

VII

Бушуев обратил внимание на положение человеческих скелетов. Их было больше с противоположной стороны. Это давало основание думать, что когда-то люди пытались уйти из своего заключения и погибли в овраге. Но это было давно. Истлело платье, в котором были эти люди. Истлела и большая часть костей.

Бушуев шел вдоль пологого ската и ко всему внимательно присматривался. Он заметил, что чем дальше, тем глубже становилась впадина, а это говорило о том, что уровень ядовитых газов здесь должен был быть выше. Овраг оканчивался у глубокой и широкой расщелины, переправа через которую была совершенно невысказима. Эта расщелина расширялась все больше и тянулась, видимо, очень далеко.

Бушуев задумался. Где искать потерянную переправу, которой пользовались предки иезидов? Где она?.. Пропасть представляет собой значительное препятствие, которое едва ли в состоянии были преодолеть темные и неразвитые

люди. Нет ли этой переправы там, где горы отвесной стеной поднимаются над лежащей внизу долиной?

Иезид осторожно дотронулся до плеча задумавшегося Бушуева и тихо сказал:

— Нам пора позаботиться о ночлеге. Солнце закатывается.

Бушуев оглянулся. Солнце уже коснулось вершин гор на горизонте. Еще немного — и оно скроется за горами, а одновременно с закатом солнца наступит и темнота, которая в горах не любит медлить.

Бушуев повернулся и пошел в ту сторону, где они оставили лошадей и сбрую. Иезид по дороге подбирал ветки и сухую траву. Занялся этим и Бушуев.

Иезид пригнал лошадей и привязал их к каменному столбу, а потом развел костер и с пылающей хворостиной залез под навес, устроенный из остатков развалившегося здания. Здесь он разостлал бурку, а в изголовье приспособил седла.

— А тут скорпионов нет?.. — спросил Бушуев, подозрительно осматривая развалины.

— Есть, но они тут не опасны, — ответил иезид.

— Почему не опасны? — усомнился Бушуев.

— Они не смеют причинять вред людям, к которым благоволит Мельк-Тауз.

Ответ иезида не успокоил Бушуева и он внимательно осмотрелся. Поднял несколько камней, но ничего подозрительного не заметил.

Темнота наступила сразу. Она как-будто свалилась с неба на горы и придавила их.

Иезид старательно подкладывал в костер хворост и изредка сосредоточенно проводил руками над огнем, словно опаливая их.

— Для чего ты делаешь это? — спросил Бушуев.

— Мельк-Тауз — бог огня... Огнем он очищает человека от всего злого. Огнем он очистит весь мир, — благоговейно ответил иезид.

— Слушай, — проговорил Бушуев, — я хочу попасть туда, где живут люди Мельк-Тауза.

Глаза иезида отразили сильный испуг.

— Ты погибнешь! — ответил он тихо. — Мельк-Тауз не допустит этого. Он погубит и тебя, и меня.

— А если он хочет, чтобы я попал туда? — задал вопрос Бушуев.

Иезид растерянно ответил:

— Если он захочет, то ты будешь там!

Бушуев внимательно посмотрел на своего собеседника и подумал:

«Что предпримет этот темный фанатик, когда он начнет перебираться через воздвигнутые природой препятствия? Будет ли он мешать ему или поможет?»

Лицо иезида отражало охватившее его душу настроение. Он чувствовал близость таинственного царства Мельк-Тауза. В этом царстве должен был обитать сам великий и грозный Мельк-Тауз. Может быть, он заметил двух одиноких людей, приникших к трепетному костру. Может быть, он приблизился к ним, стоит где-нибудь рядом и смотрит на них... Полный душевного трепета, иезид тревожно вглядывался в темноту.

Смотрел туда и Бушуев, но смотрел совершенно с другой целью. Он думал:

«Если в этой темноте есть люди, то они должны чем-нибудь проявить себя. Их не было видно днем, но ночью их могут выдать огни».

Но напрасны были поиски Бушуева. В темноте ничего не было видно. Невольно закралось сомнение:

— Да есть ли здесь люди?.. Может быть, тут нет никого.

И все-таки, несмотря на свои сомнения, Бушуев решил перебраться на противоположную сторону оврага. С утра он намеревался осмотреть русло оврага и пройти по направлению к горам, а если удастся, то взобраться и на горы. С этим намерением Бушуев уснул, а настроенный благоговейно иезид продолжал сидеть у костра.

Утром Бушуев поднялся первым и немедленно отправился к оврагу. Но не сделал он и нескольких шагов, как из развалин вынырнул иезид и торопливо стал догонять Бушуева.

— Почему ты идешь со мной? — спросил с недовольством Бушуев.

— Я боюсь, как бы не случилось чего-нибудь, — уклончиво ответил иезид.

Бушуев поморщился, но протестовать не стал. Он добрался до оврага и, не отрывая глаз от засыпанного костями дна его, пошел в сторону гор. Как тень следовал за ним его спутник и внимательно наблюдал.

Больше двух верст прошел Бушуев и не заметил ничего особенного. Он собирался идти до самых гор, но неожиданная мысль остановила его. Ему вспомнился последний человеческий скелет и две палки около него. Рассматривая кости, Бушуев обратил мимоходом внимание и на эти палки, но не задумался и не придал им никакого значения. Эти палки вспомнились ему только сейчас, когда в голове у него возникла мысль о том, что на ту сторону заполненного ядовитыми газами оврага можно свободно перебраться только в том случае, если будешь выше уровня газов. Эта мысль появилась у Бушуева после того, как он задумался о природе наполняющих ложбину газов. Он предположил, что это должно быть углекислый газ. Потом ему вспомнился собачий грот в Италии, в котором погибают собаки, но свободно проходит человек, так как он выше уровня газов и не подвергается их ядовитому влиянию. После этого у Бушуева возникла мысль: а не пользовались ли предки настоящих иезидов каким-нибудь приспособлением для того, чтобы быть выше уровня газов? И вдруг мысль его вернулась к тем двум странным палкам, которые он видел около человеческого скелета.

Бушуев резко повернул и торопливо направился назад. Через несколько минут он уже не шел, а бежал, а следом за ним бежал и встревоженный иезид. Бушуев внимательно искал глазами скелет, и когда вновь нашел его, то стал рассматривать эти странные палки, которые тоже как будто хотели перейти через овраг, но упали рядом с человеческим скелетом и остались здесь навсегда. Сердце Бушуева сильно забилось. Несомненно, это были ходули. Грубые, но особенно удобные для пользования, но все-таки ходули,

предназначенные для перехода через овраг.

Бушуев ликовал. Он сказал своему проводнику, что Мельк-Тауз коснулся его головы и прояснил зрение. Мельк-Тауз открыл ему вход в царство свое,

Иезид был смущен. Он робко озирался кругом и не знал, верить или не верить этому чужому человеку, у которого беспричинно меняется настроение и который временами похож на безумного.

Почему он постоянно удостоивается милости Мельк-Тауза? Он, чуждый вере и чуждый всем иезидам? Неужели Мельк-Тауз предпочел его? Но кто знает волю и желания высших существ. Если бы здесь был шейх Юсуф, он, может быть, разобрался бы во всем и сказал сомневающемуся иезиду, что надо делать. Но шейх отсутствовал и иезид был в тяжелой нерешительности.

Бушуев сбегал к месту ночлега, собрал все ремни и сделал из них аркан. Закидывая аркан в овраг, он старался вытянуть ходули. Иезид сидел рядом и трепетал. Он ничего не понимал, беззвучно молился великому и грозному Мельк-Таузу и просил его проявить волю свою.

Но Мельк-Тауз молчал. Молчало голубое прозрачное небо, немой сосредоточенности были полны горы, и только солнце грело усердно, не то поощряя безумствующего человека, не то пытаясь остановить его.

А он настойчиво добивался своего — и добился. Обе ходули были в руках Бушуева. Он внимательно осмотрел их, убедился в исправности и чуть не запрыгал от радости.

Иезиду было жутко с этим странным человеком. Он хотел бежать от него, скрыться, но не решался: шейх поручил ему охранять этого ненормального человека.

Бушуев вспомнил далекое детство. Вспрыгнул на ходули и зашагал. Несколько раз срывался, потом начал ходить тверже и увереннее.

Иезид с ужасом смотрел на человека с деревянными ногами, который неуклюже ходил, смеялся и кричал что-то.

Бушуев спрыгнул с ходуль, сбегал за ружьем, потом потащил ходули к оврагу. Он снова сосредоточенно нахмурился.

— Почему погиб тот, кто шел на ходулях через овраг? — подумал он.

Бушуев внимательно изучил контуры дна оврага и увидел, что то место, где лежал скелет, было самое пологое и удобное для переправы. Но почему все-таки погиб этот далекий предок иезидов? На ходулях он, вне всякого сомнения, был выше уровня газов. Припадок слабости или какое-нибудь постороннее воздействие сронило его с ходулей?

У Бушуева не было времени разбираться в причинах смерти неизвестного человека. Он опустил ходули в овраг, встал на них и уверенно двинулся вперед. В тот же момент он услышал отчаянные вопли курда, но оглянуться не мог. Он миновал скелет и все больше приближался к противоположному скату. Было тяжело взбираться на подъем. Ходули цеплялись за землю, и трудно было сохранить равновесие. Бушуев добрался до обрывистого места и спрыгнул на него. Торопливо отбежал подальше и оглянулся. Переправа совершилась счастливо. На противоположной стороне в отчаянии катался по земле оставленный курд и наполнял воздух жалобными криками.

Бушуев помахал ему рукой и закричал:

— Жди меня... Я скоро вернусь!

Потом на всякий случай спрятал ходули и засыпал их песком.

Куда же ему теперь итти? В какую сторону? Таинственное царство Мельк-Тауза было пред ним. Он нашел вход в него. Не было ничего необычного в этом царстве и даже не чувствовалось присутствия в нем человека. Пустынные, необработанные поля, заросшие дикой травой. Редкие кустарники. Вдали на буром фоне каменных скал манящее пятно зелени.

На эту зелень и направился Бушуев.

Местность была неровной. Часто встречались небольшие холмы и рытвины, узенькие светлые ручейки с радостно-яркой травой по берегам. Все это было самым обыкновенным и ничем не отличалось от холмов, рытвин и ручьев в других местах.

Но это — декорация настоящего, а в прошлом здесь было что-то другое. Бушуев остановился пред поросшими травой и кустарником развалинами. Повидимому, когда-то здесь было большое каменное здание, и вот — нет его. Рука времени надавила на него и превратила в груды камней.

Всюду кругом глаз наталкивался на развалины больших построек. Люди далекого прошлого затратили здесь огромную энергию, но для чего?.. Не ради же бесплодного каприза? Должно быть и цели, которые преследовали они, были так же огромны, как и их постройки?

В широкой котловине Бушуев увидел мертвый город. Каменные развалины уныло ждали своего последнего дня, который превратит их в полную бесформенность.

Жадная растительность не могла овладеть замощенным пространством улиц, и они четко делили развалившийся город на равномерные четырехугольники.

Кто построил этот город и когда? Не была ли причастна к нему вавилонская Шамирана (Семирамида), эта величайшая и таинственная женщина мира, оставившая на лице земли неизгладимые воспоминания о себе?

Бушуев видел остатки построек Семирамиды, остатки, пережившие тысячелетия, продолжавшие и теперь служить человечеству. Знал Бушуев, что все, к чему прикасалась руками своих рабов эта женщина далекого прошлого, расцветало и оживало. Если ее рука дотронулась и до этого места, то богатства его были неисчислимы.

Бушуев был археологом, и остатки древности волновали его сердце больше, чем вещи современности. Он с трепетом поднял обломок вазы, покрытый капризными узорами, и восторженно стал осматривать художественное произведение древнего мастера.

Бушуев смотрел на археологическую редкость и думал: материал прекрасен, узоры безукоризненны, чувствуется работа большого мастера. В свое время вещь эта была весьма ценной. Вне всякого сомнения, население этого мертвого теперь города было настолько богато, что в состоянии было обставлять себя предметами роскоши.

Бушуев прошел чрез мертвый город и поднялся на небольшую возвышенность. Только отсюда заметил он следы присутствия человека. Пред Бушуевым было поле с кукурузой. Это было самое жалкое и грустное поле изо всех, какие приходилось ему встречать. Кукуруза росла среди травы. И было непонятно, как могла она расти в таком диком окружении.

Около зеленого леса Бушуев заметил шалаши и свистнул от изумления.

— Не пышно живет излюбленный народ Мельк-Тауза!.. — подумал он с некоторым разочарованием, но все-таки поспешно направился к шалашам. Они были разбросаны около леса в большом беспорядке. Бушуев привык к изумительной горной тишине, но здесь, пред шалашами, казалось, было тише, чем в горах. Это была какая-то мертвая, давящая тишина, немыслимая при живых существах. И снова Бушуеву показалось, что на всем пространстве, которое было пред ним, нет никого живого.

Он торопливо подошел к похожим на конические кучи шалашам, сооруженным из сухого хвороста, палок и листьев, и заглянул в узкое отверстие ближайшего.

Нет, Бушуев ошибся. Живые существа здесь были. Из шалаша выглянуло несколько заросших волосами лиц. Бушуев заметил изумление на тупых лицах, бессмысленно разинутые рты. Из шалашей неторопливо стали выбираться люди. Это были необыкновенные экземпляры человеческой породы. Они не были чернокожими, но их нельзя было назвать и белыми. Из-под шкур, служивших одеянием, виднелось тело. Оно соприкасалось только с землей и солнечными лучами и никогда не видело ни воды, ни мыла. Грязь и солнце сделали это тело по цвету близким к черному.

Обитатели шалашей медленно и вяло окружили Бушуева и рассматривали его все с тем же тупым изумлением. С недоумением смотрел на них и Бушуев и думал: неужели эти дикари в невыделанных шкурах потомки того культурного народа, который жил в каменном городе с мощеными улицами, проводил удобные дороги и занимался искусством?

— Кто вы?..—спросил с тревогой Бушуев.

Ему не ответили. Волосатые и грязные люди были немы от охватившего их изумления. Лохматая кожа, длинные, свалывшиеся в комки, как у голодных запаршивевших собак, волосы, пухлые лица делали этих людей непохожими на людей. Бушуев не улавливал различия между ними и сперва подумал, что все они одинаковы. Но потом глаза его различили людей без растительности на лице.

— Неужели это женщины?.. — спросил себя Бушуев.

На узкий лоб каждой из этих женщин можно было положить только два пальца. Выпячивались вперед лохматые брови. Нижняя часть лица обратила особенное внимание Бушуева. Она по прямой линии отклонялась к шее и сливалась с ней. Не было подбородка, а был какой-то слабый намек на него, похожий на Адамово яблоко.

— Да это же форменные кретины!.. — сообразил Бушуев.

— Вы меня понимаете?.. — с некоторым раздражением спросил он.

Он медленно произносил слова и старался оттенить каждый звук.

Несколько человек лениво кивнули головой.

— Почему же вы молчите?.. — снова задал вопрос Бушуев.

Опять никто не ответил на вопрос.

Это упорное молчание начало бесить Бушуева.

— Кто у вас старший или главный?..

— Шейх Айо... — ответили неторопливо двое. Они так же, как и Бушуев, говорили по-курдски, но их произношение было какое-то другое.

— Где ваш шейх?..

Бушуев внимательно осмотрел толпу, окружавшую его плотным кольцом, и не уловил на лицах никакого определенного выражения. Никто не выражал ни радости, ни враждебности. На сонных и тупых лицах было одно только изумление. Эти люди как будто даже не считали Бушуева за человека. Бушуев был для них невиданной вещью, и они внимательно рассматривали ее, а потом подошли ближе и стали ощупывать. Все это проделывалось молчаливо и со-

средоточенно.

Бушуев не противился и позволил им удовлетворить любопытство.

— Но где же шейх?.. — снова спросил он, когда число ошупывающих его уменьшилось.

— Шейх там... — неохотно ответил кто-то и указал рукой на ведущую в лес тропинку.

Бушуев раздвинул окружавших его людей и двинулся вперед.

— Туда могут входить только шейхи! — предупредил кто-то из толпы; но это предупреждение было сделано безразличным голосом.

Бушуев оглянулся и ответил с раздражением:

— Я — тоже шейх!

Толпа осталась неподвижной и равнодушно смотрела вслед пришельцу.

Бушуев скрылся в лесной заросли. Тропинка, по которой он шел, была узкой, и по всему было заметно, что ею пользовались немногие. В одном месте поперек тропинки, как бы загораживая дорогу, лежал бубен. Это был самый грубый бубен, какой только приходилось встречать Бушуеву. На неправильно согнутую палку был натянут плохо выделанный пузырь. Бушуев отшвырнул ногой это грубое произведение человеческих рук и прошел дальше.

Тропинка окончилась на лесной полянке, посредине которой стояла каменная постройка. Эта постройка удивила Бушуева. Она сохранила свою цельность, и время как будто было не в силах разрушить ее. Сперва у Бушуева мелькнула мысль, что это сооружение воздвигнуто в более позднее время. Но когда он подошел ближе, то увидел, что это подобие здания было высечено из цельной гранитной скалы.

Бушуев вошел в квадратное входное отверстие и оказался в просторном помещении, свет в которое проникал через дверь и небольшие окна, высеченные в стенах.

Освоившиеся с полутьмой глаза заметили в стенах широкие ниши. В одной из них на куче сухих листьев спало человекоподобное существо. Но Бушуев не обратил на него внимания. Взгляд его был устремлен на другое. Прямо

перед входом стоял золотой павлин со странно мерцающими глазами. А перед павлином, поблескивая теплыми желтыми лучами, стоял грузный подсвечник.

Бушуев подошел ближе и стал рассматривать павлина. У золотой птицы вместо глаз были изумительные бриллианты. Они придавали мертвому изваянию жизнь. Мерцающие глаза как будто таили в себе живой огонь. Подсвечник походил на кустистое деревцо. Он жадно тянул во все стороны голые ветки, заканчивающиеся причудливыми венчиками, и как будто просил о внимании к себе. Бушуев коснулся рукой подсвечника и вздрогнул. Под пальцами он ощутил золото, холодное и тяжелое.

VIII

Взгляд Бушуева остановился на спавшем человекоподобном существе. Минута раздумья — и он направился к этому нерадивому хранителю древних сокровищ. Легкий пинок ногой разбудил спавшего и быстро поднял его на ноги. Перед Бушуевым оказался сгорбленный, обезьяноподобный старик, весь покрытый седой растительностью. Жесткие волосы торчали во все стороны и придавали голове невероятные размеры. Это было какое-то чудовище из шерсти и волос. Темный, сморщенный нос, был, казалось, единственным местом, на котором не могли произрасти седые и колючие волосы. Из-под лохматых бровей на Бушуева испуганно смотрела пара черных расширенных зрачков с кровавыми белками около них.

— Ты шейх?.. — спросил Бушуев.

— Я!.. — хрипло ответил страшный старик.

— Что ты здесь делаешь?..

— Я беседую с нашим богом и прошу у него милости для моего народа.

«Этот старик, кажется, самое смышленное существо в этом царстве», — подумал Бушуев.

— Ты не беседуешь с богом, а только спишь тут!.. — прикрикнул он на старика.

Загадочное появление невиданного человека, грозные окрики ошеломили шейха. Он готов был упасть пред Бушуевым и поклоняться ему, как богу, но что-то мешало шейху сделать это. Внешне Бушуев совершенно не походил на тех людей, каких видел шейх кругом себя, но вместе с тем во внешности Бушуева не было ничего особенного, божественного. Он был грязен, оборван, и от него шел кислый потный запах.

Если бы шейх был помоложе, то он кинулся бы на этого странного человека и с помощью рук и зубов быстро придушил бы его.

Но нет прежних сил в согнутом теле шейха. Дрожат его руки, а половина зубов сгнила и вывалилась.

— Уходи отсюда!.. Здесь буду помещаться я, — командовал Бушуев.

Глухо заворчал шейх, как побитая собака, и отодвинулся к выходу. Злобно заблестели маленькие глазки с кровавыми белками.

— Уходи!..— нетерпеливо прикрикнул Бушуев и шагнул к старику.

Старого шейха, как ветром, сдунуло. Он исчез в зелени.

Оставшись один, Бушуев занялся внимательным изучением каменного сооружения и находившихся в нем вещей.

А старый шейх в это время торопливо бежал по тропинке и бормотал слова не то проклятия, не то заклинания. На-бегу он подхватил свой бубен, сердито ударил по нему и извлек глухой звук.

Шейх участил удары и выскочил из леса под несмолкаемый грохот бубна. Около него быстро собрались все обитатели шалашей. Плотным кольцом охватили они извивавшегося по земле старика и сосредоточенно ждали окончания припадка. «Божий дух» был в старом шейхе. Это он ломал и гнул старика и открывал ему волю свою. Страшный сам по себе шейх был страшен сейчас вдвойне, и все смотрели на него с трепетом.

Но вот шейх устал от кривляний, тише стали судороги. Старик улегся на спину, страшный и безобразный, но полный власти над темной толпой.

— Будет землетрясение... Земля заколеблется под ногами... Огонь появится из трещин и будет сжигать людей... Воздух станет смертельным, а вода — отравой. Все это будет, если не уничтожите человека, осквернившего дом мой...

Старик громко и отрывисто выкрикивал зловещие слова, а толпа, содрогаясь от ужаса, жадно ловила их, так как эти слова были словами бога.

Глухой ропот пронесся над людьми и смолк. Люди застыли в неподвижности. Они готовы исполнить волю бога.

Шейх поднялся и повел возбужденную толпу за собой. Если раньше он запрещал им вход в лес, то теперь он введет их в каменное сооружение, куда не проникал никто из простых смертных.

Бушуев сосредоточился на обследовании помещения. Постройка была архитектурным чудом. Подобное сооружение могло быть выполнено только далекими предками, располагавшими большим запасом свободного времени и неистощимой рабочей силой. Старый шейх успел основательно запакостить жильё богов. Пол был завален костями, мусором, сухими листьями, землей. Кое-где появилась растительность. Ни в стенах, ни в потолке Бушуев не обнаружил признаков каких-нибудь потайных дверей, замаскированных ходов или хранилищ. А между тем в постройках отдаленных времен подобные тайники были обязательны. Бушуев хотел было приняться за обследование пола, но до его слуха долетел рокот бубна и завывание шейха.

Пришлось прекратить поиски. Бушуев зарядил магазинку свежим патроном и направился к выходу.

Старый шейх старался изо всех сил. Он не щадил ни бубна, ни легких, завывал, стучал в бубен и подпрыгивал.

Воинственный задор проявлял только он один, а следовавшие за ним люди пребывали в тупом безразличии. Бушуев, опершись спиной о каменную стену, спокойно ждал. Когда шествие приблизилось, он поднял магазинку и прицелился.

— Стой!.. — закричал Бушуев, но голос его был заглушён грохотом бубна и визгливым воплем шейха.

Полный злобы старик все выше поднимал бубен и с силой ударял им по кулаку другой руки.

Бушуев прицелился и выстрелил. Эффект получился самый необыкновенный. Перепуганные невиданным явлением люди повернули обратно и бежали с невероятной стремительностью.

Ошеломленный сверхестественностью случившегося, шейх Айо втянул шею, трусливо взглянул на простреленный бубен и помчался догонять убежавших родичей. Старые ноги шейха не выдержали состязания с молодыми ногами. В лесу его одолела одышка. Он забрался в ветвистый кустарник и спрятался там, выжидая дальнейших событий. Старик ощупывал дырку в бубне, вспоминая виденную молнию и оглушительный раскат и недоумевал. Повидимому, этот неизвестно откуда взявшийся человек божественнее, чем показался в первый раз. И теперь, разгневанный, он может натворить много неприятностей.

Шейх ждал грозного возмездия и трепетал. Шли минуты, прошел час, а возмездия не было. И ничто кругом не изменилось. Должно быть, человекоподобный бог с громом и молнией успокоился.

Старый шейх подумал немного и решил пойти поклониться и присмотреться к этому странному существу. С опаской выбрался старик из леса. На опушке он залег и стал наблюдать. Он увидел Бушуева, который ногами вышвыривал сор из каменного здания. Во внешности Бушуева не было ничего грозного, а руки его были свободны от страшной палки, производившей гром и молнию.

Шейх вышел на полянку и стал приближаться к Бушуеву, приседая и беспомощно вытягивая вперед руки.

— Что тебе?.. — спросил шейха насторожившийся Бушуев.

— Я пришел поклониться тебе, так как ты можешь делать гром и молнию... Я пришел спросить тебя: какой жертвы ты хочешь?..— униженно спрашивал шейх.

— А что ты можешь дать?.. — заинтересовался Бушуев.

— Все!.. — живо ответил старик. — Мозги всех убитых нами животных, сердце, печенку, весь жир.

— Нет... Мне этого не нужно!.. — поморщился Бушуев

— Если ты отказываешься от таких лакомых вещей, так что же тебе надо?.. — растерянно спросил шейх.

— Я могу взять книги и рукописи!.. — ответил Бушуев.

— Книги и рукописи?.. — переспросил удивленно старик. — А что это такое?

— Ты умеешь читать?..

Старик вновь не понял вопроса.

— А как же ты молишься? — с раздражением спросил Бушуев: — Кто научил тебя молитвам?

— Молюсь, как попало, как захочу и как придет в голову, а молитвам меня учил отец!.. — растерянно ответил шейх.

— И ты не видел книг и рукописей, — продолжал выяснять Бушуев.

Старик отрицательно покачал головой.

— Ну, тогда уходи!.. — распорядился недовольный Бушуев.

Но старик не уходил и продолжал предлагать Бушуеву:

— Может быть, тебе нужны женщины?.. Мы дадим тебе самых лучших. Мы дадим тебе таких толстых, которые без посторонней помощи не могут двигаться.

Бушуев подумал и потом ответил: — Толстых мне не нужно. Пришли мне лучше двух худых, которые могли бы работать.

Старик был ошеломлен безвкусицей Бушуева. Он отказывается от самых лакомых кушаний — мозга, печенки, сердца. Ему не нравятся толстые женщины. Нет, это странное существо совсем не похоже на бога и далеко от человека. Это не бог и не человек. Это что-то другое.

— Для чего тебе худые женщины?.. — осторожно спросил шейх.

— Для того, чтобы убрать грязь после тебя, — резко ответил Бушуев.

Снова шейх был поражен.

— Грязь!.. Какую грязь?..

Но Бушуев не стал разговаривать с ним и приказал ему поскорее привести работниц.

Шейх постарался угодить загадочному существу и выбрал самых худых женщин. Он, как все остальные, считал худобу уродством и снова был удивлен, когда Бушуев остался доволен и из числа приведенных оставил трех, по мнению старика, самых уродливых и никуда негодных. Выбранные женщины были грязны, одеты в невыделанные кожи, но лица их казались более осмысленными. Бушуев срезал несколько толстых ветвей, сделал из них подобие вил, приготовил веники, и работа началась. Женщины не понимали, чего требовал от них Бушуев. Изготовленные Бушуевым инструменты они видели впервые и не знали, как обращаться с ними. Работа казалась им бессмысленной и тяжелой.

Бушуев сперва покрикивал на женщин, а потом взялся за работу сам и стал показывать, как надо сгребать и вычищать мусор.

Из трех отобранных женщин только одна оказалась более других смышленной, сообразительной и подвижной. Две остальные несмотря на все старания Бушуева, не помогали, а только мешали. Каждое движение, казалось, совершенно обессиливало их.

Очистить пол от толстого слоя земли было делом далеко не легким. Не один старик оказался причастен к загрязнению помещения. Над этим трудились многие его предшественники в продолжении длинного ряда столетий. И, взрывая заостренным колом землю, Бушуев порой думал, что внизу нет каменного пола, а есть лишь сплошной грунт, образовавшийся от перегноя. Но через некоторое время он наткнулся на что-то твердое, и постепенно Бушуев определил под собой ровную- каменную поверхность.

Работа заметно оживилась. Окриками и угрозами Бушуев вдохновлял своих помощниц. К вечеру от земли была очищена большая часть пола, но сколько Бушуев ни приглядывался к ней, никаких намеков на тайники он не обнаружил. Повидимому, весь большой труд был произведен напрасно. От досады Бушуев кинул кол.

— Что ты искал?.. — спросила Бушуева женщина, оказавшая ему наибольшую помощь.

Бушуев посмотрел на ее лоснившееся от жира и пота лицо, на растрепанные волосы, хотел изругаться, но удержался. Готовую сорваться с языка брань удержал выразительный взгляд женщины.

— Чорт возьми, — подумал Бушуев, — она, кажется, способна мыслить и рассуждать.

— Я искал входа туда!.. — и Бушуев пояснил свои слова жестом вниз.

— Ты хочешь пойти туда?.. — на лице женщины отразился ужас.

— Почему это пугает тебя?.. — удивился Бушуев.

— Оттуда никто не возвращается!.. — тихо ответила женщина.

— Значит, вход туда есть?.. — задал вопрос оживившийся Бушуев.

Женщина утвердительно кивнула головой.

— Где же он?.. — стал допрашивать Бушуев.

— Он здесь!.. — и женщина повела Бушуева кругом здания.

Бушуев вначале совершенно не поинтересовался внешностью здания, удовлетворившись осмотром одной его стороны. А между тем, противоположная входу сторона скрывала много любопытного. Здесь были остатки каких-то сооружений из камня и дерева. Бушуев заметил выдолбленные из гранита неглубокие чаны, засыпанные листьями и землей, разрушенные водостоки и колодцы. Под здание вел полусасыпанный каменный вход.

— Здесь?.. — спросил Бушуев.

— Да. Это вход Мельк-Тауза, — ответила со страхом женщина.

Бушуев спустился в черное отверстие, осмотрел каменные стены. Ход был широким, из него поднималось воздушное течение, холодное и пропитанное запахом сырости.

Опускаться дальше в темное подземелье Бушуеву совсем не хотелось. Это было и слишком рискованно и не обе-

щало ничего определенного.

Он снова вернулся в помещение. День угасал. Надо было позаботиться о ночлеге. Бушуев приказал женщинам наскатать хвороста и принести воды.

Быстрота, с которой Бушуев добыл огонь, вызвала изумление у женщин. Поразил их и вид котелка. Они с любопытством рассматривали его и, повидимому, интересовались его назначением. Когда Бушуев повесил котелок над огнем, то они уселись в сторонке и стали наблюдать за действиями странного пришельца. Но Бушуев совершенно не нуждался в зрителях.

Он подошел к женщинам, указал им на дверь и коротко сказал:

— Уходите!.. Вы мне больше не нужны.

Женщины покорно повиновались. Бушуев смотрел им вслед до тех пор, пока они не скрылись в лесу.

Быстро умирал день. На смену ему торопливо шла ночь. Глядя на эту смену света темнотой, Бушуев вспомнил, что, поглощенный хлопотами, он совершенно забыл о пище. Им все время двигал нервный подъем, теперь он иссякал. Бушуев почувствовал слабость и пустоту в желудке. Он вернулся к костру, подложил хвороста и стал извлекать из сумки съестные припасы: вяленую говядину, хлеб, соль и завернутую в тряпки недопитую бутылку коньяку. Несколько глотков золотистой жидкости обожгли гортань, пищевод и распространили по телу приятную теплоту. Бушуев снял кипящий котелок и наполнил горячей водой эмалированную чашку. Горячая вода, приправленная коньяком, заменяла Бушуеву чай. Слабость овладела телом, хотелось лечь и уснуть крепким длительным сном. Но нет, спать еще рано. Бушуев оглянулся в глубину помещения. Там радостно поблескивал ветвистый подсвечник и горделивый павлин. Разноцветными огнями горели глаза птицы и как будто хотели сказать о чем-то значительном.

Снаружи слышался подозрительный шорох, и Бушуев быстро схватил магазинку. Вот они — эти опасности, о которых он едва подумал, увлеченный исследованиями.

— Кто там?... — задал вопрос Бушуев, и в голосе его слышалась тревога и злость.

— Это — я!.. — донесся ответ из темноты. По голосу Бушуев узнал женщину, выделившуюся своей работоспособностью.

— Ты зачем пришла?.. — с некоторым раздражением спросил он.

— Я принесла тебе мяса, — ответила женщина, входя в помещение. В руках у нее был большой зеленый лист, наполненный жареной бараниной.

Она положила мясо перед Бушуевым и проговорила:

— Ешь!..

— А что, если ее подослали ко мне с отравленной пищей? — тревожно подумал Бушуев и подозрительно взглянул в лицо дикарки. Оно было спокойно, а глаза с внимательной покорностью следили за движениями Бушуева.

— Я не буду есть один... Ешь со мной и ты! — проговорил Бушуев и поднес ей наиболее аппетитный кусок мяса.

Женщина спокойно взяла мясо и впилась в него белыми острыми зубами.

— Вот хлеб и соль!.. — предложил Бушуев.

— Соль?.. — воскликнула женщина, и кусок мяса вывалился из ее рук.

— Это — соль?.. — переспросила она взволнованным голосом.

Изумленный Бушуев молчал.

Женщина осторожно взяла щепотку соли и положила ее себе в рот. Лицо ее отразило полное блаженство.

— Да, да... это соль!.. — шептала она восторженным голосом.

— Это та соль, которую Мельк-Тауз щедро опускал нашим предкам и которой лишил нас.

— Неужели у вас нет соли?.. — спросил Бушуев.

— Мы только слышали про соль от наших предков, но никто из нас не видел ее. Вместо соли, мы посыпаем мясо золой, мы едим его вместе с травой, но в ней так мало соли.

Женщина взяла еще щепотку соли и бережно положила ее на язык. Соль, повидимому, была для нее лучше лакомства.

— Почему же ты не ешь мясо с солью?.. — поинтересовался Бушуев.

Женщина с изумлением взглянула на Бушуева.

— Я не знаю, как надо есть мясо с солью, — ответила она.

Бушуев показал ей, и женщина стала быстро уничтожать густо посоленное мясо. Вместе с ней стал есть и Бушуев.

Мясо быстро исчезло. Сытость создала благодущие.

— Кто ты?.. — спросил Бушуев.

— Я — Сальфо. Мой отец был великим шейхом, но его живым отдали Мельк-Таузу, — стала рассказывать женщина.

— То есть, как это живым отдали Мельк-Таузу?.. — не понял Бушуев.

— Его схватили, завернули в шкуры и кинули в черную пропасть, где живет грозный Мельк-Тауз, — пояснила Сальфо.

— За что же его кинули туда?.. — удивился Бушуев. Женщина подозрительно взглянула на вход в помещение, прислушалась и тихо проговорила:

— Старик Айо захотел занять его место. Старик — злой, хитрый и нехороший человек. Он обещал всем милость Мельк-Тауза, если мой отец будет принесен в жертву. Народ послушался и исполнил его слова, но милости не получил. Берегись старого шейха: он может погубить тебя...

Сальфо поднялась.

— Я ухожу, а ты будь осторожен... Злой старик что-то затевает.

Женщина бесшумно скрылась в черном квадрате выхода.

Бушуев задумался. Что толкнуло эту женщину к нему? Неудовлетворенность личным положением? Желание отомстить властолюбивому шейху за причиненное зло? Но, в общем, Бушуев не боялся старого шейха, что бы он там ни затевал. Что может сделать ему этот суеверный и трусли-

вый старик? Один выстрел его магазинки может рассеять тысячу врагов.

Глаза Сальфо не знали искусственного освещения и были привычны к ночной темноте. Она быстро подвигалась по еле заметной тропинке и замечала каждое препятствие. Только в лесу, среди черных молчаливых деревьев, она почувствовала некоторую робость. Ей показалось, что здесь насторожилось что-то злое и поджидало ее. Сальфо торопливо побежала вперед, чтобы скорее миновать жуткое место. Два толстых дерева стиснули между собой тропинку, и когда Сальфо хотела проскочить между ними, сухие цепкие руки впились в ее горло. Перепуганная неожиданным падением женщина отчаянно вскрикнула, но на нее набросилось еще несколько темных фигур и свалили на землю. Силы были неравные, и через несколько секунд сваленная на землю Сальфо была лишена всякой возможности сопротивляться. В тот момент, когда крепко сжимавшие ее горло руки почти совсем лишили ее возможности дышать, вдали послышались оглушительные выстрелы, и по стволам деревьев звонко защелкали пули. Разжались душившие Сальфо руки, в безумном страхе метнулись от нее перепуганные люди, и она, вновь получившая свободу движений, быстро вскочила с земли и исчезла среди темных деревьев.

IX

Выстрелы Бушуева спасли Сальфо.

Оставшись один, Бушуев вышел из помещения и внимательно стал приглядываться к скрытым в темноте предметам. Каменное здание было в кольце зелени. Ночью зрение обманывает, и Бушуеву показалось, что лес как будто приблизился к каменной постройке. Все было тихо кругом, неподвижно. Но Бушуев знал, что это не так. Где-то по лесу идет от него Сальфо. Бушуев знает это, но шума от шагов ее не мог уловить. Так же бесшумно могут подкрадываться к нему и враги. Затаив дыхание, Бушуев стал прислуши-

ваться к тишине. Он уловил отчаянный крик, быстро приложил к плечу ружье и произвел несколько выстрелов. Грохот встряхнул тишину, но после оглушительных выстрелов кругом стало как будто еще тише. Бушуев подождал несколько минут, повернулся и пошел обратно, подозрительно прислушиваясь к каждому шороху. Он не был трусом, но сейчас сердце его покалывала тревога. Что означает этот крик?.. Кричала ли это Сальфо или какая-нибудь ночная птица?

Ему захотелось, чтобы скорее миновала ночь и темнота, ограничивающие зрение и не дающие возможности в достаточной степени располагать им. Бушуев подбросил хвороста в костер и стал устраивать себе подобие ложа.

Пламя костра веселыми блесками отражалось от золотого тела павлина. Лучистые разноцветные искры горели в бриллиантовых глазах птицы.

— А не под павлином ли кроется тот тайник, который я искал и не нашел? — подумал Бушуев. — Не там ли скрыты священные для темных людей манускрипты?

Бушуев торопливо подошел к павлину и попробовал пошевелить его. Золотая птица как-будто приросла к каменному пьедесталу и не двигалась.

Бушуев обхватил павлина руками и напруг всю свою силу. Раздался треск и лапки золотой птицы отделились от камня. В камне остались два небольших углубления. Бушуев с пылающей хворостиной внимательно осмотрел их, ощупал и не заметил ничего, что указывало на скрытый под павлином механизм.

Раздосадованный, он свалил золотой подсвечник и тоже ничего не обнаружил.

Бушуев недоумевал. Он не верил тому, что видел. Не может быть, чтобы народ, у которого произведения искусства обладали совершенной формой, не знал грамоты и не оставил после себя никаких записей? Они должны быть, они есть, но только где?.. В каком месте искать их?..

С горящим пучком хвороста бродил Бушуев по каменному сооружению и искал.

В лесу, так же, как Бушуев, бродил старый шейх, и разыскивал своих помощников.

После выстрела, спасшего Сальфо, он снова подкрался к каменному сооружению, спрятался среди кустов и через дверь наблюдал за тем, что делал Бушуев.

Он видел, как Бушуев боролся с золотым павлином и свалил его.

Тревожно билось сердце старика. Он ждал, что Мельк-Тауз прогневается на безумца и покарает его. Но Мельк-Тауз не прогневался. Он покорно улегся у ног чужого человека.

Тогда Айо хотел кинуться на выручку поруганному богу, но вспомнил свою старость и слабость и метнулся в лес за помощью. Несколько часов потратил шейх на поиски, но собрал всех и стал уговаривать.

— Пойдемте спасать Мельк-Тауза. Пойдемте на помощь великому, и награда его будет беспредельна. Он даст вам самую лучшую пищу. Ваши желудки будут всегда переполнены и тверды, как камни. Мельк-Тауз не пожалеет для вас ничего. Пойдемте!

— Но как мы пойдем?.. — слабо возражают голоса в темноте: — в руках у него гром и молния. Он видит издалека и бросает в нас свои огненные стрелы. Он побьет нас всех.

— Нет... Он не убьет никого. Он никого не может убить. За нас Мельк-Тауз. Мельк-Тауз не позволит ему этого. Мельк-Тауз против него.

— Один иди!.. Мы боимся!

— Если вы не пойдете, великий Мельк-Тауз будет жесток с вами. Он найдет на вас болезни, которые съедят ваше тело и оставят одну кожу и кости. Вы будете так слабы, что ветер будет сшибать вас с ног. В огонь бросит вас Мельк-Тауз, и вы будете гореть и умирать от жажды. Он потребует вас к себе, и я с радостью брошу вас в черную бездну. Кто не пойдет со мной, пусть уходит. Завтрашний день для него будет днем гибели.

Никто в темноте не шевельнулся.

— Так вы пойдете со мной?..

Снова никто не ответил.

— Кто хочет несчастья и смерти, пусть остается, а кто хочет награды, пусть следует за мной...

Старый шейх, похожий в темноте на черного мохнатого тарантула, двинулся осторожно вперед. Неохотно и медленно потянулись за ним еще несколько черных теней. Они бесшумно скользили по лесу и притаились на опушке. Глаза всех были устремлены на пламя, видневшееся у входа, в каменное сооружение. В этих глазах вспыхивали искорки тупой и жестокой ненависти.

— Оставайтесь здесь до моего возвращения, — прошептал шейх и змеей пополз вперед. Он подкрался к самому помещению и внимательно прислушался. Тихо в каменном здании. Так тихо, как будто там нет никого. Подкрался шейх к отверстиям в стенах, заменяющим окна, и заглянул. В ужасе отшатнулся старик и чуть не завыл от боли и ярости. Нет Мельк-Тауза на прежнем месте. Не видно радостного блеска глаз его. Осквернена святыня.

Подкрался шейх ко входу, заглянул злобно. Пригретый пламенем костра тихо спит ненавистный и таинственный человек. Он лишил старого шейха власти, он выгнал его из каменной обители Мельк-Тауза. Шейх Айо не умеет прощать врагов, он отомстит и этому существу, завладевшему громом и молнией. Он уничтожит его, и вместо своего дырявого бубна будет носить эту палку и так же будет испускать из нее огонь и грохот.

Отодвинулся шейх в темноту, тихо роется под покрывающими его тело овчинами. Из мягкого и грязного пузыря вытаскивает старик темный порошок и щепотку за щепоткой бросает в огонь. Гаснет пламя, и густой дым ползет от костра, окутывает пришельца.

Тяжело дышать Бушуеву. Лицо как будто прикрыто пушистой ватой. Задыхается он, хочет проснуться и не может. Слабеет воля, слабеют мышцы. Вывалилась из рук магазинка, бессильно свалилась на бок голова, отвисла нижняя челюсть. В густом тумане плывет Бушуев, ничего не чувствует, не сознает. Впереди него, распутив хвост и маня мигающими разноцветными огнями глаз, движется золотой павлин. Хорошо Бушуеву. Настоящая жизнь с волнениями и

неудачами осталась где-то далеко сзади, на каком-то унылом песчаном берегу.

Через притухший костер прыгают мохнатые человекоподобные существа. Магазишкой завладел похожий на черного тарантула старый шейх. Бессильного и беспомощного Бушуева укладывают в принесенные свежие шкуры, завертывают и затягивают ремнями. Воеет заклинания торжествующий шейх, бьет по магазинке дырявым бубном и пляшет. Он снова господин положения, все снова подвластно ему.

Бережно поднимает он сваленного в угол золотого павлина и ставит на прежнее место. Сломанный подсвечник прислонен к гранитному возвышению. Все, как будто, на своем месте. Все стало попрежнему. Ликует обрадованный старик и громко бьет в дырявый бубен.

Когда через высокие горы, через черные бездонные пропасти пробежали первые мутные потоки утреннего света, два человека, похожие на больших обезьян, несли на плечах длинный шест, а по середине шеста был привязан большой тюк, в котором находился Бушуев. Около носильщиков прыгал и бесновался старый шейх. Он визжал, кричал и гремел бубном.

У края обрыва пред черной широкой пропастью оставились носильщики и опустили на землю завернутого в кожи Бушуева.

В черной пропасти темная ночь. Холодом, сыростью дышит пропасть. Со страхом посматривают в нее обезьяноподобные люди и жмутся в сторону. Гремит бубен шейха, визгливый голос тревожит утреннюю тишину.

— Бросайте его в бездну!.. Бросайте его, чтобы он живым явился к Мельк-Таузу! Пусть Мельк-Тауз взыщет с него за все.

Сброшенный под уклон тюк сначала медленно пополз, а потом быстро исчез в темноте пропасти. Быстрота, с которой катился вниз Бушуев, возрастала с каждой секундой. Протиралась кожа, рвались ремни. Небольшой выступ ударил по шкурам, по Бушуеву, уменьшил быстроту падения и развернул сверток. Камнем упал Бушуев в воду. Брызги

плеснулись на скалы. Холодная влага охватила все тело Бушуева, залила рот, нос. Нечем дышать, нет воздуха. Жадно вздохнул Бушуев и захлебнулся. Поредел глубокий туман, в котором он плыл, и сменился чем-то другим, неприятным. В холодной воде при полном мраке бился Бушуев и ничего не понимал. Болело тело, висела неподвижно рука. От ледяной, влекущей к себе влаги отбивался одной рукой Бушуев. Запутались ноги в разодранных овчинах, но кое-как освободились, выпрямились и почувствовали под собой твердую почву. Тело было непосильным грузом и Бушуев извлек его из воды с чрезвычайным напряжением. Безумно хотелось одного: выбраться из холодной воды и лечь на сухое место.

Захлюпала вода под шаткими ногами. В воде тело Бушуева как будто было устойчивее, а в воздухе оно колебалось из стороны в сторону и не было возможности удержать его в равновесии. Не удержался Бушуев на мокрых и скользких камнях и упал.

Шло время и некому было считать его. На мокрых камнях неподвижно лежало человеческое тело.

И когда вновь очнулся Бушуев и слабо открыл один глаз, то он ничего не мог осознать и усвоить. Тихо и покорно лежал он и тупо смотрел полуоткрытыми глазами. Перед глазами его желтый блестящий камень. Он отражает далекий свет и так же неподвижен, как и сам Бушуев.

Вихрь кружит и шумит в голове; он сметает и рвет все. Вырвалась одна мысль из черного вихря и прилипла к сознанию.

— Что это блестит?

Но боль уничтожила мысль.

Бушуев устало закрыл глаза, и когда стих вихрь и погасла мысль, быстро взглянул.

Желтый камень снова был пред ним и все так же отражал далекий свет. Еще увидел он несколько мелких желтых камней и желтый песок и тревожно поднялся. Он потянулся к желтому камню, хотел поднять его и не мог. Камень был тяжел и неподвижен. Рука почувствовала холод металла.

— Золото!.. — закричало что-то затемненному сознанию Бушуева и наполнило тело дрожью.

— Золото!.. Золото!..

Электрический ток пробежал по мышцам и заставил их подчиниться безумному порыву. Бушуев ползал по земле, подбирая золотые слитки и совал их в карман. Он глубоко запускал руку в промытый золотой песок и торопливо сгребал его в кучи.

Тревожно оглядывается Бушуев: как бы не увидел кто, не отнял бы найденных сокровищ!

О, он может не беспокоиться!.. Узкой полоской виднеется вверх небо. По бокам неприступные черные скалы. Спереди с огромной высоты падает тонкая струйка воды, звенит и плачет. Кто-то позаботился и о выходе из черной расщелины и нагромоздил там гранитные скалы и отшлифовал их.

Нет входа в золотую сокровищницу Мельк-Тауза, нет и выхода из нее.

Бушуев успокаивается, набивает карманы слитками, жадно сгребает тяжелый желтый песок.

Х

Неудачная жизнь выпала на долю Сальфо. Сальфо этого не сознавала. Она даже не знала, что такое жизнь и что такое удача и неудача. Она не философствовала, а жила. А жить — это значит есть, пить и спать. Все же остальное шло само собой. Не над чем было утруждать мозги, не о чем было заботиться.

Великий Мельк-Тауз подумал, позаботился обо всем. Он дает жизнь и он берет ее, когда нужно. Он ограничил живущих в известных пределах и положил непреодолимые границы. Думать не о чем. И если череп зарастает вместо мозга жиром, то обладатель головы ничего не потеряет и не приобретет. Жизнь его не изменится. Он также будет есть, пить и спать.

Сальфо не думала о жизни, а жила. У Сальфо был отец, сосредоточенный и седой старик. Его лоб нельзя было прикрыть двумя пальцами. У него были глаза внимательные, зоркие. Старик смотрел и как будто все время спрашивал о чем-то. Старый шейх передал дочери лоб и глаза.

Хитрый Айо был моложе отца Сальфо — моложе, хитрее и злее. Когда он захотел стать шейхом, он подговорил народ, и старый шейх был сброшен в бездну в жертву великому и грозному Мельк-Таузу.

Может быть, и Сальфо была бы также завязана в шкуры и сброшена вслед за отцом, но быстрые ноги спасли ее. Она бежала в лес и спряталась среди развалин. Ее искали и не нашли. А когда через несколько дней она вернулась в свой пустой шалаш, то на нее никто не обратил внимания. Обитатели шалашей обладали короткой памятью. Все происшедшее уходило быстро в область прошлого, туманилось и забывалось. Ум не привык беречь воспоминания. Воспоминания не приносили пользы.

Только Сальфо помнила старого отца, помнила зло, совершенное хитрым Айо. Помнила все это, но не злилась. Происшедшее свершилось, и никакая злость его не поправит.

У Сальфо была иная жизнь, чем у других женщин. Сальфо была дочерью шейха. Она могла выйти замуж только за мужчину из рода шейхов. Таков закон. Но среди людей, окружавших Сальфо, только один старый Айо принадлежал к шейхам. Айо имел жену и был равнодушен к женщинам. Может быть, Сальфо нарушила бы закон и вышла не за шейха, а за простого человека, если бы она была толстой, но Сальфо не могла похвалиться полнотой, и мужчины проходили мимо Сальфо. Мужчины брали в жены женщин толстых, заплывших жиром. Худых не любил Мельк-Тауз, их не любили и мужчины. На потухший очаг была похожа душа Сальфо. В ней не было ни одного горячего угля, в ней только одна остывшая печальная зола.

Странный, неизвестно откуда и неизвестно зачем явившийся человек всколыхнул жизнь Сальфо. Этот человек вызвал к себе не самых жирных, а самых худых женщин.

Этот человек из всех женщин только одной Сальфо дал священной соли. Сальфо ела с ним вместе. Он разделял с ней и мясо и соль. А когда на Сальфо напал в лесу шейх Айо, этот человек вырвал ее из костлявых рук злого старика. Он загредел громом и бросил в лес молнии. Скрывавшаяся в темноте Сальфо хотела вернуться назад, но страх помешал ей. Она спряталась в своем шалаше, в кучу старых листьев, и стала ждать.

Пред рассветом серой тенью проскользнула Сальфо из шалаша в лес и побежала к каменному сооружению, где был этот странный человек. В лесу она услышала грохот бубна и ликующее завывание шейха, и сердце ее сжалось от мучительной тревоги. Неслышной поступью прокрадлась она к зданию и осторожно взглянула внутрь. Помещение было пусто.

Торопливо бежала встревоженная Сальфо. Она признавала, что случилось что-то большое и злое, случилось при помощи коварного Айо. Она нагнала несших бессознательного Бушуева людей и шейха около них, крадась по следам и с замирающим сердцем ждала страшного конца. По этой тропинке пронесли ее отца, по этой тропинке несут и этого человека. И его постигнет то же, что постигло отца. Сальфо признавала свое бессилие и беспомощность и волновалась. В первый раз в жизни она была недовольна своим положением. В первый раз в голове зашевелились непрерывные настойчивые мысли.

Бушуева сняли, и завернутый в овчины человек бесшумно исчез в бездне. Повторилось все, что было с отцом Сальфо. Исчезли одетые в овчины люди, ушел злобный шейх, смолк бубен, и не слышно более гнусавого завывания. Над черным обрывом лежит Сальфо и внимательно смотрит вниз. Но разве разглядишь что-нибудь там, где царит вечный мрак? Не видит и не слышит ничего Сальфо. Бездна поглотила человека и молчит, все такая же ненасытная и страшная. Возбужденная мысль не исчезает из головы Сальфо. Что делать?.. Что предпринять?.. Кинуться самой вслед за этим человеком и погибнуть?.. Или забыть все и со всем примириться? Чувствует Сальфо, что забыть

происшедшего она никогда не сможет. Дважды поперек ее жизни легла бездна, дважды злобный шейх отнял у нее наиболее близких людей.

Солнце поднялось над горами, развеяло сумрак, но темноты в бездне не осилило. Бездну попрежнему окутывали мгlistые испарения.

Весь день провела Сальфо над крутым обрывом, но ничего не придумала, ничего не узнала. Что стало с этим человеком?.. Поглотил его Мельк-Тауз или пощадил?..

С наступлением темноты вернулась Сальфо в шалаш и залегла в темном углу. Кругом тишина. Обитатели шалашей не знали шумной жизни. Они никогда не выражали крикливо ни радостей, ни горестей, да и не было у них ни того, ни другого. Жизнь сонной рекой текла над ними, а они, как камни, лежали на дне реки. То, что произошло за день, не изменит их положения. К чему же тогда ненужные волнения, зачем мысли?

В первый раз в жизни Сальфо почувствовала тяжесть тишины, мучительность одиночества. Что-то было не так в жизни этих отрезанных от мира людей, что-то шло у них иначе, — но откуда могла знать Сальфо, что именно было ненормальным?

Обитатели шалашей не могли пожаловаться на недостаток сна. Они могли заснуть в любое время. Большая часть дня у них уходила на сон. Они привыкли спать. И вот впервые Сальфо узнала, что бывают моменты, когда сон проходит мимо и не касается истомленного тела и взволнованной души. Сальфо в бессилии каталась по сухим листьям и не находила себе места. Все кругом спали безмятежным сном сытых зверей. Только она одна извивалась в мучительном напряжении и чувствовала, что она одинока, и нет кругом никого, кто бы мог понять ее и помочь. Ее мог бы понять этот странный человек, который так таинственно появился и так печально исчез. Но кто знает, жив ли этот человек?..

Лишь к утру забылась сном разбитая и измученная Сальфо. И как только забылась она от настоящей томительной жизни, так сразу перекинулась в другую, призрачную

жизнь, жизнь сна, и опять стала мыслить и действовать.

Во сне Сальфо вспомнила о ходах Шамираны, о которых когда-то рассказывал ей отец. Вспомнила, что они идут до самого дна ущелья Мельк-Тауза.

Проснувшись Сальфо, но сна своего не забыла, как это бывало раньше постоянно, и подумала, что, может быть, человек, которого злобный Айо бросил в пропасть, лежит на дне ущелья, может быть, он жив еще.

Вылезла Сальфо из шалаша. На востоке над горами побледнели звезды, побледнело небо. Близится утро. На плоских камнях дробит и разминает Сальфо кукурузу, готовит грубую муку. В костре накаливаются камни, на которых Сальфо будет печь хлеб.

Быстро двигаются руки Сальфо, спешат. Надо поспеть приготовить все до восхода солнца и исчезнуть до пробуждения людей.

И Сальфо успела. Она скрылась в лесу, когда солнце еще не коснулось снежных горных вершин, когда от тяжелого сна не очнулся еще ни один человек.

Торопливо скользила Сальфо среди сонных молчаливых деревьев и напряженно прислушивалась к тишине. Она боялась новой западни и нападения. Но спокойным и глубоким сном спал старый шейх Айо. Он был удовлетворен. В руках его была издающая гром и молнию палка. Правда, эта палка что-то не слушалась шейха Айо, и когда он хотел выпустить гром и молнию, то она не загремела и не блеснула огнем. Шейх не понимал упрямства странной палки, и, чтобы расположить ее к себе, поставил перед ней мозги, жир и другие лакомые кушанья.

— Ешь, палка!.. — угощал Айо магазинку Бушуева: — Ешь, сколько хочешь, но только слушайся меня.

Спокойным сном спал Айо. Он снова был безграничным повелителем над сонно-покорными людьми и брал себе лучшее из того, что было в их скудной жизни.

Осторожно кралась Сальфо мимо каменного сооружения и собиралась обогнуть его, чтобы скрыться в черном отверстии, уводящем в глубину земли. Она затаила дыхание и прислушивалась к каждому шороху и движению. Еще

минута и Сальфо будет далеко от людей. Но эта минута не настала. От глубокого и долгого сна очнулась земля, встряхнулась и загудела. От резкого толчка свалилась Сальфо и закричала от испуга. Страшная сила, сотрясавшая землю, швыряла ее из стороны в сторону и не позволяла ей подняться на ноги. Из каменного здания доносилось глухое завывание перепуганного шейха.

Понемногу смолк тревожный гул, улеглось волнение земли.

Бледная, встревоженная поднялась Сальфо. Из-за леса доносились до нее отчаянные вопли перепуганных людей.

— Что случилось?.. — спросила себя девушка. Задумалась и как будто разъяснила себе смысл происшедших грозных событий.

— Великий Мельк-Тауз разгневан поступком людей. Ни шейх Айо, никто другой не смел коснуться того человека, которого Мельк-Тауз прислал неизвестно откуда.

Сальфо забыла обо всем и стремительно бежала назад, к шалашам, от которых доносился дикий, беспомощный вой. И когда она выбралась из леса, то в утренних серых сумерках увидела людей, валявшихся на земле и беспомощно вопивших.

— Слушайте, слушайте!.. — пронзительно закричала Сальфо.

Вопли смолкли, и люди с недоумением повернулись к Сальфо.

— Вы прогневали великого Мельк-Тауза. Он послал к вам близкого ему человека, а шейх Айо заставил вас бросить его в бездну. Мельк-Тауз мстит вам, и месть его будет беспощадной.

Перепуганные жители поняли Сальфо. Они завyli еще сильней, катались в исступлении и рвали на себе волосы.

— Если вы хотите заслужить милость Мельк-Тауза, — снова пронзительно стала выкрикивать Сальфо, — вы должны кинуть в бездну шейха Айо. Он виновен во всем. Он навлек на вас гнев Мельк-Тауза.

Голос Сальфо заглушил вопли и заставил всех прислушаться. В словах Сальфо была правда. Но как осуществить

то, что предлагала она? Старого Айо никто не любил, но все боялись его.

Когда в лесу раздался глухой рокот бубна, все с испугом повернулись в сторону леса и стали тревожно ждать.

Лохматым тарантулом выкатился из леса сгорбленный старик.

— Вот он!.. — закричала в испуге Сальфо. — Хватайте его, заверните в шкуры и бросьте в бездну, чтобы умилоствить Мельк-Тауза.

Смолк грохот бубна. Из-под седых лохматых бровей ключе впились в Сальфо два серых глаза. Айо внимательно выслушал слова Сальфо, подозрительным взором окинул неподвижных и молчаливых людей и изо всей силы забарабанил в бубен.

Шейх визжал, скакал, потом свалился на землю и стал в испуге кататься по земле и корчиться.

Все в страхе и тревоге собрались кругом него и напряженно ждали.

— Мельк-Тауз недоволен принесенной жертвой... Он требует еще... Он требует Сальфо, — бормотал старик.

— Он обманывает вас, — крикнула Сальфо. — Он обманывал вас раньше, он подвел вас под гнев Мельк-Тауза. Хватайте его, вяжите!

Но никто из окружавших шейха Айо людей не шевельнулся. Старик видел это. Он пришел в еще большее наступление и завопил сильнее:

— Мельк-Тауз сказал мне: если вы не кинете мне Сальфо утром, вечером я разрушу всю землю и погублю всех людей. Я сожгу их огнем, побью камнями. Берите ее!.. Мельк-Тауз не будет ждать!

Шейх Айо вскочил с земли и кинулся на Сальфо. Но схватить Сальфо ему не удалось. Сальфо быстро отскочила в сторону, повернула к лесу, и скрылась в зелени.

Шейх с остервенением колотил в бубен и бежал вслед за ней, а за шейхом бежали остальные. Шейх чувствовал, что Сальфо не убежит от него, не скроется. Он настигнет ее, схватит и бросит в бездну. Перепуганный землетрясением шейх решил, что царь бездны разгневан. Чтобы умилостви-

вить его, нужна жертва. Шейх бежал за этой жертвой. Он думал кинуть в пропасть самую толстую лакомую женщину, но когда услышал, призыв Сальфо, то переменял решение, и остановил свой выбор на ней. Сальфо не являлась аппетитной жертвой и, возможно, что Мельк-Тауз не станет ломать о нее зубы. Но Сальфо опасна для шейха, а потому можно принести в жертву и ее. Кроме того, Сальфо была одинокой, и никто из обитателей шалашей не будет защищать ее. На такую жертву все охотно согласятся.

Однако, не утнаться старому шейху за быстроногой Сальфо. Он устал от кривляний, ему мешает одышка. Шейх приказывает более молодым догнать Сальфо и схватить ее. Но никто не забегает вперед и не проявляет желаний исполнить требования шейха. Айо злился и извлекал из своего губна угрожающие звуки.

Примятая трава ясно указывала направление, по которому убежала Сальфо. Следы вели к каменному зданию. Старый Айо видел это и не понимал, почему Сальфо устремилась в эту сторону. Что ей надо здесь?.. Шейх вспомнил о забытой в страхе гремящей палке и забеспокоился. А вдруг Сальфо овладеет этой палкой?.. Но следы обогнули здание, подвели толпу к черному отверстию, уводящему в землю, и исчезли.

Старый Айо в изумлении опустил на землю и острым жадным взглядом впился в это темное и мрачное отверстие: он ничего не понимал. Никто и никогда не спускался в это темное и мрачное отверстие, а тот, кто попадал в него раньше, в далеком прошлом, говорят, не возвращался обратно. Зачем же ушла в него Сальфо?..

Все, кто был с шейхом и стояли сзади него, также ничего не понимали.

— А может быть Сальфо не ушла далеко и скрывается где-нибудь вблизи от входа?.. — подумал старый шейх. — Надо бы спуститься туда и посмотреть.

Но желающих сойти в это мрачное отверстие едва ли можно найти, да и сам Айо не решится на это. Кто знает, что скрывается там. Может быть злые духи сторожат вход и хватают каждого приблизившегося. Схватили они Саль-

фо, могут схватить и Айо, если он полезет туда.

Суеверный шейх отодвинулся от черного входа. Вместе с ним отодвинулись и остальные, испытывавшие такой же страх пред загадочным отверстием. Понемногу наиболее робкие стали уходить, и скоро пред входом осталось одно мохнатое тарантулоподобное существо. Шейх Айо уже не гремел в бубен, а злобно посматривал кругом и пытался разобраться во всем происшедшем. А случилось такое, чего никогда не было в жизни Айо. С одной стороны, это непонятное землетрясение. Оно что-то означает. Кто-то чем-то недоволен и чего-то требует. Но чего?.. Жертвы?.. Шейх Айо не принес жертвы. Он наметил Сальфо, а она исчезла. Грозное существо осталось неудовлетворенным и может отомстить. Кому же оно будет мстить?.. Уже не шейху ли Айо, который не принес своевременно жертвы? А может быть Сальфо, которая не согласилась стать жертвой и убежала?

Старый шейх ломал голову и пытался разрешить трудный вопрос. Но разве разберешься в таких замысловатых положениях. Шейх на всякий случай решил присматривать за входом, и если Сальфо попытается выбраться из него, то схватить ее и сбросить в бездну для умиловивления гневного божества.

Подумал шейх Айо и о другом. Сальфо выступила против него. И если бы Сальфо была не женщиной, а мужчиной, то старому Айо не сдобровать. Тогда дело не кончилось бы одними словами, а, пожалуй, кости Айо давно валялись бы на дне глубокой бездны. Сегодня выступила Сальфо, а завтра против Айо может подняться один из здоровых и сильных мужчин. Нет, быть шейхом не так легко. Надо принять меры и держать всех в страхе и подчинении. О, шейх Айо сумеет сделать это!..

Старик привстал от охватившего его возмущения и с силой ударил в бубен.

Долго просидел шейх Айо у входа, но Сальфо не появлялась. Высоко поднялось солнце и стало припекать старика горячими лучами. Айо спустился немного ко входу, чуточку прислушался, но в мрачном подземном ходе была пол-

ная тишина. Оттуда не долетал ни малейший звук, как будто там не было ни одного живого существа.

Терпеливо ждал насторожившийся старик пред входом, потом поднялся и тихо побрел в каменное сооружение.

XI

Преследуемая шейхом, Сальфо быстро вскочила в темное отверстие и, прыгая по наклонному входу, стремительно подвигалась вперед. Но постепенно движение ее замедлялось и через некоторое время Сальфо стала идти с большей осторожностью. Глаза ее не боялись мрака, но в подземном ходе была такая густая темнота, что Сальфо momentami ничего не могла разглядеть. Ей казалось, что она не идет, а медленно падает в какое-то темное пространство. И в тот момент, когда ей стало особенно жутко, она остановилась и стала прислушиваться и разбираться в впечатлениях. Полнейшая тишина не позволяла ей уловить ни одного звука. Оглянувшись назад, Сальфо не заметила и входного отверстия. Оно скрылось за поворотами.

Тишина и темнота кругом. Если бы на месте Сальфо был культурный человек, то он оказался бы в полной беспомощности и бессильно толкался бы из стороны в сторону, и не знал, куда идти. Но Сальфо не знала культуры, чувства ее были одинаково развиты и одинаково служили организму. И когда бездействовали зрение и слух, тогда выступали другие чувства. Сальфо не видела, но ясно сознавала, что около нее находятся стены, над головой навис каменный потолок. Лицо ее улавливало движение воздуха, обоняние различало запахи, которыми был насыщен воздух. И Сальфо знала, что где-то очень далеко есть выходное отверстие. Она чувствовала запах земли, гниющего дерева и чего-то еще незнакомого ей.

Разобравшись в ощущениях, Сальфо смело пошла вперед. Местами она встречала неровности, образовавшиеся от обвала потолка и осторожно перебиралась через них. В

одном месте Сальфо остановилась в большом недоумении. Она почувствовала, что скрытый темнотой проход значительно расширился. Пред ней было большое, но совершенно глухое и замкнутое пространство. Воздух здесь был неподвижен. Сальфо ощущала величину пространства, слышала стук бесчисленных капель, ропот падавшей в глубину струйки воды. Она осторожно вышла обратно и двинулась против струи воздуха. И снова уловила что-то необычайное. Воздушный поток как будто спускался откуда-то сверху, а почва круто уходила вниз. Босые ноги Сальфо ощущали влажный, скользкий камень. Приходилось проявлять чрезвычайную осторожность, чтобы не скатиться. Сальфо выставляла вперед то одну, то другую ногу и выискивала предварительно точку опоры. Все меньше и меньше встречалось таких надежных точек, и под конец нога Сальфо ничего не нашла под собой. Внизу был крутой обрыв.

Сальфо нагнулась над ним и внимательно изучала. В большом напряжении был каждый кусочек ее кожи, глубоко вдыхали сырой воздух легкие. Обрыв пред Сальфо не был бездонным. Чувствовалось где-то недалеко дно. Сальфо отломил кусочек камня и кинула вниз. Тотчас же снизу послышался мягкий удар. И все-таки Сальфо не решалась прыгнуть, а стала взбираться обратно. Она чувствовала, что в этом направлении нельзя идти. Проход должен находиться где-то в другом месте. Ощупью искала его Сальфо и передвигалась с места на место. Измученная бесплодными поисками, она опустилась на влажные камни и задумалась. Ход должен быть и есть. Об этом говорит непрерывная струя воздуха. Но эта струя падает откуда-то сверху. Не может быть, чтобы пользовавшиеся этим проходом люди, как птицы, взлетали снизу вверх...

Сальфо поднялась и стала обшаривать стены широкого хода. Чуткие руки скользили по камню, сырой земле и ничего не находили. Прохода нет. Надо прыгать вниз, под обрыв, и искать его там. И вместе с тем не хотелось сделать этот рискованный шаг. Спрыгнуть легко, а как выбраться оттуда, если и там не окажется прохода?..

Сальфо вспомнила о том огромном пространстве, которое привлекало ее внимание раньше. Нет ли чего-нибудь там?..

Она поднялась и пошла обратно. Темнота не стесняла движений Сальфо. Она чувствовала воздушное пространство пред собой, чувствовала препятствия. Вот и эта странная пустота с неподвижным воздухом, с тихим монотонно-покорным стуком падающих сверху бесконечных капель, со звонко плачущей струей стекающей куда-то воды.

Снова Сальфо почувствовала, что в этой пустоте что-то есть, есть какие-то сооружения, неизвестно кем и неизвестно для чего поставленные. Звук стекающей воды напомнил ей об испытываемой жажде. Она двинулась по направлению к воде. Протянутая рука коснулась холодной влаги, струйкой спадавшей откуда-то сверху. Сальфо набрала горсть воды и сделала глоток. Вода была настолько соленой, что нельзя было пить ее. Руки коснулись выступа, с которого стекала вода. Это был угол какого-то сооружения. Две отвесные плоскости его уходили в ту и другую сторону.

Сальфо провела рукой вверх и ощупала край поверхности. Здесь она обнаружила какие-то твердые кристаллы, отломил один из них, понюхала и попробовала языком. Это была соль. Сальфо торопливо положила ее в рот и жадно стала ощупывать странное сооружение. Оно напоминало кубический ящик и было переполнено влажной солью. Вплотную с первым ящиком стоял второй, а за ним третий, четвертый, и все они были полны солью. Сердце Сальфо наполнилось радостью. Теперь ни она и никто другой не будет испытывать недостатка в соли. Сальфо даст соль всем. Сердце ее учащенно билось, она жадно вдыхала густой, пропитанный запахом соли воздух. Она забыла обо всем.

А время шло... Бесчисленные капли, падавшие в темноте с незримого свода огромной пещеры, были похожи на чьи-то осторожные шаги. Жалобный плач разбивающейся о камень струи будил грусть и неудовлетворенность. Может быть, похожий на шум шагов монотонный стук капель, а может быть, тоскующий звон бьющейся о твердые преграды струи заставил Сальфо очнуться. Ей захотелось вырвать-

ся из томительного мрака к свету, вдохнуть иной воздух, поделиться своей радостью с кем-нибудь. Но с кем?.. Там, наверху, ее поджидали злобный старик Айо и толпа покорных ему темных людей. Там ждала ее страшная, бессмысленная смерть. Только один человек может понять Сальфо, разделить ее радость и защитить. Но он на дне глубокой пропасти лежит беспомощный, разбитый, а может быть, и мертвый.

Сальфо быстро отошла от дорогой находки и двинулась вперед. В темной пещере она почувствовала какое-то отверстие и шла к нему, уверенно шагая в темноте. Ее первобытный инстинкт заменял ей зрение. Кожей лица, рук и ног Сальфо определяла упругость воздуха и чувствовала скрывавшиеся за воздухом преграды.

Она вошла в обнаруженный проход и глубоко вздохнула. Здесь был иной воздух. В нем было меньше сырости, он проходил по сухому грунту, который как будто подымался вверх. И Сальфо смело двинулась вперед.

Смутный намек на свет уловили впереди ее глаза. Этот свет потянул ее к себе. Через некоторое время Сальфо убедилась, что глаза не обманули. Впереди, действительно, был свет. Но это был какой-то странный свет. Он не походил на солнечный, он не походил и на свет костра. Свет был неяркий, ровный, и от него оставалось впечатление какой-то безжизненности.

— Что это?.. — с недоумением спрашивала себя Сальфо и ускорила шаги.

Глаза ее теперь ясно различали очертание хода. Источник света близок. Но кто зажег этот свет?.. А что, если здесь есть какое-нибудь живое существо?.. Как встретит ее это существо? Добром или злом?..

Сальфо остановилась и стала чутко прислушиваться. Но ни одного звука не уловила она. Впереди, откуда лился ровный свет, не было никакого движения. Там царил мертвый покой.

Сальфо медленно и осторожно двинулась дальше. Она не доверяла своему слуху, и чем больше приближалась к свету, тем становилась осторожнее. Еще один небольшой

выступ отделяет ее от священного места. Этот выступ таит за собой что-то неизвестное и невиданное. И Сальфо приблизилась к этому неизвестному так осторожно, что движение ее не сопровождалось ни одним звуком. Она часто останавливалась и жадно слушала, но слышала лишь стук собственного сердца, шум крови в жилах — и ничего больше. Тот, кто зажег этот свет, ничем не выдавал своего присутствия.

Сальфо осторожно выглянула из-за выступа и замерла от недоумения и страха. Перед ней была большая пещера со стенами, выложенными черным камнем. На одну из стен с каменного пола тянулось какое-то чудовище с отвратительной мордой на длинной шее. Разинутая пасть с острыми зубами готовилась проглотить то, что было над чудовищем. А над чудовищем, посередине круга, был странный камень, источавший из себя ровный бледный свет. К этому свету тянулись когтистые лапы чудовища, его готовилась проглотить жадно разинутая пасть.

Сальфо стояла неподвижно и не знала, что предпринять. Страх толкал ее назад, а рассудок держал на месте. Сзади не было спасения. Возвращение было равносильно гибели. Удерживала ее и странная безжизненность чудовища. Оно не двигалось, не шевелилось и даже не дышало. А в той напряженной позе, в которой находилось чудовище, без движения нельзя было пробыть долго.

Сальфо сделала робкий шаг вперед. Затрещал раздробленный ногой камешек, и сердце девушки застучало от мучительного страха. Но чудовище не пошевелилось. Лицо Сальфо уловило слабое движение воздуха. Откуда-то в пещеру вливалась слабая струя, и эта струя говорила о том, что у пещеры есть выход с противоположной стороны.

Еле ощущаемая струйка воздуха заставила Сальфо медленно и осторожно двинуться вперед. Она кралась вдоль черной стены и не сводила глаз с застывшего чудовища, а чудовище попрежнему было неподвижно и как будто ни на что не обращало внимания. И когда Сальфо миновала чудовище, она так же тихо скользнула в узкий проход в черной стене и исчезла.

Тьма снова поглотила ее. С учащенно бьющимся сердцем она торопливо шла и чутко прислушивалась. Сальфо ждала погони за собой и готовилась спастись от нее стремительным бегством, но погони не было. Сзади — мертвая тишина.

Узкий проход постепенно расширился, и девушка снова вышла в широкую галерею. Движение воздуха здесь было сильнее. Ход круто шел книзу и моментами Сальфо казалось, что она не устоит и покатится вниз.

Часто девушка встречала на пути препятствия и спотыкалась о них. Она давно уже испытывала усталость, но не обращала на нее внимания. В одном месте она услышала журчание струйки воды и, добравшись до нее, начала жадно пить. Вода была пресной и холодной. Захваченный хлеб и кратковременный отдых немного восстановили силы девушки, и она снова приготовилась двинуться дальше, но неожиданно ее уши уловили какие-то необычные звуки.

Где-то впереди как будто было что-то живое.

Уши Сальфо привыкли к журчанию воды, к шороху осыпающейся земли и не обращали на эти звуки никакого внимания. Но теперь она улавливала смутные шорохи, производимые какой-то другой силой. Как будто кто-то намеренно приводил в движение камни, сталкивая их с места. Они скатывались и производили шум. Моментами шум смолкал, а через некоторое время возобновлялся вновь.

Сердце Сальфо тревожно забилося. Несомненно, впереди было что-то живое. Девушка замерла на месте и стала напряженно прислушиваться. Это живое медленно двигалось вперед, и по тому шуму, который производило оно, можно вывести заключение о чрезмерных размерах и чрезвычайной силе его. Но передвигалось это существо очень медленно.

Томимая страхом и любопытством, Сальфо двинулась вперед, навстречу этому странному существу. Она шла так тихо и осторожно, что не слышала собственных шагов. Через некоторое время она стала улавливать тяжелое дыхание и болезненные стоны. Повидимому, двигавшееся ей навстречу существо сильно страдало.

Сальфо встретила на пути препятствие, образовавшееся из обвалившихся сверху камней и земли, и легла на нем. Чуткие уши ее улавливали каждый малейший звук. Тот, кто поднимался из черной бездны, часто и подолгу останавливался. И в эти моменты, кроме глухого шума земли и воды ничего не было слышно. Можно подумать, что неизвестное существо или отдыхало, или спало. Через значительный промежуток времени оно снова начинало двигаться. Сперва Сальфо уловила глухое бормотание, потом шорох камней, стоны, снова бормотание и опять шорох сталкиваемых с места камней. Повидимому, это странное существо совершенно слепо. Оно ничего не видит и бессмысленно толкается во все стороны. Страх Сальфо прошел. Такое существо ей не очень опасно. Она всегда сумеет ускользнуть от него.

Девушка перебралась через обвалившуюся землю и камни и бесшумно пошла вперед. И когда стихало в темноте неизвестное существо, останавливалась и Сальфо. Через некоторое время она уже стала улавливать учащенное дыхание непонятного существа и руководствовалась при движении этими звуками. По дыханию Сальфо поняла, что это существо выбилось из сил, и борьба с ним, если только без этого нельзя будет обойтись, не представит большой трудности.

Девушка была уверена в своих силах и в своем превосходстве и шла по круто спускающемуся вниз проходу, как гибкая дикая кошка. Она рассчитывала неслышно пройти около слепого и беспомощного существа и остаться незамеченной им. Сосредоточившаяся на этих мыслях и следившая за долетавшими до нее звуками, она уже не с прежним вниманием изучала путь перед собой, и когда мягкая почва под ее ногами вдруг поползла вниз, она вскрикнула от страха и неожиданности.

Крик Сальфо звонко разнесся по подземелью, а сама она, скатившись вместе с землей на несколько шагов, затаила дыхание и была неподвижна, как упавший камень. Она ждала, что ее неосторожный крик привлечет к ней внимание возившегося в темноте существа, — и не ошиблась.

Ее крик был услышан. Кто-то поднялся в темноте, потревожил камни и землю и спросил с тревогой:

— Кто там?

Сальфо молчала. Она слышала вопрос, слышала хриплый, измученный голос, поняла, что впереди не страшное чудовище, а самый обыкновенный человек, и все-таки молчала. Она не знала этого человека и не представляла себе, как он отнесется к ней, и предпочитала выждать.

А из темноты снова донесся вопрос:

— Кто это крикнул?.. Почему ты ничего не отвечаешь?

Слова закончились мучительным стоном.

От звука хриплого голоса Сальфо приподнялась с земли и стала чутко прислушиваться. Сердце ее усиленно забилось. Ей показалось, что голос принадлежит тому странному и непонятному человеку... Неужели это он?..

Сальфо не дышала и ждала. Но из темноты доносилось только глухое, раздраженное бормотанье.

Девушка не выдержала и крикнула в темноту:

— Это — я, Сальфо!

И как эхо, на крик ее послышался радостный отклик:

— Сальфо!... Ты?.. Помоги мне!..

Все сомнения исчезли из души Сальфо. Она обрадованно метнулась в темноту, скользила, спотыкалась и ни на что не обращала внимания. Она нашла лежащего Бушуева и склонилась к нему.

— Я знала, что найду тебя живым. Мельк-Тауз за тебя... Он помог тебе и мне. Мы вернемся наверх, и все будет хорошо...

И девушка смеялась тихим, счастливым смехом.

— Сальфо, у меня сломана рука... Я болен, Сальфо... У меня нет сил подниматься дальше в этой непроглядной темноте.

Охваченная радостью Сальфо не обращала внимания на слова Бушуева. Она вытащила из-за пазухи несколько кусков кукурузного хлеба, захваченную в пещере соль и усиленно потчевала Бушуева.

— Ешь, соберись с силами и пойдем. Я буду помогать тебе!

От каждого небольшого движения Бушуев стонал, но голод заставил забыть о боли и жадно накинуться на хлеб. Сальфо принесла в пригоршне воды, и Бушуев торопливо пил ее и просил еще.

ХII

Нежданное появление девушки и принятая пища подкрепили обессилевшего Бушуева и ободрили его. Он стал реже стонать, и когда Сальфо начала торопить его скорее выбраться из темноты подземелья к солнечному свету, Бушуев не стал возражать и осторожно поднялся. По этой осторожности Сальфо поняла, как сильно страдает Бушуев. Всякое сотрясение вызывало у него болезненные стоны. Девушка шла впереди и ободряла Бушуева, а он держался за нее одной рукой и удивлялся той свободе и уверенности, с которой она двигалась вперед. Ему казалось, что Сальфо видит в темноте и замечает все препятствия. И она представлялась ему какой-то необычной, сверхъестественной. Если бы не боль, то Бушуев заговорил бы с ней и стал бы выяснять, как и каким образом так легко находит она направление в этих темных подземных ходах. Уж не выросла ли она в этом подземном царстве?

Но сейчас Бушуеву было не до разговоров. В руку ему как будто вонзили острый нож и все время поворачивали его. Бушуев корчился от боли. Часто его затемненное сознание теряло грань между действительностью и безумным бредом, во власти которого он находился на дне пропасти. Мучительный холод привел его там в сознание. Слабые утренние лучи позволили разглядеть рассыпанный кругом золотой песок и тяжелые самородки, и от жадной радости он впал в невменяемое состояние. А когда земля дрогнула и зашаталась, и пропасть наполнилась оглушающим ревом и грохотом, Бушуев вскочил и заметался по усыпанному золотом пространству, ища спасения. Сверху сыпалась земля, скатывались чудовищные камни. Спасаясь от них, Бу-

шуев залез под выступ гранитной скалы и здесь заметил полузасыпанный землей проход. Он проник в него и свалился от изнеможения и боли, а через некоторое время, когда землетрясение стихло, Бушуев осторожно двинулся вперед.

Путь был мучительно тяжел и он не столько шел, сколько отдыхал от изнуряющей его боли. И все-таки он упорно подвигался вперед, пока не почувствовал полного бессилья. Он собирал всю волю и заставлял себя идти, но через несколько шагов от слабости и боли беспомощно опускался на землю и лежал, поджидая, пока не смолкнет боль и не соберутся силы. Но все продолжительнее становились отдыхи и все труднее было накопить силы для дальнейшего движения. Бушуев почувствовал под конец, что ему не выбраться из этого бесконечного подземелья. Здесь, повидимому, он должен погибнуть.

Были моменты, когда Бушуев готов был отказаться от всякой борьбы и покорно встретить смерть. Но смерть не торопилась избавить его от мучений. И он снова напрягал свои силы, двигался вперед и в непроглядной темноте искал какого-нибудь намека на дневной свет, указывающий на выход из подземелья. И не было этого света. Кругом была непроглядная тьма. В тот момент, когда Бушуев потерял последнюю надежду и находился во власти полного отчаяния, из темноты долетел до него крик. Это звук обрадовал и испугал его. А когда перед ним оказалась Сальфо, то он готов был плакать от радости.

Сальфо слышала, как на каждое сотрясение Бушуев отзывался мучительным стоном, и напрягала всю свою чувствительность, чтобы уловить каждое препятствие. Пред неровностями она замедляла шаг и предупреждала своего спутника.

— Скоро ли мы выйдем на свет?.. — спрашивал с нетерпением Бушуев.

— Скоро, скоро!.. — отвечала Сальфо и с замиранием сердца вспоминала встреченный ею странный свет и застывшее около него страшное чудовище. Как-то теперь удастся ей пройти это место. По незримым признакам почувство-

вала, что они должны будут скоро свернуть в узкий проход и направиться к таинственному свету. Когда Бушуев оставался для отдыха, то она всячески старалась задержать его и придумать что-нибудь для того, чтобы избежать опасной встречи. Старалась — и ничего не могла изобрести. Искать нового обходного направления было рискованно. Старый путь был удобен для Бушуева и известен ей. Волевым решением Сальфо свернула в невидимый в темноте проход и медленно двинулась по нему.

Когда Бушуев заметил впереди смутное пятно света, то он воскликнул обрадованно:

— Сальфо, ты видишь свет?

— Да, я вижу его, — с неохотой и тихо ответила Сальфо.

— Там выход?.. — спросил Бушуев.

— Там выхода нет!.. — проговорила Сальфо и остановилась в нерешительности.

— Но откуда же этот свет?.. — выпрашивал Бушуев.

— Не знаю... Я не видела там никого, кто мог бы зажечь этот свет, но там есть что-то страшное. Оно тянется к свету и хочет погасить его. Я еле прошла мимо него!

Голос Сальфо дрогнул от внутреннего волнения и смолк. Бушуев ничего не понимал. Не понимал он и страха Сальфо. Темнота тяготила его. Он рвался к свету и, не обращая внимания на предостережения женщины, смело двинулся вперед. Когда он вышел из узкого прохода, то с недоумением огляделся. Он не увидел ничего страшного и быстро направился к источнику света. Мраморный дракон не испугал его. Все внимание Бушуева сосредоточилось на странном фонаре, вделанном в стену и замкнутом в круг.

— Что это?.. — в недоумении спросил себя Бушуев.

Пред ним был как будто кусок тщательно обделанного и отшлифованного льда, а внутри этого прозрачного куска лежало какое-то вещество, источающее из себя холодный свет.

Бушуев стоял, как зачарованный. Он забыл на минуту о мучительной боли.

— Уйдем отсюда скорее, — тихо прошептала прятавшаяся за Бушуевым Сальфо.

Бушуев оглянулся, и приведенное в движение тело снова наполнило его сознанием мучительной боли.

— Нет, мы подождем уходить отсюда! — подавив готовый вырваться стон пробормотал Бушуев и с чрезвычайной осторожностью опустился на землю.

Сальфо отодвигалась от изваянного из мрамора дракона и глядела на него с нескрываемым страхом.

— Кто это?.. — шопотом спросила она.

— Камень, обделанный рукой человека, — равнодушно ответил Бушуев, охваченный болезненными ощущениями.

Сальфо взглянула недоверчиво на дракона, перевела взгляд на Бушуева и сразу забыла о всех страхах. Пред ней была тень того человека, с которым она встречалась на поверхности земли. Бледная кожа обтягивала выступившие кости, ввалившиеся глаза обжигали блеском лихорадочного возбуждения. Вместо одежды на Бушуеве висели лохмотья, из которых вылезла неподвижная и опухшая рука. И только теперь Сальфо поняла, какие страдания перенес и переносит Бушуев и сосредоточила все внимание на нем. Она хотела помочь ему и не могла. Здесь, под землей, она не могла найти ничего, чем можно было бы облегчить страдания этого человека, который с перекошенным от боли лицом лежал неподвижно на полу и не отрывал глаз от каменного чудовища.

Когда Бушуев стоял пред загадочным фонарем, он окинул дракона поверхностным взглядом и ничего не заметил. Но когда он лег на землю, то глаза его невольно остановились на некоторых особенностях. Под шеей дракона был странный выступ, напоминавший толстую дверную ручку, а основание, которым опирался дракон о каменный пол, было сделано в виде полукруга и входило в такое же отверстие в полу. Бушуев не двигался, и только одни глаза его, блестящие и напряженные, внимательно изучали дракона и контуры стены. Что все это могло означать? В пустом помещении дракон поставлен не без цели.

Как только немного стихла боль, Бушуев предложил Сальфо взять дракона за выступ на шее и опрокинуть его на спину. Сальфо не поняла Бушуева и с недоумением смот-

рела на него. Эта непонятливость вызвала у Бушуева вспышку раздражения.

— Ну, чего же ты стоишь?.. — крикнул он: — Делай то, что тебе говорят...

Встревоженная его раздражением, Сальфо покорно положила руку на горло дракона и попыталась поднять его.

— Не так, не так!.. — нервничал Бушуев. — Возьми его за тот выступ, который у него под шеей, упрись ногой в стену!..

Сальфо собрала всю силу, напряглась. Неподвижный и тяжелый дракон как будто ожил, медленно шевельнулся и стал тихо отодвигаться от стены, поднимаясь на дыбы, а потом начал опускаться на пол и лег на спину с беспомощно поднятыми вверх неподвижными лапами.

Увлеченная странной борьбой с каменным и безвредным чудовищем, Сальфо совершенно не видела того, что творилось за ней. В стене постепенно образовывалось четырехугольное отверстие. Огромная цельная плита с вделанным в нее фонарем тихо опускалась. Нижняя часть ее как будто оставалась на месте, зато верхняя неуклонно опускалась внутрь и под конец легла на поверхность пола скрывавшейся за ней комнаты. Бушуев поднялся и заглянул внутрь нового помещения. Оно было невелико. Прямо против входа на подставке из черного мрамора лежало какое-то подобие головного убора чрезвычайных размеров. Убор был украшен кистями. За подобием шапки на такой же подставке стоял золотой павлин художественной работы. Хвост, отделанный драгоценными камнями, излучал разноцветные огоньки.

Бушуев вошел в комнату. В одном углу он увидел висевшие цветные одеяния. Остальные стены были пусты.

— Сальфо!.. Что это такое?.. — с недоумением спросил он.

Ответа он не получил. Удивленный Бушуев выглянул в отверстие и увидел распростертую пред входом Сальфо.

— Что с тобой?.. — задал вопрос встревоженный Бушуев.

— Тише!.. — прошептала Сальфо: — Ты открыл обитель великого и грозного Мельк-Тауза.

— Ах, вот в чем дело!.. — рассмеялся он и сел на поваленного на спину дракона.

— Знаешь что, Сальфо, — проговорил после некоторого раздумья Бушуев: — Если бы великий Мельк-Тауз не захотел, то я не открыл бы двери его обители. Он хотел этого, и я исполнил волю его. Встань и не бойся! Войди в эту обитель, сними одну из висящих там одежд и сделай мне перевязку.

Сальфо послушно поднялась.

— Значит, ты сделал то, что хотел Мельк-Тауз?.. — спросила она с благоговейным трепетом.

— Я исполнил его волю, — равнодушно ответил Бушуев. — Иди и делай, что тебе говорят!

Сальфо робко вошла в комнату, поцеловала плетеные из шерсти кисти чудовищного головного убора и сняла одно из висевших в углу одеяний. Это был огромный кусок шелковой материи с круглым вырезом по середине.

Боль затемняла сознание Бушуева. Он действовал и говорил механически. Он вскрыл тайник машинально, подчиняясь исчезающему никогда желанию познать все таинственное и неизвестное, а когда вскрыл, то сосредоточил свое внимание только на том, что могло бы облегчить его страдания. Сияющий огнями драгоценных камней Мельк-Тауз не воспламенил его, а огромная плетеная из волоса шапка, более похожая на колокол, не вызвала у него никакого внимания. И только то преклонение, с которым Сальфо приложилась к этой вещи, заставила Бушуева спросить:

— Что это такое?

Сальфо была изумлена вопросом Бушуева:

— Неужели благоволящий к тебе Мельк-Тауз не открыл название этой вещи?.. — сказал Бушуеву ее робкий взгляд.

— Я не знаю, что это, — снова проговорил Бушуев.

— Это — тюрбан Мельк-Тауза!.. — тихо произнесла Сальфо.

Бушуев снова сосредоточился на своем намерении. Ему надо было сделать перевязку. Он посмотрел на опухшую руку и поморщился от предчувствия тех болевых ощущений, которые придется ему пережить. Но эти ощущения не-

избежны. С бледным, перекошенным лицом, с покрытым крупными каплями пота лбом он сидел и исследовал свою неподвижную руку. Повреждение — вывих или перелом, он не знал — произошло около плечевого сустава. От сильной боли у Бушуева кружилась голова и он еле владел собой. Он не обратил внимания на Сальфо, которая стояла рядом и внимательно рассматривала его распухшую неподвижную руку. Девушка быстрым движением вдруг схватила больную руку, встряхнула и дернула к себе. Бушуев мучительно вскрикнул от невыносимой боли и свалился с сидения. Сальфо поддержала падавшее тело Бушуева, бережно опустила на землю и осторожно стала растирать опухоль. Он лежал бледный, мокрый от пота и тяжело дышал. Сальфо продолжала свою работу и недоумевала:

Этот странный и близкий Мельк-Таузу человек страдает так же, как и все остальные. Неужели Мельк-Тауз не мог избавить его от мук?

ХІІІ

Руки Сальфо уже устали производить осторожные движения, а Бушуев все еще не приходил в сознание. Дыхание его стало ровнее, пот исчез, исчезло и выражение боли с бледного лица. Вглядываясь в лицо неподвижного Бушуева, Сальфо сообразила, что он спит — спит глубоким сном. И только в эту минуту Сальфо почувствовала слабость в истомленном теле. Она легла рядом с Бушуевым и сразу уснула.

Как разинутая четырехугольная пасть, зиял ход в открытый тайник. Лежал на полу таинственный фонарь и мертвым, спокойным светом обливал гордого павлина и черную огромную чалму. А перед входом, как бы повергнутые Мельк-Таузом, валялись на полу опрокинутый на спину дракон и два человека около него. Сон этих двух людей был бесконечно долгим.

Бушуев и Сальфо проснулись одновременно.

Бушуев сделал небольшое движение, и это движение сразу разбудило Сальфо. Она быстро поднялась и взглянула на своего спутника. Тот лежал с широко раскрытыми глазами и как будто собирал растерянные мысли.

— Что со мной было?.. — с недоумением спросил Бушуев.

— Я поправила тебе руку, а ты закричал от боли и потом уснул,—ответила Сальфо.

Бушуев вспомнил страшную боль и поморщился. Такой боли он никогда не испытывал в жизни. Но эта мучительная боль была в прошлом. Сейчас Бушуев ощущал тяжелую руку, но острой боли в ней не было. Бушуев тихо шевельнул пальцами. Пальцы снова были в подчинении у него. Он согнул руку. Медленно и с тупым раздражением мышцы выполняли его волю. А владелец их с восторженным изумлением следил за движением конечностей.

— Хорошо, очень хорошо!.. — высказал Бушуев свое одобрение. — Ты, Сальфо, молодец!..

Сальфо ликовала.

— Тебе надо подвязать руку к шее. Через несколько дней ты будешь владеть ею попрежнему! — заявила она, наблюдая за действиями своего пациента.

Бушуев взглянул на валявшуюся на полу ткань и велел Сальфо оторвать от нее широкий лоскут.

Сальфо испуганно взглянула на Бушуева.

— Но ведь это — одежда Мельк-Тауза?

— Эти одежды он отдал нам. Теперь мы будем носить их, — улыбнулся Бушуев.

Сальфо верила всему, что говорил ей Бушуев. Она послушно выполнила его распоряжение, и через несколько минут вправленная рука покоилась в удобной повязке.

Бушуев был доволен. Боль не мучила его. Здоровой рукой он погладил Сальфо по голове и проговорил:

— С таким помощником, как ты, не пропадешь!.. Теперь нам надо бы немного подкрепиться, и можно двигаться дальше.

Сальфо быстро опустила руку за пазуху и извлекла оттуда остатки кукурузного хлеба. Хлеб от долгого пребывания в таком помещении сплюснулся, раскрошился, но

все-таки это был хлеб. И Бушуев жадно накинулся на него.

После завтрака он почувствовал себя еще лучше. Он снова вошел в открытую потайную комнату и внимательно стал осматривать ее. Повидимому, это было какое-то священное место, алтарь, доступный только священнослужителям. Здесь хранилось изображение божества иезидов и священные для них предметы.

Бушуев осмотрел камни, украшавшие золотого павлина. Их было много, но обработаны они были убого. Неопытные руки не могли придать им надлежащей формы. Огромный тюрбан поражал тонкостью работы. На создание его было потрачено много времени. Ниспадавшие кисти были массивны и тяжелы. Бушуев внимательно осмотрел и висевшие в углу платья. Они были самого примитивного покроя и походили на древне-греческие одеяния.

Бушуев просунул голову в круглое отверстие посередине, и ткань закрыла его тело до самой земли.

— Должно быть, — подумал он, — в это платье облакались шейхи во время богослужений.

Сальфо внимательно наблюдала за его движениями.

— Вот эту одежду мы заберем с собой, — сказал ей Бушуев, указывая на висевшее одеяние.

Девушка покорно стала снимать с деревянных гвоздей разноцветные ткани и свертывать их в узел.

Бушуев стоял перед золотым павлином и думал о том, что хорошо было бы и его унести с собой. Но этот груз оказался бы чрезвычайно тяжелым, а помимо того — еще неизвестно, какой прием встретит Бушуев там, наверху. Старый шейх перехитрил его, и Бушуев жестоко заплатил за свою оплошность. Теперь он постарается обезопасить себя и предупредить возможность повторения таких безумных полетов.

Бушуев со вздохом отвернулся от гордого павлина и вышел из обители Мельк-Тауза.

Совместными усилиями они подняли лежавшего на спине дракона. Вместе с драконом поднялась и каменная плита и стала на свое место. И снова со стены засиял таинственный свет, а каменное чудовище с разинутой пастью тя-

нулось к нему, как будто собиралось поглотить.

— Ну, а теперь в путь!.. — сказал Бушуев и двинулся вперед.

— Куда ты?.. — с недоумением спросила Сальфо.

— Туда, наверх!.. — и Бушуев указал рукой вверх, на нависший каменный потолок.

— Так ты не туда идешь, — заявила Сальфо: — Надо идти сюда, а ты пошел назад, — туда, откуда мы пришли.

Бушуев в недоумении оглянулся вокруг. Дальние стены и углы пещеры тонули в полумраке и казались одинаковыми. В темноте не было видно ни входа, ни выхода.

— Откуда ты знаешь, что надо идти сюда?.. — спросил Бушуев: — Ты раньше часто бывала здесь?

— Нет! — ответила Сальфо: — Я здесь впервые.

— Почему же ты так уверенно говоришь, что надо идти сюда, а не в ту сторону?

Сальфо недоумевала.

— Но ведь надо идти туда!

— Почему?.. — стоял на своем Бушуев.

— Отсюда туда, наружу, идет ветер. Значит, надо идти за ним!

Бушуев попытался почувствовать движение воздуха и не мог.

— А ты чувствуешь, что воздух идет туда?.. — задал он вопрос.

— Чувствую!.. — уверенно ответила Сальфо.

— Ну, тогда веди меня, — с некоторым колебанием согласился Бушуев.

И снова Сальфо пошла впереди, а Бушуев следовал за ней. В узком проходе их охватила тьма, которая, казалось, была еще гуще и черней. Но Сальфо все так же уверенно шла впереди и предупреждала своего спутника о препятствиях.

— Как ты видишь их?.. — недоумевал Бушуев.

— Я их не вижу, а чувствую!.. — ответила Сальфо также с недоумением. Ей была непонятна такая ограниченность человека, к которому благоволил Мельк-Тауз. Мельк-Тауз открывал ему самое тайное и заветное — и ограничивал в

пустыках.

Темнота лишила Бушуева уверенности и наполнила его душу сомнениями. Он напрягал зрение, хотел хоть что-нибудь увидеть, и ничего не видел. Моментами он шел с закрытыми глазами и ему даже показалось, что так идти гораздо легче. А шедшая впереди Сальфо спокойно и уверенно увлекала его все дальше.

Иногда в уме Бушуева возникали тревожные сомнения: не заблудилась ли Сальфо и водит его бесцельно по темным лабиринтам? Страх сжимал его сердце...

— Вот здесь соль!.. Здесь много соли!.. — неожиданно прервала тягостное молчание Сальфо.

Бушуев раскрыл глаза, но ничего не увидел. Он уловил стук падающих капель и почувствовал свежесть воздуха. Сальфо подвела его к ящикам с солью и сказала:

— Смотри, сколько здесь соли!..

При всем желании Бушуев не мог увидеть соль. Он ощупал ящики, попробовал вкус соленой воды и стал торопить Сальфо идти дальше. А Сальфо с жадной поспешностью нагружала себя солью. Если бы не Бушуев, то она, возможно, надолго осталась бы около драгоценной для нее находки.

— Теперь недалеко до выхода, — сказала Сальфо, когда вывела Бушуева в главный ход.

Моментами путь круто поднимался вверх. Итти было тяжело, но находиться в беспросветной тьме было еще тяжелее. И Бушуев торопился вперед, не обращая внимания на то, что ждет его на поверхности земли. Когда он увидел впереди слабый проблеск света, он готов был бежать, чтобы скорее освободиться от плена тягостной темноты.

Тяжело нагруженная Сальфо шла медленнее и сдерживала Бушуева. Она рассказала ему о погоне за ней шейха Айо, о его намерении принести ее в жертву. Неудачная борьба Сальфо со старым шейхом охлаждающим образом подействовала на Бушуева. Эту борьбу придется продолжить ему. Но если Сальфо не встретила поддержки у своих пассивных и ленивых сородичей, то не найдет ее у них и Бушуев. Отсутствие магазинки делало Бушуева совершенно бессильным, а больная рука давала его врагу еще одно

преимущество.

Что делать в таком положении?.. Неужели придется уступить?

В глубокой задумчивости Бушуев шел за Сальфо.

Выход из-под земли был близок. Проникающий свет уже позволял видеть неровности каменных стен, встречающиеся преграды. Сальфо все больше и больше уменьшала шаг и подвигалась вперед с чрезвычайной осторожностью.

Неожиданно она остановилась. Задумавшийся Бушуев столкнулся с ней и в недоумении спросил:

— В чем дело?

— Тише!.. — прошептала Сальфо и указала пальцем вперед.

Бушуев взглянул в указанном направлении и увидел неподвижно сидевшего пред входом Айо. Свисшая на грудь голова не двигалась. Спит он или притворяется? Остро, не моргая, посмотрела Сальфо на шейха, потом кошачьей поступью двинулась вперед. Так же осторожно двинулся за ней и Бушуев. Но, повидимому, уже не те ноги у Бушуева, что раньше. Шуршат под ними камни, дробятся с шумом. Нервно поворачивается Сальфо и смотрит с возмущением на Бушуева. Показывает знаками, чтобы он стоял на месте и не двигался. Сальфо опустила свой узел на землю и снова неслышно двинулась вперед. Как тень скользит она вдоль серой стены и все ближе и ближе подходит к выходу. А старый Айо, лохматый и безобразный, сидит с опущенной на грудь косматой головой и не двигается.

— Что затеяла Сальфо? — подумал Бушуев. — Уж не хочет ли она убить старика? Но как и чем?

Вот Сальфо уже достигла выхода. Напряженно вытянуты ее стройные ноги, как будто касаются земли только пальцами. Вот она около самого старика, нагнулась к земле — и вдруг стремительно побежала кругом, не отрывая руки от земли.

Бушуев думал, что Сальфо нагнулась за камнем, но нет — Сальфо проделывает что-то другое, непонятное. В тревоге следил он за действиями девушки. Вот она обежала кругом Айо, и из горла ее вырвался пронзительный, торжест-

вующий крик. Как от сильного удара вскочил старик, метнулся к Сальфо, в испуге взглянул на землю, а потом побежал по той же окружности, по которой так недавно обежала Сальфо.

Бушуев растерянно наблюдал за всем происходящим у входа и ничего не мог понять. Сальфо не причинила вреда злому старику, а, между тем, победно ликует. Айо видит перед собой невооруженную женщину, но что-то наполнило его темное сознание сильным испугом.

Радостная бежит назад Сальфо.

— Что такое?.. — спросил нетерпеливо Бушуев: — Что ты сделала ему?

— Я замкнула его в круг. Он умрет в этом кругу. Я не разорву никогда проведенного мной круга!.. — ответила ликующая Сальфо.

Только теперь понял Бушуев смысл движения Сальфо. Она обежала Айо и начертила на земле круг. Священен для иезидов круг. Круг спустился с неба на пророка Адэ. Круглое отверстие делает каждый иезид в одежде. Круг — непреодолимое препятствие для иезидов. Ни один иезид не переступит через него до тех пор, пока тот, кто провел круг, не разорвет его. Шейх Айо в кругу. Чорт возьми, иногда суеверия бывают очень полезны!

Бушуев вышел из подземелья. Глаза его сжались от дневного света, а грудь жадно вдохнула сухой и теплый воздух. Замкнутый в круг Айо визжал и бесновался. Он бегал вдоль начерченной по земле линии, падал, корчился, грозил и проклинал.

Торжествующая Сальфо с удовлетворением наблюдала за беснующимся стариком.

Бушуев заметил валяющуюся в кругу магазинку и потянулся за ней, но Сальфо быстро остановила его.

— Нельзя!.. — решительно проговорила она.

— Но ружье останется у него, он может убить нас, — возразил Бушуев.

— Нет, он ничего не сделает, — уверенно сказала Сальфо и не допустила взять магазинку.

Это не понравилось Бушуеву. Оружие давало огромное преимущество врагу, и этого преимущества нельзя было лишить его. Неразумно!

— Выпусти меня, Сальфо!.. — взмолился неожиданно присмиривший Айо: — Выпусти, и я забуду все. Мы будем друзьями.

— Не выпущу!.. — зло крикнула Сальфо: — Ты умрешь в этом кругу. В нем сгниют твои кости, а круга я не разомкну.

Шейх Айо опустил на землю. Под седыми бровями суетливо двигались два встревоженных глаза.

— Пойдем!..—проговорила Сальфо и потянула Бушуева за собой.

— Где ты будешь жить?.. — неожиданно спросила она, когда они обогнули высеченное из камня здание.

Бушуев не думал об этом. Там, под землей, он был занят своей болью и поглощен единственным желанием скорее выбраться наружу. Когда же он достиг поверхности, то его захватила борьба с Айо, и мысль его сосредоточилась на том, как окончательно избавиться от постоянной угрозы. Бушуев подумал о грязных и неприглядных шалашах и заявил, что он поместится в каменном сооружении.

Сальфо не возражала. Они вошли в помещение шейха Айо. Кругом павлина были разложены все вещи Бушуева. Старый шейх не знал назначения этих вещей и, должно быть, принес их в жертву пострадавшему павлину. Здесь стояли две бутылки с коньяком, записная книжка Бушуева, патроны и всевозможная рухлядь, наполнявшая его сумку. Да и сама сумка вместе с котелком украшали подсвечник.

Бушуев обрадовался целости своих вещей. Он попросил Сальфо вытащить пробку из початой бутылки и сделал несколько глотков. Вид прозрачной бутылки и колеблющаяся жидкость в ней произвели большое впечатление на Сальфо, и она засыпала Бушуева вопросами.

— Попробуй, узнаешь!.. — ответил Бушуев.

Сальфо с любопытством лизнула бутылку, а потом сделала неловкий глоток из горлышка и недовольно сморщилась.

— Это — нехорошая вода, — проговорила она. — Зачем ты пьешь ее?

— Это — лекарство,—пояснил Бушуев, но Сальфо не поняла. Она поставила бутылку на место и отправилась к шалашам за пищей. Сальфо казалось, что все сложилось и вышло необычайно удачно. Злой шейх теперь обезврежен, а для своих сородичей она имеет за пазухой соль, ту самую соль, о которой они хранили только воспоминание. Эта соль еще больше расположит к ней обитателей шалашей. А самое главное для Сальфо было то, что она нашла человека, около которого она чувствовала себя хорошо.

XIV

Появление Сальфо произвело большое впечатление. К ней вышли навстречу, ее рассматривали с любопытством, но без всякой враждебности. А когда Сальфо вынула из-за пазухи соль и стала раздавать ее всем, толпу охватил восторг. И старые, и молодые тянулись за солью и, получив ее, немедленно клали в рот, закрывая глаза от огромного удовольствия.

— Шейх Айо кинул пришедшего к нам человека в пропасть, но старый Айо не угодил Мельк-Таузу, а только разгневал его, — рассказывала Сальфо. — От гнева Мельк-Тауз стал сотрясать землю и требовал в жертву шейха Айо. Но вы не исполнили волю Мельк-Тауза. Мельк-Тауз вернул брошенного в пропасть человека невредимым. Этому человеку он открыл обитель свою, около которой горит вечный, неугасимый холодный огонь. Мы видели там блестящее изображение Мельк-Тауза в разноцветных живых искрах. Мы видели тюрбан Мельк-Тауза. Мельк-Тауз отдал этому человеку одежды свои, и он принес их сюда.

Все с большим вниманием слушали речь Сальфо. Она рассказывала о небывалом, о сверхъестественном. Когда Сальфо запаслась хлебом и мясом и стала возвращаться обратно, за ней пошли почти все обитатели шалашей. Они

с любопытством и почтением смотрели на Бушуева.

Сальфо вынесла им на показ принесенные одежды, и они благоговейно стали прикасаться к ним.

Бушуев видел, что Сальфо, овладев вниманием окружающих ее людей, добилаась их расположения. Дикари отвернулись от шейха Айо и равнодушно поглядывали на замкнутого в круг старика. Они были на стороне Сальфо и Бушуева. Бушуев не останавливал разговорившуюся Сальфо. Она жарила на огне мясо и в порыве возбуждения делала такие выводы, которые приводили Бушуева в изумление.

— Теперь шейхом будет он!.. — Сальфо указала пальцем на Бушуева: — Мельк-Тауз благоволит к нему, и всем нам будет хорошо. У всех будет соль, все будут довольны.

Никогда не думал Бушуев, что ему придется быть шейхом. Неужели и он будет также кривляться перед этими дикими и наивными людьми, как делал это шейх Айо?.. Нет, это не улыбалось ему. Но попасть в шейхи в данных условиях, пожалуй, не вредно. Тогда можно будет узнать все сокровенное, что есть в религии и жизни этих людей.

Бушуев молчал и обдумывал создавшееся положение. Он решил выждать и посмотреть, что даст ему дальнейшее.

Приготовленная Сальфо пища показалась ему необычайно вкусной, и он долго и много ел, возмещая организм за ту потерю энергии, которая была понесена во время пребывания под землей. От большого количества принятой пищи и переполнения желудка Бушуева охватило блаженное состояние. Тяжело было думать, глаза слипались. Хотелось опуститься на что-нибудь мягкое и надолго уснуть. Но не было ничего подходящего около.

— Сальфо!.. — обратился Бушуев к своей спутнице: — Надо бы нарвать сухой травы и листьев.

В этот момент Бушуев сразу увидел все преимущество своего привилегированного положения, в которое поставила его Сальфо. Она не побежала сама исполнять желание Бушуева, а обратилась к толпе наблюдающих за Бушуевым людьми и приказала.

— Шейху нужна сухая трава и листья. Принесите их ему!

Бушуеву показалось, что обитатели шалашей отправились исполнять распоряжение Сальфо с необычной для них торопливостью. Охапками сносились в помещение трава и листья, и через некоторое время он лежал на мягком ложе и уже не мог раскрыть слипшихся век. Он хотел было сказать Сальфо, чтобы она установила надзор за шейхом Айо, и не мог. Язык не повиновался ему.

— Шейх будет спать!.. — сообщила Сальфо стоящим у входа людям, и они тотчас же ушли. Около спящего Бушуева устроилась Сальфо и также быстро уснула.

Не до сна было только старому Айо. Он никак не мог осмыслить и примириться со своим положением. Все вышло так неожиданно и быстро. Айо пришел ко входу, чтобы подстеречь Сальфо. Он сомневался в ее гибели и думал, что голод выгонит ее наружу. Сидя на камне, Айо часами терпеливо поджидал Сальфо, и в этот день он пришел ко входу в подземелье с таким же намерением. По земле и следам Айо увидел, что Сальфо не выходила наружу. Солнце пригрело сидевшего старика и он незаметно задремал. Торжествующий крик Сальфо разбудил Айо. Он увидел замкнувшийся круг, переступить через который никто не имел права, и растерялся от страха. В ужасе метался Айо по кругу, — выхода не было. Разомкнуть круг могла только Сальфо, но Айо хотел и добивался гибели ее, и она ни за что не согласится освободить его.

Но Сальфо не одна оказалась пред старым шейхом. Изпод земли вышел и тот странный человек, который был принесен в жертву Мельк-Таузу. Это — первая жертва, вернувшаяся назад. Нет, что-то случилось необыкновенное, чего никак не мог постигнуть старческий ум.

Прошел приступ растерянности и недоумения. Айо лежал на спине и тупо соображал. Выхода из тяжелого положения нет и, кажется, не будет. Смерть окружила его и цепко держит.

Ушли люди, равнодушно смотревшие на Айо. Стало тихо и неподвижно кругом. Как огромная лапа протянулась над Айо толстая ветка орехового дерева. Ветка качается из стороны в сторону и как будто охраняет Айо.

Угас день и ночь пришла, а Айо все так же лежал и ничего не мог решить и придумать. Жутко одному в темноте. Встал Айо, но боится шагнуть. Где-то тут, около него, незримый круг. Он стеснил, ограничил и давит со всех сторон. В мучительной тоске поднял вверх руки Айо и неожиданно ухватился ими за листья. Потянул их к себе, уцепился за гибкие ветки, за упругий ствол. Как утопающий, в беспомощности вскарабкался Айо подальше от страшного круга, добрался до ствола, осторожно спустился по нему с другой стороны дерева и исчез в темноте.

В тяжелом молчании прошла ночь. Ее сменило утро. Солнце поднялось над землей и глянуло на все внимательно и зорко. Под ореховым деревом в кругу валялась магазинка Бушуева, покрытая росой, но старого лохматого Айо ни в кругу, ни около круга уже не было. Вставшая первой Сальфо прибежала взглянуть на своего врага и позлорадствовать над ним и замерла в испуге и недоумении: круг был пуст. Кто освободил Айо?

Сальфо обошла проведенную ею линию, но она была цела и не тронута. В тревоге вернулась Сальфо обратно в каменное здание и привела с собой разбуженного Бушуева.

— Эх, разве можно было этого человека оставлять в таком ненадежном заключении!.. — бормотал раздосадованный Бушуев, но когда он увидел оставленную Айо магазинку, то немного успокоился.

— Из круга он не мог выйти!.. — утверждала Сальфо.

— Не мог — и все-таки его нет, — с иронией отозвался Бушуев.

— Что-то случилось, — стояла на своем Сальфо.

— Ничего не случилось, а просто он перешагнул через линию и исчез, — уверял Бушуев.

Но Сальфо не соглашалась с этим.

— Не может быть этого. Из круга никто не может выйти.

— Ерунда!.. — с досадой пробормотал Бушуев, перешагнул через начерченную на земле линию и поднял ружье. Нагибаясь, Бушуев обратил внимание на свежесорванные ореховые листья и взглянул вверх. Он оставил лежать ма-

газинку на прежнем месте и протянул руку к ветке. Поломанные сучки и помятые листья объяснили ему все.

— Вот он, оказывается, как выбрался из твоего круга!.. — воскликнул Бушуев. — У него не хватило смелости перешагнуть через проведенную тобой черту и он перелез через нее по дереву.

Сальфо сконфуженно слушала объяснение Бушуева.

С поднятой магазинкой они вернулись обратно в помещение и стали обдумывать осложнившееся положение. Враг их на свободе, но он уже не представляет прежней опасности. Айо теперь одинок, и едва ли кто-нибудь согласится оказать ему помощь.

И все-таки Бушуев решил попробовать разыскать Айо и покончить с ним по-своему. Бушуев долго и старательно чистил магазинку, а потом перезарядил ее и двинулся на поиски исчезнувшего Айо. Он стал внимательно изучать все следы около дерева. Здесь Сальфо проявила больше способности и наблюдательности, чем Бушуев. По каким-то неуловимым для него признакам она быстро нашла след и двинулась по пути бегства старого шейха. Бушуев с недоумением наблюдал те зигзаги, которые проделывала Сальфо, идя по следам Айо. Повидимому, старый шейх метался из стороны в сторону и не знал, куда ему направиться. Одна мысль сменяла у него другую, а вместе с мыслями менялись и направления.

Бушуев и Сальфо дошли до развалин древнего города. Здесь, должно быть, хотел укрыться старый шейх. Но почему-то раздумал и снова повернул обратно. Он добрался до шалашей, и тут следы его исчезли во множестве других следов.

Сальфо беспомощно остановилась.

— Где же он может быть?.. — спросил Бушуев.

— Не знаю!..—ответила Сальфо.

— Надо будет осмотреть шалашаи, — предложил Бушуев.

Они обошли все первобытные строения, опросили всех, но никто из обитателей шалашей не встречал и не видел старого шейха.

Бушуев вернулся в каменное здание раздраженный и недовольный собой. Во всем случившемся он винил только себя. Не так он поступил при встрече с Айо. Надо было бы израсходовать на него одну пулю, и все неприятности были бы кончены. А теперь, как ни ничтожен старый Айо, все-таки надо опасаться и ждать с его стороны какой-нибудь жестокой выходки.

Бушуев внимательно осмотрел вход в здание и окна и стал мастерить с помощью Сальфо дверь. Рука мешала ему работать, и он ограничился только указаниями, что и как надо сделать. Сальфо старательно и послушно выполняла все указания Бушуева. Заграждение получилось громоздкое, но прочное: разрушить его без шума едва ли кто мог.

Утомленный Бушуев с удовлетворением оглянулся кругом. В помещении стало темнее, но с этим можно было примириться. Взгляд Бушуева остановился на раскрасневшемся лице Сальфо. Ее внимательные глаза следили за пришельцем и как будто ловили каждое желание, чтобы немедленно исполнить его. До сих пор Бушуев не уделял Сальфо никакого внимания. Она была для него рабочей силой, и только. Но сейчас он заметил румянец на грязных щеках Сальфо, радостный блеск живых глаз, и неожиданно почувствовал, что Сальфо для него не только рабочая сила. Сальфо — единственное сейчас живое существо, близкое и преданное ему, перенесшее из-за него ряд жестоких испытаний.

Бушуев благодарно взглянул на Сальфо. И только сейчас в первый раз заметил в Сальфо женщину. Как будто под густой чадрой была она до этого, и вот спала чадра, и Бушуев увидел, как загорелое и грязное лицо Сальфо правильно по очертаниям. У нее большие ласковые глаза, необычные по линии разреза; небольшой и красивый рот. Пред Бушуевым была изваянная в далекой древности прелестная статуэтка. Время покрыло ее пылью и грязью, но то, что скрывалось под этой грязью, было безукоризненно.

Сердце Бушуева застучало сильнее, чем всегда, а сознание заполнил густой, липкий и теплый туман. Бушуев обнял Сальфо и поцеловал ее горячие трепетные губы. Бушуев

не сказал Сальфо ничего, но его взгляд и поцелуй объяснили ей все.

XV

Бушуев недоумевал.

Он затратил огромную энергию, перенес нечеловеческие испытания. И вот он достиг таинственного царства Мельк-Тауза, увидел людей, живущих в первобытности, совершенно неожиданно нашел огромные сокровища, но они лежат где-то около, как самые обыкновенные и бесценные камни, а, между тем, Бушуев доволен. Доволен, хотя изыскания его далеко не окончены. И это удовлетворение дала ему простая дикарка, гибкая и подвижная, с сияющим восторгом глазами.

Но так ли все это?.. Может быть, он забыл о своих намерениях не потому, что сердце его подчинилось чувству, а потому, что надорванный организм не имел той силы, которая нужна для преодоления тяжелых препятствий.

Бушуев не знал, что ответить на возникавшие у него вопросы. Ясно было только одно: твердая и непреклонная энергия, двигавшая им, ослабела и растворилась. Страсть захлестнула, смяла и разрушила все планы.

Был забыт и старый шейх Айо, как были забыты и самые цели, которые привели Бушуева сюда.

— Слушай, Сальфо, — задал вопрос Бушуев, глядя на ее разгоревшееся лицо: — ты знаешь, что такое любовь?

— Любовь?.. — переспросила с удивлением Сальфо: — Нет, я не знаю, что такое любовь.

— А как же ты назовешь свое чувство ко мне?.. — продолжал спрашивать Бушуев.

Но Сальфо не знала, как назвать это чувство. Она даже не могла уяснить себе, про какое чувство говорит Бушуев и что такое чувство. Сальфо воспринимала все ощущения, не разбираясь в них и не называя их. Необычность Бушуева вызвала в душе Сальфо необычное отношение к нему. И

Сальфо любила Бушуева не так, как любили мужчин все остальные женщины. Она сознавала превосходство Бушуева, преклонялась пред ним, и его ласку и любовь встречала как снисхождение, за которое не знала, чем заплатить.

Она зорко следила за всеми движениями Бушуева, старалась удовлетворить каждое желание его и подражала ему.

Когда Бушуев вздумал умыться, Сальфо с недоумением стала наблюдать за действиями Бушуева, а через некоторое время Бушуев увидел Сальфо, сидящую около ручья и старательно мывшую руки. Она лила воду на тело, терла его и внимательно следила за тем, что получается от этого. Бушуев стал приучать Сальфо к тем немногим культурным привычкам, которые уцелели у него. И Сальфо охотно воспринимала их. Она училась пользоваться вещами Бушуева, хотя назначения многих из них она совершенно не знала. Сальфо удивляли бутылки, она с недоумением рассматривала записную книжку Бушуева. А когда Бушуев взял ее и стал читать, то Сальфо села против Бушуева и с изумлением следила за ним.

Записная книжка напомнила Бушуеву о днях и числах, и он нахмурился. Он вдруг остро почувствовал, что потерял счет времени и живет вне всякого учета дней. Они проходят, как пустые страницы, не заполненные ничем и не пронумерованные.

Отчего это?.. — спрашивал себя Бушуев: — оттого ли, что обесценилась его жизнь, или, может быть, от того, что время в этих условиях не имеет никакого значения и цены? А все-таки, какой может быть теперь месяц, какое число? Спросить не у кого.

Бушуев взглянул на зелень деревьев, на траву. Листья деревьев были вполне развившимися, и среди них было много желтых. Трава, достигшая большой высоты, заметно увядала. Бушуев решил, что сейчас стоит конец июля или начало августа. Он снова сосредоточился на записной книжке и стал просматривать календарь. Те люди, среди которых вращался раньше Бушуев, вели строгий учет времени. Каждому дню они дали название, каждое снабдили числом. Взгляд Бушуева остановился на примечании в конце

страницы, сообщающем о предстоящем полном солнечном затмении.

— А ведь по этому затмению можно определить не только день, но и число — неожиданно сообразил Бушуев. — А если оно уже было?.. — мелькнула тревожная мысль.

— Сальфо, ты знаешь, что такое солнечное затмение?.. — спросил Бушуев, закрыв записную книжку.

На лице Сальфо отразился испуг и она тихо и тревожно ответила:

— Знаю!

— А ты не знаешь: было затмение солнца в то время, когда мы находились под землей?.. — снова спросил Бушуев.

— Не знаю!.. — нерешительно проговорила Сальфо: — Но я могу это узнать.

И Сальфо проворно выскользнула из помещения и побежала в сторону поселка. Через некоторое время она возвратилась, сопровождаемая толпой взволнованных людей.

— Зачем они явились?.. — с неудовольствием спросил Бушуев.

— Все они напуганы твоими словами... — робко проговорила Сальфо.

Бушуев не понял Сальфо.

— Какими словами?

— А вот теми, что солнце может погаснуть среди дня. Они говорят, что ничего подобного не было.

— Чего же они боятся?..

— Они боятся, как бы солнце не пропало совсем...

По бледному лицу Сальфо было видно, что этого боятся не только пришедшие с ней люди, но и она сама.

Бушуев вышел к собравшимся у входа обитателям шалашей. Лица у всех отражали душевную тревогу и искренний страх. И Бушуев решил использовать невежество этих людей, чтобы упрочить свое положение.

— Если солнечного затмения еще не было, то оно скоро будет, — важно сказал он. — Солнце исчезнет совсем, наступит ночь и будут видны звезды... Но вы не бойтесь, это скоро кончится, а потом снова появится солнце и наступит день.

— Что же нам делать, чтобы избежать этого несчастья?..
— спрашивали некоторые.

— Вам ничего не надо делать, все сделаю я сам, — и Бушуев жестом показал, что собравшиеся могут уйти.

Все ушли, понурые и подавленные. Была растеряна и Сальфо.

— Откуда ты знаешь, что солнце погаснет?.. — выпытывала она.

Бушуев показал ей записную книжку и проговорил:

— Об этом написано здесь.

Сальфо бережно взяла записную книжку и осторожно заглянула в нее.

Но она не увидела ничего. Записная книжка была для нее мертвым предметом. Сальфо с благоговейным трепетом положила ее поближе к изувеченному Мельк-Таузу.

Бушуева не удивляли волнение и трепет, охватившие диких людей при одном известии о предстоящем затмении. Первобытный ум не знал тех причин, которые вызывают затмения. Дикарь видел в солнце источник жизни и боялся за него, а вместе с тем и за свое существование.

Среди своих вещей Бушуев нашел кусочек зеркала, превратил его в простое стекло, закоптил и стал наблюдать за солнцем.

— Что ты хочешь увидеть?.. — спросила следившая за Бушуевым Сальфо.

— Я хочу увидеть начало затмения... — объяснил свои действия Бушуев.

— А Мельк-Тауза там не видишь?..

— Мельк-Тауза там нет.

Сальфо была удивлена ответом Бушуева.

— Как же может быть затмение без Мельк-Тауза?

— А разве Мельк-Тауз обязан присутствовать при затмении? — спросил с улыбкой Бушуев.

Широко раскрытыми глазами смотрела Сальфо на Бушуева. Снова в их мировоззрениях обнаружили противоречия.

— Затмение устраивает Мельк-Тауз, и раз его нет там, значит, не будет и затмения! — проговорила она с некото-

рым недоумением.

— А зачем Мельк-Таузу нужно устраивать затмения? — поинтересовался Бушуев.

— Когда Мельк-Тауз недоволен людьми, то он делает затмение, землетрясение или же посылает какие-нибудь другие кары.

— Это затмение устраивает не Мельк-Тауз, а луна, — стал просвещать Бушуев Сальфо.

Он обстоятельно объяснил все и был доволен тем вниманием, с которым она слушала. Как только Бушуев кончил объяснение, Сальфо быстро вскочила и побежала в сторону шалашей.

Бушуев с удивлением посмотрел ей вслед.

— Что с ней?.. — подумал он.

Что-то непонятное было для Бушуева в психике Сальфо. Как-то иначе совершался у нее мыслительный процесс. Он вскинул на плечо магазинку и направился взглянуть, что делает Сальфо.

Он застал ее окруженной поклонниками сатаны. Сальфо оживленно говорила им что-то, а они внимательно слушали. Подойдя ближе, Бушуев услышал отрывок фразы Сальфо:

— Он говорит, что солнце закроет не Мельк-Тауз, а другой дух, — объясняла Сальфо.

На подошедшего Бушуева уставились глаза темных людей.

— В чем дело?.. — спросил ничего не понявший Бушуев.

— Я хочу успокоить их. Они очень боятся затмения... — быстро ответила Сальфо.

— Почему?.. — удивился Бушуев.

— Они думают, что Мельк-Тауз разгневался на них и может лишить их солнечного света.

— Пусть они ничего не боятся!.. — убежденно проговорил Бушуев: — Затмение не причинит им никакого вреда. Из находящихся здесь не пострадает ни один человек. Мельк-Тауз не питает к ним никакой злобы.

По лицам людей Бушуев видел, что они поверили его словам, но в глубине их темного сознания все-таки оста-

лось тревожное сомнение. Только теперь понял Бушуев, что затмение, являющееся для европейцев развлечением, для этих людей было грозной катастрофой.

Бушуев еще раз счел нужным успокоить волнующихся. Он указал на небо и проговорил:

— Затмение начнется, когда солнце будет здесь, и кончится, когда солнце дойдет до этого места. Смотрите в это время на небо и не бойтесь ничего.

Бушуев, сопровождаемый Сальфо, направился к оврагу, наполненному ядовитыми газами. Он давно думал заглянуть и узнать, что предпринял оставленный им иезид. Бушуев изредка вспоминал о нем, думал побывать в этой стороне — и забывал о своем намерении.

Как только Сальфо заметила, куда идет Бушуев, она быстро остановила его и проговорила с тревогой:

— Туда нельзя ходить!

— Отчего нельзя?.. — удивился Бушуев.

— Туда никто не ходит, — пояснила Сальфо: — Там страшное место. Там умирают все, и никто не возвращается обратно. Мельк-Тауз не пускает туда...

Бушуев улыбнулся.

— Я знаю это место... — проговорил он: — Я прошел через него, и Мельк-Тауз не остановил меня.

После короткого колебания Сальфо покорно пошла следом за ним. Она вспомнила, что это — необычный человек, и то, что не разрешается другим, возможно ему.

Бушуев дошел до того места, где спрятались ходули. Они были в целости, их никто не коснулся. Бушуев подошел к краю оврага, указал на лежавшие на дне кости и проговорил:

— Дальше идти нельзя. Все эти люди хотели перейти на ту сторону и погибли.

Сальфо с ужасом смотрела на белевшие кости и тихо спросила:

— И ты прошел здесь?

— Да, я прошел через это место... — с гордостью ответил Бушуев и добавил: — И пройду еще раз, если захочу!

Сальфо в тревоге ухватила за его руку, словно боялась потерять его.

Бушуев внимательно обыскал глазами противоположную сторону и нигде не мог заметить ни лошадей, ни иезида. Уехал ли он после долгого бесплодного ожидания или же его не видно за складками местности?.. Хорошо было бы перебраться на ту сторону и осмотреть стоянку.

Бушуев взглянул на дно оврага и замер в недоумении. По оврагу, среди костей, суетливо бегала небольшая птичка и ловила насекомых. Она взлетала, садилась и вновь начинала суетливую беготню. Бушуев растерянно протер глаза, как будто не доверяя им. Нет, глаза видели то, что было на самом деле. В овраге, наполненном смертельными газами, было живое существо и не погибало. С веселым щебетанием птичка улетела вдоль оврага. За время отсутствия Бушуева что-то произошло здесь. Он пытался постигнуть сущность происшедшего. Может быть изменилась природа газа, и он убивает не сразу?.. А может быть бывшее землетрясение закрыло газовые источники.

По оврагу пролетели еще две птички и по бодрому виду их не было заметно, что они испытывают на себе какое-нибудь вредное влияние. Бушуев, не сделав никакого определенного вывода, неожиданно прыгнул под откос и сбежал на середину оврага. Он услышал отчаянный крик Сальфо, повернулся к ней и проговорил с улыбкой:

— Иди за мной!

Лицо Сальфо было бледно, а глаза выражали страх, но она, не колеблясь, прыгнула вниз и побежала к Бушуеву.

— Пойдем на ту сторону!.. — предложил Бушуев и двинулся вперед, через валявшиеся кости.

Сальфо покорно шла за ним и ничего не понимала, Этот необыкновенный человек творил самые необычные вещи. Он свободно шел там, где погибло множество людей. И не только сам он проходил по этим страшным местам, — он вел за собой и ее, простую и обыкновенную женщину. И в голове Сальфо мелькнула тревожная мысль:

— Не сам ли Мельк-Тауз, принявший образ человека, идет с ней?

Она со страхом взглянула на Бушуева. Но нет в нем ничего божеского. Идет он так, как идут все люди, и ласково улыбается.

— Страшно тебе?.. — спросил Бушуев и помог выбраться из оврага обессилевшей от душевных волнений Сальфо.

Она не могла говорить и только утвердительно кивнула головой.

Выйдя из оврага, Бушуев торопливо пошел дальше. Сальфо видела, что местность, по которой идет Бушуев, хорошо известна ему, и что он идет к чему-то определенному. Сальфо была удивлена, когда заметила на земле остатки свежего костра. Кто разводил его?.. Лошадиные следы привели ее в недоумение. Она не могла понять кому принадлежат эти следы.

Бушуев стал быстро подниматься на гору. Сальфо с недоумением смотрела на новые места, на все расширяющийся горизонт. Она была там, где не был ни один из людей Мельк-Тауза.

Еще несколько шагов, и Сальфо увидела перед собой новое царство, о котором не имела представления. Они были у обрыва над лежащей внизу долиной. С противоположной стороны были опять горы, каких Сальфо никогда не видела и о существовании которых ничего не предполагала. Она почувствовала, что Бушуев вывел ее из узкого замкнутого круга и показал ей иной мир, огромный и величественный. И Сальфо почувствовала страх пред этим необъятным миром. Маленькой, жалкой песчинкой показалась она сама себе.

Ошеломленная Сальфо уже не следила за Бушуевым. Бушуев оставил ее, а сам, пройдя по каменной тропе, скрылся за утесом. Он вышел на Тропинку Испытаний и замер от страха. В нескольких шагах пред ним на выступе лежала лошадь, а перед ней была жуткая пустота. Страшной тропинки больше не было. Карниз, по которому Бушуев ехал с закрытыми глазами, отломился от каменного массива и упал в бездну. Вместе с ним, должно-быть, свалился туда и проводник Бушуева. Уцелела только шедшая сзади лошадь, но она оказалась неспособной вернуться назад.

От одной мысли о том, что произошло здесь, у Бушуева неприятно закружилась голова, и он почувствовал приступ тошноты. Он повернулся и хотел уйти. Но до его ушей долетело жалобное ржание лошади. Лошадь была жива. Она заметила Бушуева, повернула к нему голову и тихим ржанием и широко раскрытыми печальными глазами звала на помощь.

Бушуев любил лошадей. Он понял зов беспомощного животного и решил сделать попытку спасти его. Каменистая тропинка в этом месте была сравнительно широка. Бушуев дошел по ней до лошади, расседлал ее, снял узду. Животное было истощено голодом и жаждой и не двигалось. Бушуев вытащил на себе всю сбрую, потом захватил заменявший ведро мех и принес воды.

Сальфо с ужасом смотрела на невиданное животное и боялась подойти к нему. Она нарвала травы и стояла с ней над самым обрывом. Сальфо не знала головокружения и спокойно смотрела на страшную бездну у своих ног, но невиданная лошадь была для нее страшнее пропасти. Бушуеву с замиранием сердца приходилось бегать от лошади к Сальфо и обратно. И только после того, как Сальфо убедилась, что страшная на вид лошадь совершенно беспомощна и не причиняет Бушуеву никакого вреда, она решилась подойти к ней. С большим трудом Бушуеву и Сальфо удалось поставить ослабевшее животное на ноги, и оба они стали тащить за хвост ее назад. Животное неуверенно начало передвигать ногами и жалось к скале. Понемногу, с большими остановками для отдыха, лошадь удалось вывести с тропинки.

Бушуев был доволен своим успехом. Но Сальфо ничего не понимала. Необыкновенный переход через страшный овраг, открывшийся новый мир и это странное животное — все сплелось в ее представлении в одно, и ей начинало казаться, что все это имеет какое-то отношение к предстоящему затмению.

Бушуев делал остановки, подкармливал лошадь, а потом снова вел ее за собой. Вечером, пред заходом солнца, он прошел с лошадью и Сальфо через овраг и ночью добрал-

ся до своего жилья. Обессиленная лошадь свалилась у дверей и тяжело уснула.

Бушуев сидел у пылающего костра. Темноту ночи нарушал только шорох и потрескивание веток. А дальше, за пределами отблеска огня, лежало великое, ненарушимое молчание. Молчала и Сальфо, пытаясь постичь близкого и, одновременно, непостижимо-далекого ей человека.

Думал и Бушуев. Нет газовой преграды. Облегчен выход из царства Мельк-Тауза. Выход облегчен, но тропинка обвалилась. Вместо источенного веками карниза теперь ровная и гладкая стена над бездной. Иезидам уже не пробраться сюда. Царство Мельк-Тауза закрылось для них совсем.

Но Бушуев не хотел оставаться в этом отрезанном от людей и мира уголке навсегда. Нет, он уйдет отсюда!

Он улыбнулся. Вера в себя и в будущее наполнила его мышцы силой. Он встал, потянулся, радостный и довольный, и увидев перед собой внимательное лицо Сальфо, ее темные глаза, напоминающие удлинённые глаза египтянок, быстро решил: Сальфо он тоже возьмет с собой.

Бушуев подошел к Сальфо, обнял и спросил:

— Ты пойдешь со мной, куда бы я тебя ни повел?

— Пойду!.. — не раздумывая, согласилась Сальфо.

— А если там не будет близких тебе людей, не будет Мельк-Тауза, ты останешься со мной?

— Мне никого, кроме тебя, не нужно... — шептала Сальфо.

В сердце ее пылал жадный ненасытный огонь, он разливался по жилам, жег тело.

Бушуев для нее был богом, жизнью, всем.

XVI

Печально угас огонь, дотлели золотые угли, покрылись золой и погасли. Из темного леса бесплотной тенью выдвинулся шейх Айо. Он был голоден, зол. Все последние дни он скитался в разных местах, питался травой, корнями.

Злость была его силой, и эта сила двигала им. Сейчас он неслышной тенью крадся к тем, кто лишил его сытой пищи и покоя. Он хотел быть ближе к своим врагам, его скрюченные пальцы были вытянуты вперед, как когти приготовившейся к нападению птицы. Кто знает, может быть под эти пальцы подвернется чье-нибудь горло.

Старый Айо жадно ловил каждый звук. Он слышал чье-то тяжелое дыхание и радовался. Сон — его помощник. Все ближе и ближе подкрадывался Айо к темному, тяжело дышащему телу.

— Но почему его враги лежат снаружи?.. Какой странный вид приняли они.

Ниже сгибается Айо, дальше вытягивает руки.

Где у них головы, шеи?

Смолкло дыхание, — насторожился старик.

И вдруг ожил странный предмет, зашевелился и стал подниматься. Пред Айо было что-то огромное, невиданно-страшное. Оно как будто заполнило собой все пространство, фыркнуло дико и замахало чем-то.

Волосы зашевелились на голове Айо, а по телу побежала холодная дрожь. Ослабевшие ноги метнулись в сторону и понесли ничего не видящее, обезумевшее тело в лес, в еще большую темноту.

Ни Бушуев, ни чуткая Сальфо не слышали того, что произошло ночью около каменного сооружения.

Утром Сальфо проснулась от ржания лошади. Она со страхом смотрела на странное животное, тихо бродившее по поляне и щипавшее траву. Сальфо осмелилась подойти к лошади только вместе с Бушуевым. Бушуев гладил лошадь и внимательно осматривал ее. Животное за одну ночь заметно поправилось. Оно не проявляло прежней дикости и спокойно подпустило к себе Бушуева.

— Через несколько дней на ней можно будет ездить... — проговорил Бушуев, но Сальфо, не видевшая за свою жизнь ни одного всадника, не поняла Бушуева.

Поднялось солнце, и Бушуев снова принялся за свои астрономические наблюдения. Затмение что-то не торопилось и заставляло ждать себя. Бушуев не был поклонником

астрономии и эта медлительность солнца и луны начинала раздражать его. А вдруг придется ждать это проклятое затмение несколько недель. Что тогда скажет о нем дикая духовная паства, которая не возражала против назначения его шейхом, а к его личности не проявляла никакого интереса?

Бушуев отложил закопченное стекло и спросил Сальфо:

— А что, собственно, должен делать шейх?

Снова Сальфо была ошеломлена вопросом Бушуева.

Не может быть, чтобы такой близкий Мельк-Таузу человек не знал обязанностей шейха.

Бушуев заметил изумление Сальфо и несколько изменил вопрос.

— Я спрашиваю, — сказал он, — что делал шейх Айо?

Недоумение исчезло с лица Сальфо и она ответила со смехом:

— Айо был ленивый шейх. Он ничего не делал, спал и кое-когда приносил людей в жертву Мельк-Таузу.

«Обязанности не сложные!..» — с улыбкой подумал Бушуев.

Дальнейшие расспросы Бушуева были прерваны тревожным шопотом Сальфо. Она стояла пред ним бледная, дрожащая и тихо говорила:

— Там что-то началось!..

Сальфо указала рукой на небо. Бушуев схватил свое закопченное стекло и навел на солнце. Затмение, действительно, началось. Сальфо уловила его по ничтожному ослаблению света. Но солнечный диск надвигалась черная круглая заслонка.

— Хочешь посмотреть?.. — предложил Бушуев.

Перепуганная Сальфо отрицательно покачала головой. Ей было не до наблюдения. Она боялась.

— Нет, ты взгляни!.. — настаивал Бушуев: — Это очень интересно. Между солнцем и землей проходит луна и закрывает собою солнце.

Сальфо робко взяла стекло, дрожащей рукой навела на солнце и тотчас же отдернула ее, словно обожженная не-

видимыми лучами.

— Страшно!.. — тихо проговорила она.

— Ничего страшного нет... — с досадой отозвался Бушуев: — Никому это затмение не повредит и никто от него не пострадает. Все скоро кончится.

Трепещущая Сальфо внимательно слушала Бушуева. Она верила ему, но превозмочь охвативший ее животный страх не могла.

Солнечный свет слабел с каждой минутой. Исчезло живительное тепло, стало холодней. Черная круглая заслонка, неуклонно передвигаемая невидимой рукой, все больше и больше закрывала источник света и тепла.

Из-за леса донесся отчаянный вопль встревоженных людей. В этом вопле была звериная беспомощность и страх, жуткий страх, затемнявший рассудок и корчивший тело.

Вопли становились все громче и громче. В истушленный животный вой как будто влилось что-то новое. К страху и трепету присоединился гнев.

— Что с ними?.. — с недоумением спросил Бушуев.

— Не знаю!.. Я схожу, посмотрю, — растерянно проговорила Сальфо.

После минутного решительного колебания, она быстро направилась по тропинке к лесу.

— Питекантропы!... — проворчал Бушуев и стал продолжать наблюдения.

Его интересовали протуберанцы. Он хотел увидеть черное солнце в лучистой короне, созданной страшными взрывами расплавленной и раскаленной массы. Странная полутьма наполняла воздух. Не в обычный час торопливо наступал вечер и сеял сумрак. И эта тьма, наступающая не в свое время, производила тягостное впечатление. Ненормальность в механизме природы удручала сознание.

Вопли за лесом смолкли, и наступившая тишина еще более усиливала впечатление. Бушуев опустил закопченное стекло и тревожно оглянулся кругом. Беспokoйство проникло в его душу.

— Что с Сальфо?.. Почему смолкли крики?.. — спрашивал себя Бушуев.

Долетевший злобный визг заставил его бросить стекло, забыть о затмении и кинуться внутрь помещения за магазинкой. Сердце Бушуева яростно колотилось в груди. Он решил подчинить дикое человеческое стадо и раз навсегда заставить их верить тому, что он говорит.

С магазинкой в руках выскочил наружу Бушуев, злой и дикий. Он готов был бежать к людям, которые вывели его из терпения, но оказалось, что бежать ему было незачем, так как эти люди сами бежали к нему. Бушуев увидел в наступавшей полутьме беснующуюся толпу. Одетые в шкуры люди безмолвно кружились около чего-то и яростно были невидимое тело камнями и палками.

От тревожного предчувствия злоба Бушуева вспыхнула еще ярче. Бушуев вскинул магазинку и послал пулю вверх голов беснующихся людей. Грохот выстрела потонул в испуганном вопле. Беснование кончилось. Среди расступившихся людей Бушуев неожиданно заметил взлохмаченную голову шейха Айо и почувствовал злобный блеск его глаз. Вторая пуля Бушуева раздробила старый череп и свалила Айо. Ошеломление, охватившее толпу, прошло. Люди заметались по поляне, потом бросились в лес и исчезли. Бушуев сделал вдогонку несколько выстрелов и побежал с разряженным ружьем к оставшимся на земле двум неподвижным фигурам.

Предчувствие не обмануло Бушуева. Около убитого Айо лежала окровавленная Сальфо. Гнев Бушуева сменился страхом. Он подхватил безжизненное тело Сальфо на руки и понес его к каменному зданию. Бережно опустив Сальфо на ложе из листьев и травы, он торопливо стал разрезать и срывать меховые одежды. Прильнув ухом к груди, Бушуев услышал тихий равномерный стук сердца. Страх и опасение сменились радостью. Сальфо жива. Тело ее покрыто ссадинами и ушибами, но сама она жива. Бушуев схватил котелок и побежал за водой. Он промыл раны на голове Сальфо, сделал перевязки. Свежая вода быстро привела ее в сознание. Затуманенный взгляд — скользнул по окружающим предметам и остановился на Бушуеве.

— Что стало с солнцем?.. — тихо спросила Сальфо.

Бушуев опешил от неожиданного вопроса. В заботах о Сальфо он совершенно забыл о затмении и не обращал внимания на происходящие в небе явления. Взглянув в дверь, Бушуев увидел залитые солнечным светом деревья и траву.

— Затмение кончилось. Солнце светит по-прежнему, — ответил Бушуев.

Сальфо облегченно вздохнула.

— Что с тобой случилось?.. Откуда взялся Айо? — стал задавать вопросы Бушуев.

Сальфо со стоном приподнялась с земли, ощупала перевязанную голову и после некоторого раздумья ответила:

— Когда я пришла к ним, там был Айо. Он говорил, что Мельк-Тауз погасит солнце, если люди не убьют тебя и меня. Они поверили Айо и кинулись сюда. Я хотела остановить их, но они стали бить меня. И мне кажется, я была наполовину мертвой.

Бушуева глубоко тронула самоотверженность Сальфо. В который раз уже она спасает его! Она готова отдать ему все, что имеет, и ничего не просит взамен.

— А где Айо?.. — неожиданно встревожилась Сальфо.

— Айо?..

Бушуев вернулся к действительности.

— Айо с пробитой головой лежит там... — Бушуев указал на поляну.

— Кто убил его?

— Я убил его из ружья.

Глаза Сальфо расширились от удивления.

— Разве твое ружье опять стало испускать гром и молнию?.. Разве к нему вернулась способность убивать на расстоянии?

— Почему ты спрашиваешь это?.. — переспросил недоумевающий Бушуев.

— Я спрашиваю это потому, — пояснила Сальфо, — что Айо говорил там всем:

— Ружье его умерло и дух, живший в нем, ушел. Ружье стало простой палкой, совершенно безвредной и не опасной.

Бушуев рассмеялся.

Сальфо проявляла изумительную живучесть и выносливость.

Она накинула на себя рваное одеяние и ушла в лес, откуда вернулась с пучком каких-то трав и начала готовить лекарство. К траве Сальфо прибавила бараньего сала и все это растерла на камнях. Получилась густая зеленая мазь. Ею Сальфо смазала ушибленные места, а к ране на голове приложила широкие листья, испускавшие тяжелый бальзамический аромат.

Бушуев приказал Сальфо сбросить рваные и грязные овчины и надел на нее одну из ярких накидок с круглым вырезом по середине.

Новое одеяние смутило Сальфо. Она с недоумением рассматривала ткань, складками ниспадавшую вниз.

— В этом нельзя ходить!.. — с некоторым раздумьем проговорила Сальфо.

— А мы его сделаем покороче, — отозвался Бушуев и с помощью ножа укоротил ткань.

Сальфо сделала несколько шагов и снова заявила:

— Но на ходу все это раскрывается, а при ветре может слететь.

— Мы сделаем тогда пояс... — предложил Бушуев.

Из отрезанных клочков ткани он смастерил что-то вроде кушака и обвязал им тонкую талию Сальфо.

Сальфо критически рассматривала свое новое одеяние. Оно явно не удовлетворяло ее. В глазах Сальфо было недоумение. Бушуев же был в восторге. Ткань не скрывала стройности тела Сальфо, а как будто еще более оттеняла гибкость фигуры. Это одеяние вырывало Сальфо из дикой среды и приближало ее к тем женщинам, среди которых вырос Бушуев. Повязка на голове заменяла головной убор.

Бушуев искренно любовался Сальфо, а она с опущенной головой медленно ходила и следила за движением складок на необычной для нее одежде. Вдруг она повернулась к Бушуеву, взглянула на него, и ее намерение заявить о непригодности новой одежды осталось невысказанным. Вос-

торженный взгляд Бушуева остановил Сальфо. Такими глазами Бушуев никогда не смотрел на нее.

И Сальфо с некоторой нерешительностью спросила:

— Разве в этом платье я стала лучше?

— Лучше, лучше!.. — ответил задыхающийся от охватившего его чувства Бушуев, и его жгучие поцелуи примирили Сальфо с новым одеянием.

XVII

Жизнь Бушуева не походила на жизнь. Это был сон, тихий и ласковый.

Каждый день Бушуев видел кругом себя горы, полные глубокого и важного раздумья. Вверху было небо, голубое и бездонное. Яркая зелень не знала пыли. И все было окружено необычной тишиной. Тишина, казалось, была ненарушимой, она впитывала все звуки и растворяла их в себе. Тишина и неподвижность усыпляли мысль и оплетали ее незримой паутиной лени.

Бушуеву принадлежала чудовищная сокровищница. В его руках — изумительный золотой прииск, где всю грязную и тяжелую работу выполнила сама природа. Она добывала руду, дробила ее, промывала и бережно хранила драгоценный металл. Из этой сокровищницы пользовались золотом люди в глубокой древности, но жизнь изменилась. Жалкими развалинами лежит былой город, в стадо жалких дикарей превратились когда-то культурные люди. Они стали такими потому, что ограничилась и замкнулась их жизнь и порвалась связь со всем миром. Маленький мирок, замкнутый сам в себе, загнил и разложился.

Сальфо передает смутные предания. Когда-то жили здесь люди в каменных домах, но разгневался Мельк-Тауз, разрушил дома и запретил людям жить в них. Были многочисленны раньше стада и было в них много разных животных. И опять ненасытный и гневный Мельк-Тауз наложил на них властную руку. Напуганные чем-то животные кинулись

в смертоносный поток и задохнулись в нем. Был после этого голод. Перевелись животные, кое-как удалось сохранить лишь баранов. Теперь они снова размножились. Жизнь людей стала сытой и ленивой.

Но Мельк-Тауз лишил их соли. Сальфо узнала, где находится соль. И скоро никто не будет испытывать недостатка в ней.

Слушает Бушуев рассуждения Сальфо и молчит.

Не за этим вышел он с ней за пределы леса к стене гор. Давно хотел Бушуев обследовать эту часть царства Мельк-Тауза, но мешало бессилье. Мешает оно ему и теперь. И он лежит на возвышенности, овеваемый прохладным дыханием гор, слушает рассказы Сальфо и молчит.

Глаза Бушуева прикованы к одной черной точке в горах. Точка эта над отвесным обрывом. Минутами она бывает неподвижна, как будто мертвый покой гор охватывает и ее, но через некоторое время точка приходит в движение и нервно прыгает с утеса на утес, спускается все ближе к отвесному обрыву. И чем больше приближается точка к обрыву, тем больше становятся и размеры ее.

— Это тур... — соображает Бушуев и неотступно следит за горным акробатом.

Тур добрался до обрыва и смотрит вниз. Его, повидимому, прельщают пастбища. Несколькими скачками приблизился он к тому месту, где высота отвесной стены равна нескольким сажням, измерил расстояние взглядом и — кинулся головой вниз.

Бушуев ахнул и вскочил с места. Он подумал, что тур кончил жизнь самоубийством. Но животное и не думало о самоубийстве. Оно хорошо знало прочность своих рогов и умело пользоваться ими. Тур ударился о землю рогами, перевернулся и вскочил на ноги. Стремительное падение с огромной высоты не причинило ему никакого вреда.

Встревоженная возгласом Бушуева, Сальфо смолкла и поднялась с земли.

— Это — добрый дух!.. — проговорила она, указывая на тура:— Он приходит к нам с гор и никому не причиняет вреда.

— Если он приходит с гор, то и уходит он туда же! — ображал Бушуев. — А если он уходит, значит — он знает выход отсюда.

Бушуев медленно направился в сторону тура. Животное заметило приближающихся людей и застыло на одном месте. Неподвижность много раз спасала его от опасности, и теперь тур предполагал обмануть приближающиеся к нему существа своим покоем. Даже опытный глаз мог принять его за обломок скалы и не заметить.

Но туру не удалось обмануть глаз Бушуева. Он медленно и неуклонно приближался к животному. Бушуев не хотел пугать животное торопливостью своих движений и тихо шел, зорко наблюдая за туром. Ему надо было видеть тот путь, по которому уйдет отсюда животное.

Тур почувствовал, что люди не минуют его. Он молниеносным скачком перекинул свое тело с занимаемого места и, казалось, полетел над землей, еле касаясь ее тонкими ногами.

Бушуев бежал за туром, стараясь не выпустить его из поля зрения. Вот животное подбежало к отвесной скале, сделало прыжок вверх и исчезло. Оно как будто прорвало стену гор, как тонкий лист бумаги, и исчезло за ней.

Бушуев побежал к этому месту. На высоте значительно большей человеческого роста он увидел странное отверстие. Его можно было принять за пещеру, но оно, повидимому, не было пещерой, так как животное в этом случае не стало бы искать спасения в нем.

Бушуев стоял и рассматривал путь, указанный туром.

— Что ты смотришь?.. — спросила подбежавшая Сальфо.

— Я не знаю, что это такое?.. — ответил Бушуев.

— Это выход туда!.. — и Сальфо указала рукой вверх,

— Откуда ты знаешь это?.. — спросил с необычной живостью Бушуев.

— Мой отец, — пояснила с гордостью Сальфо: — поднимался здесь. Он уходил далеко в горы. Он был везде там. Он шел прямо туда и добрался до белых полей. На этих полях было холодно, а в белом песке у камня сидели люди, живые по виду, но с холодным телом и неподвижные. У

них закрытые глаза. Они сидят и молчат. Дальше отец не пошел.

Бушуев жадно слушал. Вот выход, о котором он думал! Первым нашел его отец Сальфо, должно быть, в минуты неудовлетворенности и любознательности пытавшийся расширить границы узкого и однообразного мира. Как далеко ушел он и почему поиски ограничились какими-то мертвецами? Кто ответит на этот вопрос?.. Если бы Сальфо было известно еще что-нибудь, то она давно сообщила бы все.

— Как твой отец поднялся сюда?.. — спросил Бушуев.

Сальфо оглянулась вокруг, потом отбежала немного и принесла две жерди. Одну из них она воткнула в расщелину в скале, а другой конец закрепила в земле. Вторая палка таким же способом была устроена несколько выше. Получилось жалкое подобие моста. Бушуев взобрался на жерди и испробовал их прочность. Несмотря на почтенный возраст, дерево сохранило свою крепость. Оно гнулось под тяжестью человеческого тела, но не ломалось. Бушуев осторожно взобрался наверх и влез в отверстие в скале. Следом за ним поднялась и Сальфо.

Пред Бушуевым был природный тоннель с неровным полом, стенами и потолком. Местами он был очень широк и значительно выше человеческого роста, но затем суживался, и здесь приходилось нагибаться, чтобы не задеть головой свисавших с потолка острых камней.

Тоннель был невелик, и через несколько минут Бушуев и Сальфо снова вышли на открытое место. Пред ними был крутой подъем вверх, на который они торопливо начали взбираться.

Изредка Бушуев взглядывал на Сальфо. Он не делился с ней своими мыслями и намерениями, но Сальфо как будто знала их. Она не задавала ни одного вопроса и шла рядом, оживленная и бодрая. Незвестная даль влекла ее больше, чем Бушуева.

— Здесь шел твой отец?.. — спросил Бушуев.

Сальфо утвердительно кивнула головой.

— Откуда ты знаешь это?.. Ты была с ним?.. — снова задал вопрос Бушуев.

— Я была маленькой и не могла быть с ним, — ответила Сальфо. — Но он потом говорил мне и указывал путь, по которому ходил.

Бушуев и Сальфо взобрались на вершину возвышенности. Пред ними лежало широкое каменистое плато, а за ним начинались горы. Вершины их были покрыты снегом, склоны круты и кое-где темнел на них лес. В одном месте Бушуев заметил более пологий скат и решил, что по этому скату можно будет перевалить через горную цепь и спуститься на другую сторону, где можно будет встретить иную жизнь.

Бушуев остался доволен своими изысканиями и решил вернуться обратно. Спуск был совершен гораздо быстрее. К закату солнца они были уже в каменном сооружении. Сальфо хлопотала около костра, а Бушуев, сосредоточенный и неподвижный, обдумывал предстоящее путешествие.

Новый день как будто принес новую жизнь.

Исчезла лень, равнодушие. Преобразившийся Бушуев влил энергию и во всех дикарей.

Была организована большая экспедиция в подземное царство за солью.

Так хотел Мельк-Тауз!

Из-под земли люди должны были вынести не только соль, но и часть золота.

Так хотел Мельк-Тауз!

К определенному моменту Сальфо привела с собой чуть не всех обитателей шалашей. Не пошли под землю только старики, дети и чрезмерно ожиревшие.

Черная пасть подземного хода проглотила всех этих людей. Впереди шли Бушуев и Сальфо, а сзади робко и покорно двигались остальные.

Сальфо чувствовала испытываемый ее сородичами страх пред темнотой и пребыванием в необычной обстановке, и голос ее не смолкал. Она подгоняла отстающих, ободряла наиболее робких.

Бушуев чувствовал себя далеко не так хорошо, как наверху, но его подавленное состояние вызывалось не боязнью темноты, а тем, что он снова почувствовал себя сле-

пым и беспомощным. Он в этой непроглядной темноте ничего не видел, ему все время приходилось держаться за Сальфо. А Сальфо в подземельи была, как дома. Она как будто видела каждую неровность и предупреждала о ней всех. Ее спокойный голос разносился по подземелью, звонкий и уверенный, и вселял бодрость в сердца даже самых трусливых.

Сальфо ощущала не только все препятствия, но по каким-то никому незаметным признакам определяла и расстояние. Через некоторое время ее звонкий голос оповестил всех, что соль находится близко.

Бушуева поражали способности Сальфо, и во время этого путешествия он еще больше почувствовал, как необходима ему эта простая, преданная и сообразительная женщина.

Сальфо подвела пришедшую с ней толпу к ящикам с солью и оставила их здесь. Соль, так необходимая организму, была пред дикарями, и они накиннулись на нее жадно и возбужденно.

— Берите соли как можно больше... во второй раз вы придете сюда не скоро!.. — громко сказал в темноту, наполнившуюся шумом возни и учащенным дыханием, Бушуев, а потом привлек к себе Сальфо и тихо сказал ей:

— Веди меня к жилищу Мельк-Тауза!

Бушуев ничего не видел и не разбирал, Сальфо, как какая-то незримая и таинственная сила, увлекала его в черную бездну.

Она повела Бушуева по узкому подземному коридору, и только там, где снова показался холодный не мерцающий свет, Бушуев вышел из беспомощного состояния и мог располагать собой по своему усмотрению.

Он твердыми уверенными шагами подошел к дракону, схватил его за шею и опрокинул на спину. Опустился каменный четырехугольник, опустился к подножию черного мраморного алтаря таинственный светоч, замкнутый в священный для иезидов круг, и гордый павлин заискрился крапленными в него драгоценными камнями.

Бушуев вошел в тайник. Стены были гладки, хорошо отполированы, пол ровный, потолок сплошной. Одно только приковало к себе внимание Бушуева. Это была четырехугольная плита, опустившаяся на пол. Бушуев не мог видеть, что скрывается под ней. Может быть под этой плитой таится неведомое?

— Сальфо!.. закрой вход, я на время останусь здесь!.. — обратился Бушуев к своей спутнице.

Широко раскрытыми, немигающими глазами смотрела женщина на Бушуева и ничего не отвечала.

— Что ты смотришь?..— возбужденно произнес Бушуев: — Делай, то, что тебе говорят. Через некоторое время ты откроешь вход и я выйду обратно.

Нерешительно прикоснулась Сальфо к каменному изваянию и с испугом и недоумением стала поднимать с пола лежавшего на спине дракона.

Все внимание Бушуева сосредоточилось на медленно поднимающейся с пола каменной плите.

Повинуясь невидимым рычагам и блокам, тяжелый камень отделился от поверхности. Все выше и выше уходил таинственный свет, и темнота заменяла холодное безжизненное сияние.

Дрогнуло сердце Бушуева. Предположение не обмануло его. Под плитой наметилось какое-то подобие входа.

Поднялась плита и закрыла собой вход. Исчез таинственный источник света, но в узком прямоугольнике в полу мерцал другой свет. Он такой же таинственный, холодный и бледный. Бушуев торопливо подошел к отверстию. Еле освещенные каменные ступени уходили вниз и как будто тянули ослабевшего от возбуждения Бушуева. Он торопливо спустился вниз. Жадный взгляд перебегал с предмета на предмет и стремился все заметить и определить.

Кончилась лестница. Дальше — широкая пустая комната. Те же черные гранитные стены, что и наверху. Такой же неугасимый фонарь, как будто вырезанный из куска льда, и такое же загадочное вещество в нем, источающее свет без тепла.

Ноги Бушуева передвигались сами собой. Его неудержимо тянул какой-то белый отблеск в углу.

Здесь должны быть скрыты древние священные книги. Для них придуманы сложнейшие тайники.

Бушуев приблизился к белому предмету и в страхе отшатнулся. Пред ним два человеческих черепа. Безмолвно смотрят черные впадины. Широко раскрытые челюсти как будто хохочут диким неслышным хохотом. Кругом черепов длинные седые волосы. Шейные позвонки прикрыты вылезшими волосами огненных бород. Цветные одежды облегли худые скелеты и закрывают их.

Страх в широко раскрытых глазах Бушуева.

— Кто это?.. зачем они здесь?.. И что погубило их?.. в тревоге попятился назад Бушуев.

Глухой грохот долетел до его ушей, а за грохотом, как бы в догонку ему, заглушенный крик. Этот крик принадлежал Сальфо. Она открыла вход в жилище Мельк-Тауза и не увидела Бушуева. Гордый павлин сиял разноцветными огоньками и как будто ликовал. Помещение было пусто. Из горла перепуганной Сальфо вырвался крик отчаянья.

XVIII

Грохот и крик прояснили сознание Бушуева, он метнулся по лестнице вверх и с силой ударился головой о каменную плиту. Выход из страшного подземелья был закрыт. Бушуев оказался запертым в тайниках далекой древности, около чьих-то скелетов.

— Сальфо!.. Закрой вход и выпусти меня!.. — закричал Бушуев.

Крик его наполнил подземелье. Ответа не было. Он крикнул снова, крикнул так, как не кричал никогда в жизни. В этом крике единственное спасение. Если услышит его Сальфо, она освободит его.

Но Сальфо не слышала неистового крика. Потрясенная потерей дорогого человека, она лежала без сознания с бес-

помощно вытянутыми к гордому Мельк-Таузу руками, как будто молила его о том, чтобы он взял и ее вместе с тем человеком, без которого жизнь ее теряла всякий смысл и значение.

Обессилевший от отчаяния и напряженных попыток поднять плиту, Бушуев смолк.

Сознание его наполнилось тупой покорностью.

Усталость разлилась во всем теле. Оно стало настолько тяжелым, что его трудно было держать на ногах. От спертого воздуха начала кружиться голова. Бушуев огляделся вокруг, отыскивая взглядом место, где можно было бы присесть и отдохнуть.

У стены маленький столик и два грубых подобия кресла, высеченные из камня. Бушуев опустился на одно из них, устремил взгляд на белеющие черепа и погрузился в тяжелое раздумье.

Вдруг уши его уловили шорох сверху и стон.

Насторожившийся Бушуев стал чутко прислушиваться. Он решил, что перепуганная его таинственным исчезновением Сальфо покинула его и убежала к своим сородичам, но, повидимому, Сальфо осталась верна ему.

Как только шорох повторился, Бушуев кинулся вверх по ступеням и пронзительно закричал.

— Кто зовет меня?.. — послышался в ответ тревожный и глухой вопрос.

— Это — я, Сальфо!.. — радостно завопил Бушуев: — Это — я!.. Выпусти меня!..

— Где ты?.. — и в голосе Сальфо Бушуев уловил тревожную подозрительность.

Она видела кругом каменные стены. Здесь не было такого места, где мог бы спрятаться Бушуев, а между тем он где-то здесь, и голос его доносится до Сальфо.

— Я здесь... Ты прикрыла меня плитой... Закрой выход, и я выйду отсюда!.. — кричал Бушуев и бил кулаком по гранитной плите.

Только теперь Сальфо что-то сообразила. Она быстро вышла из помещения и торопливо стала поднимать дракона. Бушуев быстро выскользнул из-под плиты.

— Довольно!.. — остановил он Сальфо и облегченно вздохнул.

Сальфо снова опустила на спину дракона и кинулась к Бушуеву. Она обнимала и ощупывала его, как будто не верила в его целость.

— Где ты был?.. — спрашивала ликующая Сальфо.

— Там! — ответил Бушуев и показал рукой вниз. — Ты чуть было не оставила меня здесь навсегда!

— А я думала, что тебя унес Мельк-Тауз, — говорила обрадованная женщина.

— Ну, давай уходить отсюда! — сказал Бушуев.

— Мы сюда больше не вернемся? — спросила Сальфо.

— Нет! — решительно ответил Бушуев.

Организуя экспедицию за солью, Бушуев думал добраться до золота. Он предполагал вынести часть его на поверхность земли. Но после кратковременного пребывания в тайнике и гнетущих переживаний золото потеряло притягательную силу. Не золото, а жизнь была теперь наивысшей драгоценностью, и только ее хотелось унести скорей из потемок подземелья на солнечную и радостную поверхность земли.

— Если мы не вернемся сюда, то я возьму с собой Мельк-Тауза! — нерешительно проговорила Сальфо.

— Бери, если хочешь, — равнодушно отозвался Бушуев.

Он нагнулся над странным фонарем и стал разглядывать его.

— А ведь тут, пожалуй, есть радий! — подумал Бушуев и удивился: — Откуда древние люди могли достать его?

Бушуев знал ценность радия и хотел было захватить таинственный фонарь для освещения подземного пути, но знал также Бушуев и страшную силу радия, и осторожно отодвинулся от неугасаемого источника света и вышел вслед за Сальфо, сгибавшейся под тяжестью золотого павлина. Через несколько секунд Бушуев уже не видел ни Сальфо, ни мерцающего павлина: тьма охватила их и поглотила.

Снова сузились все способности восприятия внешнего мира у Бушуева и снова он держался за Сальфо, а она шла в темноте, не уменьшая шага, не теряя, как будто, способ-

ности видеть.

Через некоторое время до ушей Бушуева и Сальфо стали долетать отдаленные воюющие крики. Оставленные около соли люди, видимо, волновались и звали их. Сальфо ускорила шаг и кинула в темноту пронзительный крик. В этом нечленораздельном крике было что-то понятное оставленным в темноте дикарям. Вопли их смолкли, и подземелье снова наполнилось тяжелой давящей тишиной.

Если бы Бушуев был один, то он прошел бы мимо невидимых в темноте дикарей и не заметил бы их, но Сальфо ощущала их.

Выйдя из узкого прохода, она обратилась с вопросом к незримым людям:

— Набрали соли?

Ей ответил утвердительно нестройный хор голосов.

— Все здесь? — снова спросила Сальфо.

Опять последовал утвердительный ответ.

Чтобы облегчить Сальфо, Бушуев взял у нее тяжелого павлина и поднял его на плечо. На обратном пути Сальфо уже не приходилось ободрять робких и подгонять отстающих. Все шли тесной толпой и стремились поскорее выбраться из темной и молчаливой пасти подземелья.

Бушуев перекидывал с плеча на плечо тяжелого павлина и думал о том, что, пожалуй, пора уже собираться в обратный путь. Кончается лето, и скоро снежные вершины гор станут совершенно непроходимыми. Их надо перевалить до наступления жестокой в горах зимы.

Обратный путь с крутым подъемом казался для всех бесконечным.

— Ну, что же, скоро будет выход? — спросил Бушуев.

— Должен быть, скоро! — ответила Сальфо.

Бушуев смотрел вперед, но светлого пятна не было видно.

Молчаливое человеческое стадо, покорно шедшее сзади, стало проявлять себя. Слышались вздохи, неясный шопот, иногда доносились заглушённые стоны.

Дорвавшиеся до соли люди перегрузили себя и страдали от тяжести.

Бушуев подумал о привале и отдыхе, но неожиданный возглас Сальфо оборвал его мысль.

— Вот и выход! — вскрикнула Сальфо.

Бушуев увидел впереди неясное пятно и удивился.

— Почему же так темно? — спросил он Сальфо.

— Потому, что сейчас ночь! — ответила Сальфо.

Приглядевшись к смутному проблеску впереди, Бушуев заметил на нем искрившиеся точки звезд.

Оживленный шопот пронесся в толпе. Изнемогшие ободрились и ускорили шаг.

Весь следующий день Бушуев был занят напряженной работой. Он чинил одежду и обувь и готовил все необходимое к предстоящему путешествию. Он помнил, что ему придется идти через вечные снега. Для предохранения от холода нужна теплая одежда и надежная обувь. Из невыделанных шкур Бушуев изготавливал какое-то подобие одежды и обуви.

Нужен был также запас провизии.

Принесенного из-под земли павлина Бушуев поставил на место первого.

Когда все было готово и упаковано, Бушуев и Сальфо очистили от мусора помещение и покинули его при бледном свете начинающегося дня. Никто из обитателей шалашей не знал об их уходе. Бушуев намеренно умолчал об этом, чтобы сделать свое исчезновение более таинственным. А таинственное и непонятное темный ум считает чудесным. И если исчезновение Бушуева будет принято за чудо, то от этого он не только ничего не проиграет, а скорее выиграет, так как при возвращении он встретит со стороны этих одичавших людей более радушный прием.

На оседланную лошадь взвален весь багаж. Бушуев вел лошадь за повод и думал о том, что лошадь в предстоящем пути могла бы принести им огромную пользу, но перетаскать ее через препятствия нет возможности. При переходе через горы надо рассчитывать только на собственные силы и всю тяжесть нести на себе.

Поднялось уже солнце, когда Бушуев закончил последние приготовления. Из поводов, подпруг и всевозможных

ремней он связал веревку, потом взобрался с ней по жерди в расщелину. К концу веревки Сальфо прикрепил свертки и узлы, и Бушуев втянул их наверх. Когда был поднят последний узел, Сальфо с ловкостью обезьяны поднялась к Бушуеву. Она была оживлена и радостна. В ее жизни началось что-то новое, небывалое, и Сальфо спешила скорее познать это небывалое.

Они поделили между собой вещи, перевязали их ремнями, взвалили на себя и медленно двинулись вперед.

Привал пришлось устроить раньше времени. Бушуев сделал остановку для того, чтобы удобнее разместить тяжесть и устранить боль, вызываемую ремнями. Под твердые узлы с золотом он положил мягкие кожи, под ремнями устроил подушки и когда они поднялись, то сперва показалось, что груз стал легче. Но это было только первое впечатление. Через некоторое время груз попрежнему тянул к земле, сдавленная грудь не могла свободно дышать и пот непрерывными струйками стекал с лица.

— Слушай! — спрашивала Сальфо: — Зачем ты взял желтый подсвечник?.. Неужели там нет таких?..

— Да, Сальфо! — медленно отвечал запыхавшийся Бушуев. — Там нет таких.

— Но зачем он нам? — не унималась Сальфо.

— Он поможет нам жить!..

Сальфо повернула к Бушуеву раскрасневшееся лицо. В ее глазах было полное недоумение.

— А разве без него там нельзя жить?..

— Нельзя! — коротко ответил Бушуев.

Сальфо ничего не поняла и больше не задавала вопросов.

Привалы становились все чаще и чаще. С каждым новым шагом тяжесть ноши как будто возрастала. Ремни, казалось, прорезали одежды и проникали в тело. Пройденный путь был ничтожен, а лежащий впереди казался бесконечным. Разреженный горный воздух обессиливал, утомлял.

Оживление исчезло с лица Сальфо и заменилось страданием. Она с тоской и боязнью посматривала на лежащие

впереди просторы, на белевший в горах снег. Пространство начинало пугать ее.

Бушуев думал преодолеть расстояние быстро и легко. Встреченные трудности были неожиданностью для него. Он ожидал борьбы с препятствиями, борьбы решительной и, может быть, тяжелой, но не такой медленной, постепенной и изнурительной. И эта борьба с пространством начинала возмущать его и злить. В припадке гнева он напряг все силы и шел до полного изнеможения. А изнеможение не заставило себя долго ждать. Оно все время было с ними. С невероятной силой и быстротой начинало биться сердце. Легким не хватало воздуха.

Каменное плато, до которого они так легко добрались раньше, теперь как будто отодвинулось, ушло, и они достигли его только к середине дня.

Здесь на краю огромного каменного поля они скинули с плеч тяжелую поклажу и решили дать себе более продолжительный отдых.

Сальфо легла около вещей и не двигалась. Забыл о голоде и Бушуев. Надорванные напряжением мышцы как будто расправлялись и ширились, тело становилось невесомым и расплывчатым, приятно кружилась голова.

— Неужели в твоей стране всегда будет так тяжело? — словно в бреду спросила Сальфо.

Этот вопрос поднял Бушуева.

— В моей стране мы не будем знать таких тяжестей. Там мы забудем о них. Но здесь, вдали от тех людей, среди которых я вырос, нам будет тяжело.

— А где твоя страна и где твои люди? — задала вопрос Сальфо и тоже поднялась.

— Там! — указал Бушуев на снеговые горы. — Там, за этими вершинами.

Сальфо со страхом смотрела на впившиеся в небо снеговые вершины.

Бушуев заметил охватившее Сальфо чувство страха и неуверенности и стал говорить о чудесах своей страны: о городах, улицах, машинах.

Сальфо внимательно слушала и не понимала. Она не могла представить себе того мира, о котором говорил Бушуев. Мерещилось что-то страшное, запутанное, непостижимое. И эта загадка начинала манить ее.

— Почему только твоя страна так далеко от царства Мельк-Тауза? — со вздохом проговорила Сальфо. — И почему так тяжел к ней путь?

— Он тяжел сейчас, пока мы не перешли этих гор, а там дальше путь будет гораздо легче, — утешал Бушуев.

За разговором немного ослабело ощущение усталости. Путники вспомнили о еде и принялись за нее.

Бушуев смотрел на горные вершины и думал, что они вовсе не так близки, как казалось раньше. Их удаляет также и груз, который отнимает много сил и не позволяет передвигаться с необходимой быстротой.

Только к концу дня им удалось перейти мертвое каменное поле. Обессиленные и равнодушные ко всему, они устроились на ночлег среди огромных валунов, сползших с горных вершин. Ночью они жались друг к другу от холода и кутались в шкуры. Эта ночь прошла, как мгновение, и когда их разбудило солнце, то они поднялись слабые и невыспавшиеся.

XIX

Бушуев хмуро всматривался в горные возвышенности и намечал путь.

После короткого завтрака оба путника снова взвалили на себя тяжелую ношу и медленно двинулись вперед. Подъем становился все труднее и требовал все большего напряжения сил. С молчаливой покорностью шла за Бушуевым Сальфо. Если для Бушуева лежащая за горами жизнь оправдывала все переносимые мучения, то для Сальфо не было такого оправдания, и тяжелые испытания теряли для нее смысл. Оставшаяся сзади дикая жизнь была прекра-

снее и легче этого бесцельного движения вперед, становившегося все тяжелее и мучительнее.

Но самое страшное для Бушуева и Сальфо началось на третий день, когда они достигли вечного снега.

Подъем кончился. Пред ними была белая почти ровная поверхность. Надо было только перевалить через небольшую плоскую возвышенность, и тогда начался бы легкий и быстрый спуск. Но не было возможности одолеть это небольшое препятствие. Ослепительно сияла снежная поверхность. Глаза закрывались от острой боли. Солнце обжигало кожу. Воздуха не хватало. Как выброшенная из воды рыба, Бушуев и Сальфо раскрытыми ртами вдыхали прозрачную пустоту и не могли дать уставшим от бесплодной работы легким того, в чем они нуждались. Беспокойно стучали сердца, шумела кровь.

Бушуев, шатаясь, поднялся, сделал несколько шагов по рыхлому, проваливающемуся под ногами снегу и упал совершенно обессиленный.

Сделала попытку подняться и Сальфо — и не могла.

Долго пробыл Бушуев в полной неподвижности, потом постепенно стал освобождать тело от давящей его тяжести. Когда грузный и жесткий узел был сброшен рядом, Бушуев поднялся снова. Ослепленный блеском и обезумевший от напряжения, он дико смотрел вперед. Ноги потеряли твердость и дрожали, тело качалось. Увязая ногами в снегу, Бушуев прошел несколько шагов и упал снова. Но через некоторое время он поднялся и попытался идти дальше. Попытки ограничились несколькими шагами. Снежная поверхность неудержимо влекла к себе. Она тянула беспомощное шатающееся тело Бушуева и не хотела отпустить его. А человек не подчинялся этой тупой и настойчивой силе. Он лежал, терпеливо ждал, пока не накопится в изнемогшем теле необходимая энергия, потом поднимался и двигался дальше. Злость и возмущение в сердце Бушуева постепенно исчезли, уступив место чему-то другому. Он как будто подчинился страшным силам, господствовавшим на горных вершинах. Он покорно падал, покорно лежал и ждал, а когда в нем накапливались силы, он

тихо поднимался, осторожно шел и считал шаги. И, падая от изнеможения, тихо по-звериному радовался, когда число сделанных шагов превышало предыдущее число. Так в тяжелой борьбе незаметно побеждалось расстояние.

Бушуев шел вперед для того, чтобы осмотреть местность, наметить кратчайший путь и таким образом скорее выбраться из полосы снегов и разреженного воздуха.

Но какая-то незамеченная в ослепительном блеске возвышенность мешала окинуть взглядом местность, и Бушуев тянулся к этой возвышенности, намереваясь взобраться на нее.

Заваленные снегом скалы преградили Бушуеву дорогу и он направился к синеющей тени, чтобы спастись от ослепляющего блеска.

Когда глаза Бушуева отдохнули, он внимательным взглядом окинул окружающие предметы и быстро поднялся.

Он был не один. Рядом с собой он увидел еще пять человек. Они были засыпаны снегом, только головы их виднелись снаружи. Из горла Бушуева вырвался хриплый звук, которым он хотел выразить не то вопрос, не то охватившее его недоумение.

Он направился к ближайшей голове, хотел нагнуться, но споткнулся и упал. Тотчас же он почувствовал под собой холодное, твердое, как камень, тело — и понял все. Пред ними были те мертвецы, до которых дошел отец Сальфо.

Бушуев смотрел на застывших людей и думал — что привело их сюда?.. Жадность или же ненасытная любознательность?

Вдруг он заметил торчащие из-под снега небольшие санки. Забыв о мертвецах, он вытащил санки и осмотрел. Неясная мысль всколыхнула его утомленный мозг: какая удачная находка!

Бушуев поставил санки на проложенную ими тропу, а сам осторожно обошел скалистую возвышенность. Сердце его забило от радости. От этой возвышенности начинался пологий скат вниз.

Бушуев возвратился обратно и потащил за собой найденные санки. Оттого ли, что Бушуев шел по примятому снегу или легкие его понемногу привыкли к разреженному воздуху, но обратный путь показался ему легче. Он реже падал от бессилья и скорее справлялся с приступами слабости.

Бушуев нашел Сальфо около вещей.

Она видела уходящего Бушуева, хотела итти за ним, но не могла двинуться с места и плакала покорными, беспомощными слезами. Станный предмет, который полз следом за Бушуевым, привлек ее внимание.

— Что это? — молча, взглядом, спросила Сальфо. — Не поможет ли ей эта вещь преодолеть страшную силу, удерживающую ее на месте.

Бушуев улыбнулся и опустился на снег. Санки подкатились к нему и остановились.

— На это мы положим все вещи и нам легче будет перейти через перевал! — с трудом проговорил Бушуев. Голос у него был низкий и хриплый и говорить было трудно.

Как только Бушуев собрался с силами, он стал нагружать санки вещами. Снова путники двинулись вперед. Бушуев тянул сани, а Сальфо сзади подталкивала их.

Только перед вечером они добрались к тому месту, где начинался склон горы в противоположную сторону.

Бушуев боялся наступающей ночи. У них не было топлива. Наскоро изготовленная одежда не внушала особого доверия. Она расплзалась по грубым швам и была влажна от снега. Надо было торопиться.

Бушуев усадил на сани Сальфо и устроился сзади сам. Он думал, что сани покатаются под откос, но ошибся. Сани вязли в рыхлом снегу и не двигались. Снова пришлось тянуть их и самим вязнуть в сугробах. Но чем дальше вниз спускались путники, тем плотнее становился снег.

В некоторых местах Бушуеву уже приходилось сдерживать сани, стремившиеся быстро скатиться под откос.

Выбрав удобный момент, Бушуев устроил на санках Сальфо и уселся сам, и они покатались вниз. Сперва им часто приходилось останавливаться и извлекать из снега

увязшие сани, но остановки становились все реже и реже, и Бушуев думал только об одном — как бы сдержать стремительный бег саней. На ледниках быстрота движения увеличивалась. Бушуев опускал ноги и пробовал ими сдерживать ход, но встречающиеся неровности били по ногам и причиняли невыносимую боль.

А быстрота движения все возрастала и принимала рискованный характер. Бушуев предполагал, что горный лед постепенно будет уменьшаться в толщине, и под конец превратится в тонкую корку, прикрывающую собой сырую землю.

А дальше за вечным снегом и льдами начнется весенняя грязь, и еще дальше — сырая сочная земля. Бушуев думал, что там остановится наконец бег саней и они выйдут из них. Но получилось другое. Никто не направлял сани, да никто и не мог бы направить их, так как ни Бушуев, ни Сальфо не знали этой местности. Сани стремились вперед сами по себе и как будто нарочно выбирали такие места, где круче был спуск и где можно было развить еще большую быстроту.

Бушуев уже думал о том, что пора прекратить этот рискованный спуск и попытаться выбраться из вечных льдов своими силами.

Мысль осталась невыполненной. Сани докатились до крутого обрыва и соскользнули в воздух.

Падения, смертельных ушибов ждал напуганный Бушуев. Но внизу была лощина, засыпанная сугробами снега. В снег впились сани, затрещали и остановились. Бушуев и Сальфо были ошеломлены, но не пострадали от падения. Однако, этим не окончились их испытания.

Огромный массив из льда и снега с трудом держался на горном склоне. Между ним и землей пробивались ручьи. Они смочили землю, сделали ее мягкой и удобной для скольжения и скопившейся массе льда и снега нужен был толчок, чтобы притти в движение. Этот толчок дали упавшие сани, и снежный массив дрогнул. Он заколебался и тихо пополз вниз. Движение ускорялось с каждой секундой, а вместе с движением нарастал и звук. Глухой шо-

рох перешел в оглушительный треск и грохот. Лопались и расплывались льдины, ломались скалы, дробились камни. Снежное поле несло вперед все быстрее и быстрее. Лыдистая пыль поднялась облаком и скрыла все. Снежная масса под ногами Бушуева шевелилась, встряхивалась. И когда он стал проваливаться в эту распадавшуюся на мельчайшие составные части массу, то бессознательно вскарабкался на сани и крепко держался за них. Беспокойное движение передалось и саням. Они двигались из стороны в сторону, подпрыгивали от толчков и как будто хотели — и не знали, куда вырваться из этого несмолкаемого, оглушительного гула, воя ветра и облаков пыли.

На несколько секунд смолкли грохот и треск, словно остались где-то позади. Только свист ветра как будто стал сильнее. В длинное облако вытянулась снежная пыль. Лавина летела несколько мгновений по воздуху, потом тяжело рухнула на дно ущелья. Образовалась чудовищная снежная куча, по склонам которой сыпалась белая пыль и торопливо катились потревоженные и вывороченные из своих гнезд камни. Вместе с ними с безумной быстротой неслись санки с оглушенными Бушуевым и Сальфо.

Санки докатились до земли, ударились об нее и перевернулись. Все, что было на них, вылетело на землю и осталось неподвижно лежать на ней.

XIX

Успокоились встревоженные горы, умолк грозный грохот. Потревоженные пастухи спустились взглянуть на последствия обвала. Они заметили запыленных снегом и как будто выкрашенных в белое людей, заметили странные свертки.

В людях еще теплилась жизнь. Но люди эти были страшны своей необычной внешностью и таинственным появлением. Ближе валялись странные свертки. К ним в первую очередь приблизились любопытные и робкие пастухи. Лег-

ко сняв размокшие и растянувшиеся ремни, они развернули раскисшие кожи, и из тяжелого свертка глянула на них изуродованная голова павлина.

В слепых глазах Мельк-Тауза пустота, но для наивных людей в них то, что хотелось бы им видеть: в них могущественная сила и предостерегающая угроза.

Страх овладел душами пастухов. Им стало ясно, что это грозное явление вызвал сам великий Мельк-Тауз, спустившийся со снежных высот в зеленую долину.

Пастухи побежали назад к стадам, к оставшимся людям, и их испуганный, предостерегающий крик, звонкий и трепетный, летел впереди их, сзывая, подготавливая к восприятию известия о небывалом.

И в наступающих сумерках к упавшей с горы лавине направились торжественная процессия. Во главе процессии шел шейх Юсуф. Он приказал поднять находившихся в глубоком обмороке людей и все вещи и перенести их в палатку.

Очнувшись в темноте, Бушуев изругался. Эта брань была застывшим и неизлитым настроением злобы и раздражения, скопившихся во время неожиданного путешествия на снежной лавине.

С болью и стонами Бушуев поднялся и сел. Темнота не позволяла разглядеть окружающую обстановку.

Где он?.. В пропасти, в подземельи или еще в какой-нибудь трущобе, куда никогда не заглядывает свет?..

Бушуев взглянул вверх, по сторонам, но всюду была темнота. Под руками что-то мягкое. Он ощупал это мягкое и с недоумением узнал ковер.

«Откуда взялся ковер?» — спрашивал себя Бушуев и продолжал, ощупывая, изучать скрытое темнотой пространство.

Руки наткнулись на что-то влажное и большое. Бушуев прислушался. Влажный предмет дышал.

«Это, должно быть, Сальфо», — сообразил он, и руки его продолжали производить дальнейшие изыскания.

Вблизи оказались все вещи, даже сани. Бушуев успокоился и вместе с тем удивился. Каким образом он, Саль-

фо и все вещи очутились на каком-то ковре и как будто в каком-то помещении? Что это за помещение и где они?

Бушуев поднялся. Протянув руку, он наткнулся на войлочную преграду, услышал какое-то движение за ней и подал голос. Кто-то отозвался на его призыв, и через минуту появился человек с небольшим светильником в руках.

— Где мы?.. — задал вопрос Бушуев.

— У шейха Юсуфа!.. — ответил вошедший.

Пламя светильника разгорелось ярче и осветило внутренность палатки и стоявшего перед Бушевым иезида.

В черных блестящих глазах иезида Бушуев уловил выражение необычайной почтительности.

— Как мы попали сюда?..

— Мы подобрали вас и принесли после того, как вы вместе с Мельк-Таузом на снежном облаке спустились с гор...

На этот раз не только взгляд, но и голос передавал то благоговейное уважение, которое питал иезид к особе Бушуева.

Бушуев обратил внимание на то, что иезид знал о запечатанном в шкуру золотом павлине и сообразил, что его вещи уже осмотрены.

Стон Сальфо прекратил разговор. Бушуев отослал иезида и занялся своей спутницей. Сальфо, так же, как и ее спутник, отделалась одним лишь страхом и нервным потрясением.

Бушуев снял с Сальфо влажные одежды и заменил их найденными в палатке, а также переоделся и сам.

Пришел шейх Юсуф, принес пищу.

Пред Бушуевым был уже не тот шейх Юсуф, с которым он встречался раньше. Это был новый человек, ошеломленный происшедшими событиями и растерянный. Небывалое и непонятное произошло на его глазах. Оно подавило его своей чрезмерностью и необъяснимостью.

— Мы нашли тело твоего проводника на дне лощины. Он упал с Тропинки Испытаний и разбился вместе с лошадью! — проговорил шейх Юсуф.

— Я не видел его с того времени, как ушел в царство Мельк-Тауза... — задумчиво ответил Бушуев.

Весть о гибели спутника наполнила его сознание мрачными воспоминаниями. Погибший был его проводником. И если бы он возвращался с ним обратно, то на дне лоцины под обрывом нашли бы и тело Бушуева.

— Неужели Мельк-Тауз открыл тебе вход в царство свое?.. — взволнованно спросил шейх Юсуф.

— Да!.. — с горделивым удовлетворением произнес Бушуев.

Рот шейха Юсуфа был раскрыт, лицо выражало крайнее напряжение. Он сгорал от нетерпения, ум был переполнен множеством вопросов, а язык не слушался и не передавал в звуках рождавшихся мыслей.

Тогда заговорила Сальфо.

— Сам Мельк-Тауз охраняет его!.. — Сальфо указала на Бушуева. — Он проводит его там, где умирают все. Он прошел там, где никто не ходил. Он прошел и провел меня. Шейх Айо кинул его в пропасть, Мельк-Тауз сделал землетрясение и вывел его оттуда. Мельк-Тауз сказал ему, когда он погасит солнце и зажжет снова. Мельк-Тауз провел его через горы, где лежит холодный белый песок, где нельзя идти. Мельк-Тауз посадил его на облако и спустил сюда.

Горячая торопливая речь Сальфо ответила на все вопросы шейха Юсуфа и наполнила его душу смятением. С боязнью смотрел шейх Юсуф на сидящего пред ним человека.

«Кто это?.. — соображал шейх. — Действительно ли он тот, кем кажется?.. Он творит чудеса. Мельк-Тауз делает для него то, что не делал ни для одного из самых верных и преданных иезидов. А может быть это не человек, а дух великого Адэ, принявшего человеческий облик? Что думает выполнить через него Мельк-Тауз?»

Бушуев сосредоточенно молчал. Его глаза были опущены, мысли затаены. Пусть говорит Сальфо. Она говорит так, как надо этим людям.

Шейх Юсуф, не желая мешать покою необыкновенных людей, ушел, ошеломленный и растерянный.

В душе Бушуева кипела скрытая радость. Он чувствовал, что теперь эти простые люди покорно исполняют любое его желание.

Утром он сказал шейху Юсуфу:

— Дай мне лошадей и проводников. Я уезжаю!

Просяба его была выполнена с торопливой покорностью. Бушуев переложил золото в сумки и приторочил их к седлу.

Шейх Юсуф сопровождал Бушуева.

— Куда ты едешь?..—осторожно спросил шейх.

— Путь мой в руках Мельк-Тауза!.. — уклончиво ответил Бушуев.

Если этот путь доставлял удовольствие Бушуеву, то совершенно иные впечатления испытывала Сальфо. Она впервые ехала верхом. Лошадь пугала ее, а посадка утомляла. Но Сальфо терпеливо переносила мучения и с любопытством наблюдала неизведанный мир. Все кругом было ново для нее и занимательно. Но в этом новом многое было непонятным.

Полдня провожал шейх Юсуф Бушуева, а затем повернул обратно. Кончалось лето. Надо было уводить стада с горных пастбищ в долины. Надо было о многом позаботиться.

Бушуев дружески простился с шейхом Юсуфом и обещал навестить его.

Когда после короткого привала Бушуев снова двинулся вперед, широкая бурная речка преградила ему путь. Сопровождающие Бушуева иезиды нарезали камышу, связали из него снопы, прикрепили их к лошадям и погнали животных в мутные торопливые воды. Быстрое течение сбивало лошадей с ног, они валялись на бок, но снопы камыша удерживали их на поверхности воды. В глубоких местах лошади плыли и, поощряемые тихими выкриками иезидов, неуклонно стремились к противоположному берегу.

XX

Из мира нетронутой первобытной дикости Бушуев и Сальфо перешагнули в мир, к которому прикоснулась культура. Девственную почву она опоясала здесь поясом рельс

и двинула по ним гудящие и громыхающие паровозы.

Страшен и непонятен был этот мир для Сальфо.

И чем дальше подвигались, тем больше окружали его непонятные для Сальфо предметы. Исчезло рваное и грязное платье и появилось новое, никогда невиданное Сальфо. Красочно это платье, но непривычно. И люди кругом другие, и речь у них иная, непонятная, как жизнь их, и действия, и движения. Что-то торопит этих людей, заставляет спешить, какой-то невидимый кнут висит над ними и подгоняет.

Жизнь перестала быть жизнью для Сальфо, а превратилась в какую-то шумную и красочную нелепицу, в загадочный механизм, приводимый в движение такими же загадочными силами. Сальфо хотелось, чтобы скорее кончилось это странное и утомляющее состояние и вернулось прежнее, со своей тишиной, покоем, медлительностью и понятностью.

А Бушуев рад был этой жизни. Он как будто только что народился для жизни и жадно воспринимал ее. Он говорил с окружающими людьми на непонятном для Сальфо языке. Он говорил, смеялся, и люди его понимали и также смеялись. Ничего не понимала только Сальфо и чувствовала себя лишней и бессильной в своем одиночестве.

Мелькали дни, проходили ночи.

Странная и неудобная коробка, в которой поместились Бушуев, Сальфо и много других людей, тряслась и катилась куда-то. Так же тряслась, катилась и громыхала снежная лавина, на которой спустились Бушуев и Сальфо с горных вершин. Куда летит эта коробка — вверх или вниз? Куда она принесет Сальфо?

— Вот город, в котором мы будем жить!.. — проговорил Бушуев и показал в окно.

Сальфо прильнула к окну. И опять пред ней было необычное, угнетавшее своими чудовищными размерами и загадочностью.

Это была огромная площадь, заполненная постройками из камня.

Когда поезд остановился, Сальфо была ошеломлена человеческой суетою. Люди металась, бежали, толкали друг друга и ни на что не обращали внимания. Повидимому, что-то случилось, что-то большое и страшное. Сальфо вцепилась в Бушуева, глядела со страхом по сторонам и не могла найти того, что привело в смятение людей.

Сальфо пугали автомобили, трамваи. Когда Бушуев привез ее в какой-то дом и сказал, что они будут жить здесь, Сальфо в изнеможении опустилась на пол и стала отдыхать от тяжелых переживаний. Новая жизнь не радовала Сальфо. Она затосковала о прежней, простой и тихой. Она не поняла театра, мучилась от музыки, устало смотрела кино-картины. Улицы пугали ее, величина построек угнетала.

Сальфо предпочитала тишину комнаты, сидела в ней с закрытыми глазами и грезилась о возвращении к прежнему.

Новая жизнь как будто подменила Бушуева. Он куда-то исчезал, что-то делал, о чем-то заботился.

И когда одинокая Сальфо услышала во дворе гортанный крик, дикий и непонятный для других, но родной и понятный ей, она выбежала на двор, радостная и возбужденная.

Во дворе стояли два иезида и спорили возбужденно из-за обрывка веревки.

Сальфо засыпала их вопросами, ошеломила и удивила.

На Сальфо было дорогое платье, она не напоминала иезидку, но говорила она на языке иезидов. Курды забыли о веревке.

Для Сальфо началась новая жизнь. Она вошла в соприкосновение с женщинами иезидов, вялыми, ленивыми и грязными. Эти женщины были беднее Сальфо, но они раньше ее соприкоснулись с городом, сплели здесь его жизнь со своими интересами. Эти интересы не шли дальше жалких лачуг и жалких людей, обитавших в них. Они не поднимались до интересов всего населения города, были чужды его духовных и общественных запросов, но все-таки эти ограниченные интересы были пищей для мысли и понятными темами для разговора.

В этом обществе Сальфо нашла жизнь для себя.

Бушуев был рад, что Сальфо вышла из состояния тупого оцепенения и тоски. Он чувствовал, что она, поднявшись сразу от первобытной дикой жизни к культурной, сделала чрезвычайный скачок и миновала ряд промежуточных положений. Знал Бушуев, что такой переход не может быть безболезненным, но успокаивал себя мыслью, что время освоит Сальфо с необычным для нее состоянием.

Общение с незавитыми женщинами не могло дать многого Сальфо, но вместе с тем это общение должно было принести Сальфо некоторую пользу. Жены иезидов познали город раньше Сальфо и восприняли его. Они должны были примирить ее с городом.

XXI

Мулла совершил молитву и благословил притихшую толпу.

Впереди — несколько человек, обречших себя на добровольную пытку. Они в белых саванах. Они сегодня примут страдание и прольют кровь.

Сегодня — Магаррам. Сегодня день печали у мусульманина-шиита.

В далеком прошлом в этот день святые внуки Магомета — имам Гуссейн и Хазрат Аббас — погибли от рук иезидов. И вместе с ними погибли семьдесят правнуков пророка.

В память их будет выполнен кровавый Шахсей-Вахсей.

Люди в белых саванах вышли из глубокой сосредоточенности. Ярче загорелись огоньки безумия в расширенных и невидящих глазах. На лицах — отражение зверинного ожесточения.

— Шах Гуссейн!.. — завыл диким тенором один из людей в саване. Он торопливо поднял саван, оттянул кожу против сердца и проткнул ее ножом. В кровоточащие раны была вдет дужка большого замка и тяжелый замок замкнули на ключ. Этот замок все время будет болтаться на гру-

ди, растревлять рану и усиливать боль, напоминая о той боли, которую перенес имам Гуссейн, хазрат Аббас и вместе с ними все правнуки Магомета.

Ганлы (люди, рассекающие себе головы) взмахнули шапками. Огнем сверкнула на солнце сталь и впиалась в череп. По лицам потекла кровь и обагрила белые саваны.

Толпа отшатнулась, дрогнула от страха и дико, жалобно завывала:

— Ва, Гуссейн!..

Толпа плакала. В день печали надо плакать, чтобы получить спасение.

Люди с кинжалами кололи тело. Железные цепи со свистом рассекали воздух и опускались на тела добровольных страдальцев, впиваясь в мышцы и разрывая кожу.

Белые саваны в кровавых пятнах. Кровь стекает на землю, а обезумевшие люди продолжают истязать себя. Они перешагнули грань нормального, и страдание для них перестало быть страданием, а превратилось в наслаждение.

С воплями и рыданиями мечется около самоистязателей возбужденная толпа. Она тоже на грани безумия. Нет созвучия между ее внутренним настроением и внешним состоянием. Возбужденные силы ищут применения и не находят его.

Пред глазами у всех такие же возбужденные люди. Они беснуются и истязают себя. Они нашли выход для пылающей в них энергии. Толпа не решается на самоистязание. Она — пассивный зритель, остро переживающий ощущения тех, кто наносит себе раны. Она вопит от причиняемой ими себе боли, звереет от вида крови и воплем своим поощряет безумцев на еще большее истязание.

Толпа торопливо катится по узеньким улочкам к кладбищу. Там завершится кровавый обряд. Оттуда некоторых из добровольных мучеников унесут со слабыми признаками жизни, а некоторых, может быть, и мертвыми.

Издали на безумствующую толпу внимательно смотрит загорелый человек. Острые глаза холодно впитывают все: и безумие толпы, и неистовство самоистязателей.

Когда толпа ненормальных людей приблизилась, загорелый человек отошел и исчез в узких, кривых переулках. Он вышел в степь, отыскал брошенного коня, вскочил на него и ускакал.

Это был шейх Юсуф.

В уме шейха Юсуфа туман, в сердце — сомнение. Нет прежней простоты и ясности в восприятии происходящего. Нет в сознании равновесия.

Небывалое в жизни свершилось на глазах шейха Юсуфа, и он не мог найти объяснения свершившемуся. Где получить это объяснение? Кто неясное и непонимаемое делает ясным и понятным?

Только в Лалише¹, у гробницы шейха Адэ, может быть удастся найти ответ на сомнения. Только там разрешится неразрешимое. И шейх Юсуф собрался туда.

Но велик путь до Лалиша и опасен. Лежит этот путь по стране, населенной врагами иезидов. Прошлое завещало этим людям ненависть к иезидам. Они берегут эту ненависть и каждый год страшными обрядами разжигают и усиливают ее.

Шейх Юсуф выждал, пока в неистовствах не были израсходованы излишние силы врагов, а потом собрался к далекой святыне.

Шейх Юсуф по опыту знал, что давно прошли те времена, — если только они были когда-нибудь, — когда святые презирали все земное и стремились только к высшим духовным благам. Корысть и честолюбие свили себе прочные гнезда в сердцах святителей.

Шейх Юсуф захватил с собой золото и дорогие материи и ночью под первый крик петухов исчез.

Дикие звери не знают границ. Они проходят через них, не замечая их. Единственными препятствиями являются для них человеческие поселения, но звери обходят их стороной.

---

¹ Лалиш находится в Турции, около Моссула. (Прим. ред.)

Шейх Юсуф немногим отличался от дикого зверя в эту свою поездку. Он передвигался только по ночам, а с наступлением дня забирался в пустынные места, спал, питался и поджидал наступления спасительной темноты. Ночью открыты все дороги. Только ночью дороги свободны от людей и людского зла. Шейх Юсуф объезжал встречные поселки и старался быть незамеченным. Кругом были только враги, от которых нельзя было ждать ни снисхождения, ни пощады. Вблизи не было ни одного иезидского поселения. Ненависть и враждебность диких курдов-сунитов не позволяла иезидам обосноваться здесь. Легче будет путь шейха Юсуфа, когда он доберется до Алеппинской области. Там много иезидов. Там отдохнет он, подкормит коня и будет передвигаться уже не ночью, а днем.

Третью ночь едет шейх Юсуф. Много раз приходилось ему сворачивать с пути и прятаться в спасительной темноте. Чуткие уши шейха улавливали каждый звук, какой доносится до него. И как только где-нибудь вблизи что-нибудь выдавало присутствие человека, так сейчас же Юсуф покидал дорогу и сворачивал в сторону.

Много опасных мест миновал он, но главное из них впереди. Впереди лежит ущелье, которое мусульмане называют Пастью Шайтана. Но иезиды не могут назвать его так. Шайтан равнозначущ Мельк-Таузу, и это ущелье им известно под названием Ущелья Несчастий. Ущелье — единственное проходимое место, и все дороги со всех сторон тянутся к нему. Много человеческих жизней погибло здесь, много торговых караванов досталось грабителям.

Шейх Юсуф осторожно спустился с горы в лощину. Ему придется ехать по этой лощине, а потом свернуть к проклятому месту. Хорошо было бы миновать его в эту ночь и оставить за собой! Но удастся ли?..

Усталый конь, опустив шею, высматривал и обнюхивал незнакомый путь. Всадник положился на коня и предоставил ему обходить незримые преграды и выбирать удобные места.

Неожиданно конь остановился. Он вытянул голову вперед и чуткими ноздрями начал втягивать ночной воздух.

Он что-то почувствовал и тихо фыркнул.

Насторожившийся шейх. Юсуф натянул повод и стал внимательно присматриваться.

Темная лощина была беззвучна. Горы с той и другой стороны стояли, как черные отвесные стены.

Уши шейха Юсуфа стали улавливать далекий смутный шум. Это небольшая горная речка бежит торопливо по дну лощины, бьется о берега и стучит передвигаемыми камнями. Больше как будто ничего. И все-таки всадник и конь, слившиеся воедино, словно изваянная из темной бронзы статуя, продолжали оставаться неподвижными. Ночь коварна, тьма обманчива. В этой тьме кроется что-то. Конь уже заметил это, а человек — нет. И человек ждет, пока таящееся во тьме проявит себя.

Издали донеслось призывное конское ржание.

Шейх Юсуф прислушался. Чей-то конь отбил от других. Этот конь не свободен. Им управляет человек. Свободный, одинокий конь ржет иначе. Кто этот всадник и где те люди, с которыми он находился раньше?..

Шейх Юсуф насторожился еще больше. Он думал уловить отклик на конский призыв и не услышал его. Очевидно, остальные всадники где-то далеко.

Юсуф осторожно тронул коня и двинулся вперед, все так же внимательно прислушиваясь и всматриваясь.

— Кто этот человек, скрывающийся в темноте?.. — спрашивает себя Юсуф. — Запоздалый путник или хищный курд, ищущий добычи?.. Стоит ли он на месте перед входом в ущелье или бродит по дороге?..

Конь шейха Юсуфа спустился в лощину и осторожно шагнул по незримой дороге. Вот он снова остановился и тихо фыркнул.

Шейх слез с коня, взял его за уздечку и своротил с дороги. Все дальше и дальше уходил шейх, стараясь быть невидимым и неслышным. Около кустов, недалеко от шумливой речонки, он остановился и стал выжидать. Положил руку на морду лошади и как будто застыл. Также неподвижно стоял конь и с таким же напряжением вглядывался в темноту. Человек и животное были в одинаковом поло-

жени и жили одними и теми же ощущениями. Человек на каждый шорох отзывался поворотом головы, а конь неслышно двигал ушами. Но напрасным казалось это напряжение. Кругом была ночь, темная и глухая, и не было в ней ничего живого.

Утомление рождает сомнение, сомнение ведет за собой беспечную надежду. Пойдешь за ними — пропадешь. Знает этот путь шейх Юсуф. Легок он, но тяжел по последствиям. Лучше пройти тяжелым путем к легкому концу.

Конь повернул шею и вытянул морду в сторону дороги. Повернул туда же голову и Юсуф. Там что-то есть. Конь уже услышал что-то, а уши шейха только через несколько минут уловили смутный стук копыт. Какой-то всадник медленно двигался по дороге.

— Это тот, чей конь подал свой призывный голос в темноте!.. — сообщает шейх Юсуф. — Он один и кого-то ждет. Кто это?..

Звуки приближались, усиливались, потом постепенно стали слабеть. Голова шейха Юсуфа медленно поворачивалась и провожала незримый в темноте источник звуков.

Через некоторое время уши Юсуфа уже не слышали стука копыт. Пред глазами был все тот же непроницаемый мрак.

Шейх стоял в прежней неподвижности и ждал, и не напрасно. Глаза его на смутном фоне неба уловили вдруг какое-то пятно. Оно шевелилось и вырастало. Через некоторое время Юсуф разглядел смутный силуэт. На перевале горы остановился курд-грабитель. Он так же, как и Юсуф, напряженно смотрел в темноту и прислушивался.

— Один он, или где-нибудь сзади прячется целая шайка?.. — сообщает шейх Юсуф.

Из темноты донеслось звонкое серебристое ржание. По этому звуку Юсуф определил, что у курда молодая сытая и нетерпеливая кобылица. Ей наскучили ночные блуждания, и она рвется к лошадям, с которыми привыкла находиться в постоянном общении.

— Но где эти лошади?..

Голова шейха Юсуфа повернулась в ту сторону, откуда появился курд, а уши с еще большим напряжением стали впитывать звуки. Но ни одного подозрительного звука не уловил он. Как будто путь впереди был свободен.

Глаза шейха Юсуфа снова сосредоточились на перевале. Смутный силуэт всадника стал уменьшаться. Курд миновал перевал и спускался под гору. Еще некоторое время выжидал Юсуф, потом осторожно выбрался на дорогу и вскочил на коня. Отдохнувший конь уверенно шагал по капризной и неровной дороге, и всадник не сдерживал его торопливого шага. Он думал о том, что Ущелье Несчастий свободно от рабителей, и ему в эту ночь благополучно удастся миновать роковое место.

Перед ущельем шейх Юсуф остановился и подозрительно стал прислушиваться. В ущелье темнота как будто была гуще. Сырой воздух находился в полном покое. И все-таки сердце шейха забило тревожно. Мрачный вид ущелья тронул и его крепкие нервы.

Но ущелье велико, а ночь на исходе: надо торопиться. И шейх Юсуф тронул коня и медленно въехал в узкое, темное отверстие. Стук копыт по каменистому пути отражался от сырых скал и казался громче обычного. Несколько раз шейх останавливал коня и прислушивался к тишине. Она казалась необычной.

Перед выходом из ущелья конь шейха неожиданно остановился. Голова с заостренными ушами вытянулась вперед.

Юсуф быстро соскользнул с седла и встал рядом с головой лошади. Впереди опять что-то кроется, но что?.. Ни уши, ни глаза ничего не обнаружили во тьме, и он осторожно двинулся вперед. Так же осторожно шагал за ним и конь и с прежним напряжением прислушивался и приняхивался к чему-то, скрывающемуся у выхода из ущелья.

В сердце шейха Юсуфа стали нарастать тревога и злость. Что преграждает ему путь? Он остановил коня и осторожно начал пробираться вперед. Перед выходом из ущелья в беспорядке лежали огромные камни, скатившиеся с гор. Среди них в сером предутреннем сумраке шейх Юсуф за-

метил двух оседланных лошадей, а немного дальше — двух притаившихся среди камней курдов.

Сердце шейха сжалось от тревоги и стало холодным, как скала, к которой прильнуло его лицо. Положение его было безвыходным. Он замкнут в проклятом ущелье. Двое грабителей здесь, а третий бродит там, сзади, и теперь, должно быть, возвращается обратно. Если шейх повернет назад, то он столкнется с ним. Выхода нет, но и погибать от рук беспощадных курдов шейху не хочется.

Голову шейха Юсуфа как будто охватило пламя. Он торпливо вывел коня и с силой ударил его ногой в живот. Конь сделал саженный прыжок и бешено помчался вперед. Испуганные лошади курдов попятились к скалам. Курды выскочили из-за прикрытия. Шейх Юсуф увидел в руках у них ружья. Они наведены на коня. Но перед курдами лошадь без всадника, и они не стреляют в нее. Лошадь — благородное животное. Хорошая лошадь для курда дороже денег. Курды бросились наперерез коню шейха и криками хотели замедлить бешеный бег. Но конь шейха Юсуфа не признавал чужих людей. Он сделал скачок, сшиб неосторожного курда и умчался дальше, на простор долины. Пронзительным свистом подозвали курды своих лошадей, вскочили на них и помчались вслед за исчезнувшим конем.

Путь перед шейхом был свободен. Легкие его глубоко вдохнули сырой воздух, и он стремительно побежал из темного ущелья, прыгая через камни.

Вот страшное ущелье пройдено. Далеко отбежал шейх Юсуф от проклятого места, потом повернул к горе и стал взбираться на нее. Он залег среди камней и смотрел отсюда вниз на прикрытую туманной дымкой долину. Уши его жадно ловили визгливые крики курдов, стук копыт. Глаза пытались рассмотреть то, что происходит внизу, но безуспешно. Мешал туман и еще что-то, что влагой покрывает глаза.

В первый раз оскорбил шейх Юсуф любимого коня и так расстался с ним, — расстался, может быть, навсегда.

К вечеру он добрался до поселка иезидов.

Он отказался от пищи, не ответил на тревожные вопросы. Высыпал из кошелька золотые монеты и хрипло проговорил:

— Берите сколько надо, но верните мне коня!..

Два старика согласились помочь шейху Юсуфу. Они долго совещались, вспоминали тех курдов, с которыми были в хороших отношениях. Лида стариков были сосредоточены и хмуры. Тяжелое поручение приняли они на себя: трудно достать у курда коня, если только конь этот хорош. Можно купить самого курда, можно за гроши забрать все его имущество, но коня... С жизнью своей согласится расстаться курд, но не с хорошим конем.

Утром старики не вернулись. Не вернулись они и к полудню. Еще двух иезидов послал шейх Юсуф. Эти вернулись скоро и привезли с собой тела зарезанных стариков.

Их приняли курды, как дорогих гостей, угостили, с почетом проводили на другой день из своего жилья, а потом погнались вслед, остановили и прирезали. Ограбленных и мертвых стариков бросили у дороги. Пусть подберет тот, кому они нужны.

Вручить коня шейха Юсуфа никто больше не согласился.

Раздосадованный шейх купил первого попавшегося коня и умчался дальше на юг. Новый конь был слабым и не ловким. И всадник весь свой гнев, все скопившееся недовольство излил на этом несчастном животном. Он беспощадно гнал его вперед и не давал отдыха. Конь хрипел, покрылся пеной, еле передвигал неги, а всадник с жестоким лицом, с горящими гневом глазами — бил его и вынуждал двигаться.

Около Моссула конь свалился и издох. Шейх Юсуф брезгливо швырнул на мертвое животное кнут и, не оглянувшись, пошел к показавшемуся вдали городу.

Он был измучен долгой ездой, он не спал несколько ночей, и вместе с тем не чувствовал потребности в отдыхе. Гнев и недовольство не исчезли. Они горели в сердце шейха и гнали истомленное тело вперед.

XXII

К белой каменной плите над гробницей пророка Адэ прильнул шейх Юсуф. Его засохшие воспаленные губы шепчут молитвы и рассказывают о всех сомнениях и неудачах. Тепло своего тела передает камню Юсуф, а вместе с теплом как будто изливается и скопившаяся в душе горечь.

Молчит холодный камень с непонятной арабской надписью, но как будто легче становится на душе шейха Юсуфа. Он поклонился могиле великого пророка. Он передал ей все, что таилось в сердце и точило его с настойчивостью древесного червя. Теперь отпущены шейху все грехи и он освобожден от тяжести их...

Шейх поднялся и протекающей через храм водой святого источника утолил жажду.

Чисто выбелены стены храма. На них нет никаких украшений. Через немногочисленные маленькие окна скупо проникает свет. В храме полутьма и холодная неприветливость. На суровых стражей, застывших в угрюмой неподвижности, похожи белые колонны. Не вносит оживления и протекающий через храм святой источник.

Такая же пустота и неприветливость в двух маленьких отделениях, где покоятся гробницы пророка Адэ и других святых.

Шейх Юсуф вышел из храма и внимательным взглядом окинул знакомые места.

Лалиш, — по верованию иезидов, самое святое место на всей земле. Это первое место, которого коснулся бог. Для иезида Лалиш такое же святое место, как Иерусалим для христиан, Мекка — для мусульман.

В древности это место захватили несториане и построили здесь храм в честь Мар-Иоанна. Иезиды выгнали несториан, выкинули из храма чужие святыни и поместили свои.

Замазана известью надпись «Храм Мар-Иоанна». Время изгладило и память о тех людях, которые воздвигли этот храм.

Смотрит вдаль шейх Юсуф.

Лалиш — это глубокий овраг. Одним концом овраг упирается в горы, другим выходит в ту сторону, откуда приплыл бог. Овраг зарос лесом. По склонам тянутся небольшие белые мазанки. Это — помещения для паломников.

Скоро должен быть Джамаи — великий праздник в честь шейха Адэ. Первые паломники уже внесли некоторое оживление в жизнь святого места.

Под деревьями суетятся крикливые кочаки — добровольцы-прислужники. Их человек двести и всех их вызвали для заготовки дров. Кочакам раздали топоры и веревки. Особенно ценна для кочака веревка. Она — символ принадлежности человека к духовной иерархии, близости к священному месту. Она — отличительный знак. Полученную веревку каждый кочак горделиво обматывает кругом шеи и пояса и не расстается с ней ни днем, ни ночью. Эта веревка вызывает почтительное отношение к нему со стороны паломников.

Шейх Юсуф осмотрел суетливую толпу кочаков и направился разыскивать главного шейха.

Главный шейх поглощен был предпраздничными заботами. Он равнодушно дал приложиться к своей руке, потом, узнав шейха Юсуфа, как будто хотел вспомнить что-то и не мог.

— А, это ты! — торопливо произнес он. На простодушное лицо главного шейха набежала тень сосредоточенности и быстро исчезла. — Мы хотели послать за тобой... Что ты там наделал?.. Иди к эмиру — он тебе все расскажет...

Главный шейх исчез в толпе кочаков, не обратив внимания на недоумение шейха Юсуфа.

Эмир жил в деревне Бадриэ. И шейх Юсуф немедленно направился туда.

Дом, в котором проживал эмир, был самый обыкновенный, мало чем отличающийся от окружающих его домов. Он был несколько больше других, по сравнению же с домами неверных чужестранцев, дом эмира был допотопной лачугой. Но с чувством духовного трепета смотрели на него иезиды. Очаг эмира — такая же святыня, как и гробница

пророка Адэ. Эмир происходит из древнего рода Бени-Уммея и ведет свое происхождение от дамасского калифа Иезида, который был одновременно и Мельк-Таузом. Эмир — самое близкое к Мельк-Таузу существо.

Шейх Юсуф поклонился очагу эмира и вошел на террасу дома.

Эмир лежал на ковре и дремал. Голова его покоилась на коленях престарелого кавала¹. Кавал перебирал волосы на голове эмира и бил паразитов.

Свят эмир и свято все, что на нем. Святую одежду эмира может стирать только кавал, отдельно от одежды другого человека. Грязная вода после стирки одежды эмира не может быть вылита в яму. Ее надо выплеснуть в особое место, чтобы святая грязь не смешалась с несвятой грязью.

Святы были и те паразиты, которые водились на голове эмира, потому что они питались святой кровью. Кавал почтительно давил их ногтями больших пальцев и оставлял раздавленных в волосах эмира.

Несколько кавалов, составляющих свиту эмира, сидели на полу и сонно взирали на неторопливые поиски престарелого кавала, удостоившегося особой милости эмира.

Появление шейха Юсуфа потревожило эмира. Он недовольно приподнялся, сел по восточному обычаю и сухо протянул руку.

Шейх Юсуф почтительно приложился к этой волосатой и грязной руке. Он увидел перед собой заплывшее жиром сонное лицо. В узкие щелки смотрели два тупых, холодных и недовольных глаза.

— Я — шейх Юсуф!.. Главный шейх сказал, что ты имеешь ко мне дело, — проговорил Юсуф и вынул приготовленные подарки. Он выложил пред эмиром отрезы сукна, бязи и цветистого ситца.

---

¹ Кавал — слово арабское, в переводе значит — «человек, который умеет хорошо говорить». Кавалы — потомки двух иезидских святых, бывших в услужении у шейха Адэ. Кавалы составляют почетное сословие и являются свитой эмира. (Прим. ред.).

Эмир равнодушно взглянул на подарки и не шевельнулся. Престарелый кавал вытер о святые одежды эмира испачканные в святой крови пальцы и стал ощупывать принесенные Юсуфом материалы.

— Не напал ли на твоих баранов мор и не пожрал ли их волк? — спросил кавал, отодвигая подарки шейха Юсуфа.

— Нет, мои овцы целы, ни мор и ни волки не касались их, — ответил Юсуф.

— Может быть, твои богатства стали пылью, и ты выбросил их на дорогу? — снова спросил кавал.

— Почему ты спрашиваешь это? — с недоумением задал вопрос шейх Юсуф.

Присутствующие кавалы злорадно рассмеялись. Эмир сидел такой же сосредоточенный, недовольный и молчал.

— Я спрашиваю это потому, что нищие факиры приносят эмиру такие же подарки, какие принес ты — самый богатый из шейхов, — ответил кавал.

Шейх Юсуф торопливо опустил руку в карман и вытащил оттуда кошелек. Он раскрыл его, вытряхнул все содержимое на сукно и снова придвинул свои подарки к эмиру.

Рассыпавшиеся по сукну золотые кружочки золотыми искорками отразились в глазах эмира. Рука эмира потянулась к монетам и торопливо стала собирать их, а другая рука протянулась к кошельку шейха Юсуфа.

— Пустой кошелек — лишняя тяжесть. Отдай мне его, и тебе будет легче! — проговорил эмир.

Шейх Юсуф молча передал кошелек.

Эмир собрал рассыпанные монеты и стал перебирать их пальцами, словно ощупывая каждую из них. Потом подкинул монеты и, прищурив глаза, наслаждался их звоном.

— Меня постигла неудача! — стал рассказывать шейх Юсуф. — В ущелье Несчастий я потерял коня и все подарки, которые вез тебе. Я хотел вернуть назад попавшее в руки курдов, но два иезида потеряли жизнь, а пропавшее назад не вернулось.

Эмир ссыпал монеты в кошелек и сунул его в карман. Лицо его снова стало сухим и недовольным, жестокий взгляд

остановился на Юсуфе и внимательно изучал каждую мелочь.

— Кого ты пустил в царство Мельк-Тауза? — глухо спросил эмир.

— Я пустил взглянуть на царство Мельк-Тауза человека, который отнял у курдов похищенный ими синджак. Он один ночью напал на стоянку курдов. Он пустил в них горящие звезды и разогнал их. С ним была милость Мельк-Тауза, — ответил шейх Юсуф.

— Мне говорили, что этот человек унес из царства Мельк-Тауза много золота? — снова задал вопрос эмир, и лицо его стало темнее и жестче.

— Я не знаю, как этот человек проник в царство Мельк-Тауза, — начал рассказывать шейх Юсуф. — Проводник, которого я послал с ним, упал с Тропинки Испытаний и разбился вместе с конем. Я думаю, что сам Мельк-Тауз перенес этого человека через овраг с незримой водой. Мельк-Тауз перенес этого человека и через горы с вечным снегом. Он на облаке опустил его в долину вместе с женщиной и с золотым синджаком. У них был также узел с золотом. Мы подобрали их спящими и перенесли в палатку. ,

— Где этот человек теперь? — торопливо спросил эмир.

— Он ушел на север, — ответил шейх.

— Где золотой синджак и где золото, которое было с этим человеком?..

В голосе эмира звучала злость.

— И золото, и синджак этот человек унес с собой...

Только теперь стало проясняться недоумение шейха Юсуфа. Вот зачем хотел его вызвать эмир. Вот зачем шейх Юсуф был нужен ему. Слухи о том, что произошло в царстве Мельк-Тауза, уже дошли сюда. Их должно быть, принесли кавалы, которым был передан отнятый у курдов синджак.

— Почему ты, нерадивый страж царства Мельк-Тауза, не задержал этого человека и не взял у него золото?..

Гнев эмира нарастал. Слова с его жирных губ срывались вместе со слюной.

— Я не знал, что такова будет твоя воля! — тревожно произнес шейх Юсуф.

— А ты знал, что этот человек — не иезид?..

В возбуждении эмир наклонился к шейху Юсуфу.

— Знал, — тихо ответил шейх.

— Если ты знал это, то не должен был допускать его до осквернения синджака своим прикосновением!

Эмир кричал и стучал грязными волосатыми кулаками по ковру.

— Почему ты думал, что Мельк-Тауз дал золото этому человеку, а почему ты не подумал, что Мельк-Тауз через этого человека и тебя хотел передать золото мне?.. Я просил его об этом. Он обещал исполнить мою просьбу, но ты со своей глупой головой не исполнил волю Мельк-Тауза!..

Эмир задыхался от охватившего его гнева. Он хотел сказать еще что-то, но не находил слов.

— Ты ответишь за все... Иди, нерадивый слугитель. После джамаи мы разберем твоё дело!..

Эмир отвернулся от шейха Юсуфа. Гнев и недовольство его были так велики, что он не хотел осквернить своих святых глаз даже взглядом на провинившегося.

Шейху Юсуфу было душно. С поникшей головой, с ослабевшей в миг волей он неловко вышел из дома эмира и чувствовал, как колеблется почва под ногами.

Эмир, этот святой по происхождению, был злой и жестокий человек. Чтобы захватить эмирство, он собственноручно убил двух братьев. Он был завистлив и жаден. Он нагло отнимал у иезидов все, что нравилось ему. Он разгневался на шейха Юсуфа и теперь не пощадит его.

Потемнел день пред глазами шейха Юсуфа, словно солнце перестало источать живительный свет. Шейх шел, не зная сам, куда и зачем. Скоро будет джамаи. Семь дней будет ликовать и праздновать народ. Но этот праздник не будет праздником для шейха Юсуфа. Праздник пройдет мимо него.

Усталый и изнемогший от тяжелых переживаний, шейх опустился на землю.

— Куда ему идти и где найти приют?.. С кем поделится он горестными мыслями?.. Кто разделит с ним его тяжелое положение?..

Незаметно шло время. Так же незаметно прокралось успокоение в смятенную душу шейха. Вспомнил он, что в Бадриэ живет его друг, шейх Хедэр, из славного и почитаемого всеми рода шейха Гассана-эль-Басри.

Шейх Хедэр вел святой образ жизни и вступил в братство факиров. У него можно было найти отклик на горе.

И шейх Юсуф отправился к нему

Шейх Хедэр встретил Юсуфа ласково.

— Войди в дом мой и отдохни! — приветствовал он гостя.

Равнодушно ел Юсуф принесенную пищу, молча пил. Шейх Хедэр внимательно смотрел в лицо гостю, качал головой и шептал молитвы. Он слышал о том, что случилось у шейха Юсуфа, болел душой о несчастьи друга и не спрашивал. Лицо Юсуфа говорило о том, что положение серьезно. Но разве облеγχится это положение, если шейх Юсуф расскажет о нем?

А Юсуф думал в это время:

— Неужели так велико мое преступление?.. Неужели эмир не мог отнестись к нему иначе?.. Что, в сущности, я сделал?.. Эмир говорит, что я должен был задержать этого человека и препроводить к нему, так как Мельк-Тауз обещал дать золото ему, а не этому человеку. Но если Мельк-Тауз обещал золото эмиру, так он и дал бы ему. А раз золото дано не эмиру, то значит — оно и предназначалось не эмиру.

— Сегодня Озман делается факиром, — сказал шейх Хедэр. — Пойдем к нему.

Не все ли равно, где быть шейху Юсуфу? Он равнодушно пошел за Хедэром, продолжая думать о своем.

Иезиду Озмону прискучила жизнь. Была она бедна, пуста и однообразна. Рождались дети, и вместе с детьми как будто нарождалась и росла нужда. Правда, Озман мог довольствоваться немногим, но и это немногое часто приходилось добывать с трудом. Шевелились недовольные мысли в голове Озмана. Что-то в жизни его идет не так. Что-то надо изменить, но что?.. Факиры живут как будто лучше. У них жизнь правильнее. И Озман решил посвятить себя в

факиры. Факиром может быть всякий. Для этого не надо отречься ни от дома, ни от жены, ни от семьи. Факир должен только вести праведную жизнь. Озман был тихим человеком, никому не причинил зла, и никто не возражал против желания Озмана вступить в факиры.

Шейх Хедэр был факир. Поэтому ему пришлось наставлять и готовить Озмана к вступлению в факиры.

Сорок дней находился Озман в уединении и постился. В эти дни он носил одно белье и куртку. На шее у него был надет магак (узда) — веревка черного цвета. Она напоминала о повиновении и удерживала от грехов и пороков.

В течение сорока дней Озман видел только одного факира, приносившего ему пищу.

Благополучно кончился сорокадневный пост и уединение. Теперь Озман должен был угостить всех знакомых. И во время этого пира состоится обряд посвящения Озмана в факиры.

Пришедших шейхов собравшиеся в тесном и грязном помещении люди встретили почтительным молчанием. Шейх Хедэр подошел к Озмону и строго спросил его:

— Выполнил ли ты все, что полагается выполнить вступающему в факиры?

— Я постился сорок дней. За эти дни я не видел никого, кроме святого факира. Ум мой все время был занят благочестивыми размышлениями. Магак (узда) помог мне удержаться от греха! — ответил Озман с искренним чувством.

Он был правдив и говорил то, что было. Люди, богом которых является сатана, имеют ограниченный круг грехов, и воздержаться от этих грехов человеку, обремененному семьей, легко. Сорок дней в полуголодном безделье провел Озман. Он голодал днем, но с заходом солнца приходил факир и кормил его. Сорок дней ничего не делал Озман. Он сидел, лежал и спал. И большею частью думал о том, как изменится его жизнь с посвящением в факирство. Люди будут относиться к нему с большим почетом. Он будет пользоваться уважением, каким не пользовался раньше. Несомненно, и жизнь изменится, не будет такой пустой и нищей, какой была раньше.

Озман торопливо скинул с себя грязное белье, в котором провел сорокадневный пост. Теперь он оденет священную одежду факиров. Эту одежду носил сам шейх Адэ. За эту одежду Озмана будут почитать все, а если он умрет, то никто, кроме факиров, не посмеет прикоснуться к нему и снять с него это одеяние.

Шейх Хедэр подал Озмону белые бумажные кальсоны, и Озман торопливо натянул их на себя. После этого шейх Хедэр дал ему длинную шерстяную рубаху черного цвета. Она спускалась на четыре пальца ниже колен. Затем с душевным трепетом надел Озман шерстяную куртку. Свята одежда факира, а куртка в особенности. На эту куртку нельзя сесть. Когда факиру приходится садиться, то он должен заботливо подобрать куртку и полы ее закинуть за пояс. Черная шерстяная шапка, сплетенная Озманом из волоса, украсила его голову. Черная шерстяная веревка опоясала стан. Пара обыкновенных башмаков была надета на ноги. И черный магак, как вечное ожерелье, обвил шею и свис на грудь. Этот магак факир не имеет права снимать ни днем, ни ночью и не расстается с ним даже в бане.

Одевание Озмана закончилось машлагом — верхним платьем.

— Теперь, Озман, ты стал факиром! — торжественно произнес шейх Хедэр. — Избегай ложной присяги, не лжесвидетельствуй, не кради, не прелюбодействуй. В сердце и на языке пусть у тебя живет правда, и ты умрешь святым человеком.

Лицо Озмана не могло утаить охватившей его большой радости. Он чувствовал, что поднялся на ступень выше и стал значительнее. Общее внимание и оживление свидетельствовали об этом.

Гостям была предложена пища, и все с жадностью накинулись на нее. У всех был такой вид, как будто совершилось что-то большое и значительное, и это совершившееся изменит к лучшему не только жизнь Озмана, но и жизнь всех присутствующих. И только у одного шейха Юсуфа оставалась на лице прежняя хмурая сосредоточенность. Он смотрел на ликующего, не находящего себе от радости места Оз-

мана, и чувствовал, как в душе у него рождается беспричинная ненависть и вражда к этому темному, доверчивому человеку.

XXIII

Пылают костры около храма Адэ. Пылают они и по склонам ущелья. И всюду, куда ни обращается взгляд, — огни и трепетный свет. Щедро и безжалостно уничтожаются труды кочаков. Праздник начался, и теперь можно быть щедрым. Всем паломникам отпущены грехи. Отпущены грехи — и покончено с жизнью, обогащавшей людей только грехами. Души людей подготовлены к восприятию новой жизни. И все ждут этой новой жизни, легкой, радостной и необычной. Но она почему-то не торопится притти. И нет ничего необычного в тихо плывущем времени. Все также поднимается солнце, греет, а к вечеру скрывается за горизонтом. Приходят темные и холодные ночи. Надо разжигать костры и греться около них. И в новой жизни необычно только то, что нет в ней тяжелого труда, что кто-то избавил паломников даже от заботы о топливе. Дров заготовлено много. Жги их — и празднуй.

И люди празднуют. Недостающее они восполняют своим настроением. Они ликуют без повода и причины. Лица отражают большую радость. Звучит эта радость в их бестолковых криках и в смехе.

Кабана¹ — начальница Факрай², суровая старуха, с утра до вечера лепила пилюли из священной земли шейха Адэ.

---

¹ Кабана по-персидски означает «глаз». Она наблюдает и руководит прислужницами.

² Факрайя — прислужница при храме шейх-Адэ. Факрайя производится от слова факир и значит нищенствующая. Факрайи выбираются из иезидок — девушек и вдов. Они обязаны вести целомудренную жизнь. (Прим. ред.).

С грязными руками сидела она на берегу протекавшего по храму источника и из мокрой земли делала катышки. Эти комочки-пилюли «земзем». Они обладают чудодейственной силой. Этими пилюлями можно заменить молитву отсутствующего шейха. С помощью этих пилюль без шейха можно выполнить любой обряд. Кабана заготовила их множество, но спрос на пилюли «земзем» был так велик, что ей вновь пришлось заняться изготовлением их. Желтое сморщенное лицо кабаны отражает глубокую сосредоточенность. От торговли пилюлями она выручила много денег, но у ней не было времени подсчитать их. И вот кабана пытается определить, сколько же все таки получила она и какую сумму ей надо израсходовать на подарки эмиру и главному шейху.

Есть еще один источник доходов у кабаны. Она может беседовать с Мельк-Таузом. Мельк-Тауз за праведную жизнь удостоил ее такой милости, и во время сна отвечает на вопросы кабаны. Но никто на этот раз не обратился к ней и не попросил вступить в беседу с божеством.

К кабане подошел пожилой иезид, босый, в грязных и рваных штанах и с забранной за пояс курткой. Это — фарраш. Он должен каждый вечер зажигать пред святыми могилами огни, а по утрам тушить их.

— Пойдем, кабана! — говорит он. — Пойдем зажигать огни!

Кабана смотрит на подслеповатое окно храма. От долгого сидения ее тело онемело и ей лень подниматься. Но тускло окно, слаб солнечный свет, — надо итти.

— Пойдем! — настойчиво произнес фарраш. — Вчера я не успел зажечь всех огней. Святым пришлось встретить ночь в темноте.

Лениво поднимается кабана, кряхтит. Затебли ноги. Как будто тысячи иголок вонзились в них и колят со всех сторон.

На блюдо из жженой глины кладет кабана раскаленные угли, раздувает их и посыпает ладаном. Белый благоухающий дым поднимается над блюдом.

Кабана готова.

Фарраш со светильником в руках идет впереди и зажигает площадки у священных могил. Много таких могил, некоторые из них на большом расстоянии друг от друга, и фарраш бежит вперед с торопливостью испуганной собаки.

Кабана медленно обходит могилы и дымит ладаном. Она окуривает только ближайшие наиболее священные могилы, и ей незачем гоняться за суетливым фаррашем.

Кабана обошла ближайшие могилы, и оставшийся на блюде пепел осторожно ссыпала в костер. Хмурым взглядом окинула двор и храм. Всюду чистота и порядок. Факрайи, после нашествия паломников, успели подмести его и убрать сор.

Кабана идет и подбирает подсохшие пилюли. Завтра с утра она откроет торговлю ими.

Уже стемнело, когда возвратился фарраш, уставший, вспотевший, но довольный собой: до наступления темноты он успел зажечь огонь у всех могил. Святые не будут в претензии на него. Они встретят ночь с огнем, и им не придется дрожать от тьмы и холода.

В ближайшей к храму мазанке собрались все факрайи. Они зевали, чесались и лениво переговаривались.

— Хороший праздник вышел в этом году!

— Народу много пришло.

— Подают хорошо.

— Кругом огни. От огня ночь стала светлее дня.

Эти фразы говорились вчера, позавчера. Повторялись они утром, днем и вечером. Все говорили их и все прислушивались к ним. Кроме этих фраз мозг не рождал ничего другого.

Шейх Юсуф приютился в одной из мазанок на склоне ущелья. Он был единственным паломником, души которого не коснулась радость. Все творившееся кругом походило на сновидение. Оно не трогало сердца, не тревожило мысли. Шейх Юсуф смотрел на окружающих его людей и не понимал их. Зачем собрались эти люди и почему так крикливы они? Что приводит их в такое повышенное настроение? Не видел Юсуф ни повода для такого сборища, ни оснований для крикливых настроений. Память шейха молчала о

том, что в прежние приезды и сам шейх был одним из таких же беснующихся людей, какие окружают его сейчас. И тогда так же, как теперь у этих людей, его состояние не оправдывалось ни поводом, ни причиной.

Шейх Хедэр с большим трудом разыскал замкнувшегося в своем настроении и притаившегося Юсуфа.

Шейх Хедэр коротко приветствовал друга и подсел к потухающему костру. Он щедро подбросил в него топлива и как будто все внимание сосредоточил на огне. С усердием дул он на тлеющие угли. Покрытые пеплом угли оживали. Они наполнялись теплом и светом. Вспыхнуло трепетное пламя. От дуновения оно покорно отклонялось, словно хотело сорваться и улететь в темноту.

— Душа твоя подобна потухающему костру, — тихо проговорил Хедэр, — еще немного — и в ней останется одна холодная зола.

— Справедливость — топливо для души. Когда нет справедливости, то душе лучше погаснуть!.. — ответил Юсуф.

Хедэр нагнулся над костром и еще старательнее стал раздувать его. Его лицо пламенело тем огнем, который разгорался от его дуновения, а глаза блестели и были похожи на два раскаленных уголька.

— Справедливость приходит и уходит, — ответил он на слова шейха Юсуфа. — Если ее нет сейчас, то кто может сказать, что она не придет завтра?..

— Я не говорю, что она не придет; я говорю, что ее нет!.. — с тем же усталым равнодушием произнес шейх Юсуф.

Пламя разгорелось и окрепло. Оно весело танцевало над дровами и тянулось вверх, за улетающим к черному небу дымом.

Шейх Хедэр протянул к огню руки, словно он мыл их в пылающей воде.

— Я принес тебе пицци и денег... Возьми их, — произнес он после долгого раздумья. — Сходи к кабане и спроси чрез нее Мельк-Тауза, чего он хочет от тебя и что делать тебе...

Ушел Хедэр, оставив другу хлеб и вареную курицу. Шейх Юсуф, глядя на пищу, вспомнил, что он давно не ел. Голод победил равнодушие и заставил притти в движение руки и

челюсти. Наполнился желудок Юсуфа, и вместе с пищей проникла в тело свежая, бодрящая сила. Она заставила подкинуть в костер топлива, она же подняла Юсуфа и направила к соседним кострам. У каждого костра сидели люди и неторопливо ели. Еда была единственной работой в дни праздника. Но всю пищу приходилось принимать в холодном виде, так как около могилы пророка Адэ воспрещалось готовить. Это было недостатком, несколько омрачавшим праздничное настроение.

Шейх Юсуф попросил воды. Утолив жажду, он подумал о совете шейха Хедэра.

— А что если ему обратиться к кабана? Может быть, великий Мельк-Тауз укажет что-нибудь...

От одного костра к другому шел Юсуф. И везде он видел одно и то же. Сидели у пылающих огней грязные, оборванные люди и лениво ели. Ели не потому, что хотели есть, а только оттого, что больше нечем было заняться. Было что-то гнетущее и жуткое в этом ленивом пресыщении от безделья. И шейх Юсуф под конец перестал уже глядеть на сидящих у костров людей.

Храм Адэ находился в тесном пылающем кольце. За огнями белели стены, и строение храма в полутьме казалось выше и грандиозней.

В небольшой пристройке к храму приютилась кабана. При колеблющемся свете небольшой площадки она пыталась пересчитать вырученные белые никелевые монетки. Пересчитать их было нетрудно. Таких монет не так уж много. Хуже с грязными медяками. Их очень много. Кабана сортировала их, подсчитывала, путалась и начинала снова.

Шорох в дверях заставил кабана прекратить трудное, но приятное занятие. Она быстро села на разложенные по земле деньги и с неудовольствием взглянула на двери. К ней приближался мужчина с бледным лицом и темными и суровыми глазами.

— Слушай, кабана, — проговорил вошедший, — я хочу узнать волю Мельк-Тауза.

Он вынул из кармана несколько никелевых монет и швырнул их на платье служительницы храма. Кабана не ше-

вельнулась. Бледное лицо, глубокие морщины и немигающий пристальный взгляд захватили все ее внимание. В толпе паломников она не видела ни одного такого лица. Там были лица оживленные, и глаза на этих лицах были похожи на дешевые блестящие бусы. На этом же лице морщины скорби и ожесточения, а в глазах суровость одиночества и надменная холодность.

— Кто ты?.. — спросила кабана.

— Я — шейх Юсуф, — ответил вошедший. — Узнай, что готовит мне Мельк-Тауз...

— Ты — шейх Юсуф?.. Ты оттуда, где царство Мельк-Тауза?.. — прерывающимся голосом сказала кабана.

Она схватила плошку с горящим в ней светильником и поднялась. Белые монеты с нежным звоном упали на пол и разбежались во все стороны. Никто не обратил на них внимания. Пред лицом шейха Юсуфа дрожало и колебалось пламя жалкого светильника, а за ним было вытянувшееся лицо старухи с острыми крысиными глазами и с загоревшимися в них огоньками ненависти.

— Ты — шейх Юсуф?.. — злой шопот срывался с тонких и сухих губ старухи. — Пусть все несчастья мира упадут на твою голову!

— Что сделал я тебе злого?.. — в недоумении спросил шейх Юсуф.

— Что сделал ты Га-усо, то сделал и мне!.. — злобно выкрикнула кабана. — Я — мать его. За что ты погубил моего сына?

— Он нарушил заветы шейха Адэ... Он, мирид, похитил дочь шейха и хотел жениться на ней!.. — растерянно стал оправдываться шейх Юсуф.

— Он нарушил святые заветы — и вы погубили его, а когда вы нарушаете их, то вам нельзя и сказать об этом? Будьте прокляты вы!.. Уходи отсюда, окаянный, или я разобью этот светильник о твою голову и выдеру твои волчьи глаза.

Лицо старухи исказилось от гнева, на губах выступила пена, а плошка с небольшим язычком пламени прыгала в дрожащей руке. Рука не удержала плошку; она упала на

утоптанной земляной пол и потухла. Старуха кинулась на шейха и стала душить его. Юсуф без особого труда освободился от цепких костлявых рук и со злобой отшвырнул от себя обезумевшую прислужницу храма. Она ударилась о стену, глухо охнула и упала на пол.

Юсуф вышел из пристройки, а вслед ему неслись дикие выкрики, проклятья и зловещий смех.

Шейх был ошеломлен и растерян. Что означает поведение кабаны?.. Кто говорил ее устами — сердце матери или гнев Мельк-Тауза?

Он вышел из кольца окружающих храм Адэ огней и направился к своему жилью.

От костра к костру бродил в темноте фарраш. В руках у него была глиняная ваза, а в ней — небольшой светильничек, зажженный от огня у великой могилы. Фарраш разносил среди паломников святой огонь и предлагал каждому коснуться этого огня и очиститься.

Паломники грели над огнем руки. Движения рук походили на те, какие проделываются при умывании. Со стороны казалось, что люди моют свои грязные руки в незримых струях, поднимающихся от огня, но не только руки очищали паломники над огнем. Они старались вдохнуть в себя священное пламя и, обжигая носы, втягивали в легкие удушливую копоть светильника.

Руки фарраша торопливо принимали щедро сыпавшиеся гроши, и сердце его переполнялось сознанием значительности и важности исполняемого им дела. Приблизился фарраш и к шейху Юсуфу, но тот отвернулся от святого огня и торопливо исчез в темноте.

Наступил последний день праздника.

Прибыл эмир, окружённый свитой кавалов. Под восторженные крики истомившегося от праздности народа он проследовал в храм.

Паломники жадной толпой окружили храм и зорко следили за каждой мелочью, за каждым движением священнослужителей. Сегодня должны были быть выполнены главнейшие праздничные церемонии. Служители храма, от высших до самых низших и ничтожных, имели глубокомыс-

ленный и удрученный вид. Они суетливо метались во все стороны, были озабочены и как будто не находили себе места. Ко двору храма пригнали четырех баранов. Их гнали пастухи, кочаки, кавалы, факиры и даже несколько шейхов. Свита, сопровождавшая баранов, была пышнее и многочисленнее свиты эмира. Но это были жертвенные, а не простые бараны, и толпа паломников, метнувшись к животным, стала помогать погонщикам. Перепуганные бараны, вскидывая тяжелые курдюки, бросились бежать, а следом за ними бежали дико оравшие и вопившие люди.

Баранов загнали во двор. Теперь их надо было резать, обдирать и варить. Каждый паломник видел, как режут баранов и резал их сам, но зарезанные ими бараны были обыкновенными баранами, а эти были жертвенными, и резали их в необычном месте. Толпа богомольцев кинулась к забору. Паломники давили друг друга, дрались и лезли к щелям. Во дворе храма бараны были окружены густой толпой кочаков, факиров и кавалов, и паломники видели только спины этих людей.

Бараны были зарезаны и освежеваны. Мясо изрезано на маленькие куски и свалено в большие котлы. Желающих позаботиться о кострах под котлами нашлось больше, чем нужно. Каждый тащил к котлам дрова. Дров набралось столько, что на них можно было бы сварить несколько слонов. Из принесенных дров были выбраны самые лучшие и сухие поленья. Котлы понемногу начинали закипать, и аромат вареного мяса распространился по воздуху, щекоча обоняние и раздражая аппетит. Семь дней люди не ели горячей пищи, и варево из баранины, приготовленное наспех, казалось им небывало вкусным.

Сваренное мясо выложили на блюда и понесли в храм. Главный шейх, нервничая и торопливо шепча молитвы, благословил мясо.

Эмир первый выбрал наиболее лакомый кусок и съел его. Вслед за ним жадно протянул руку и главный шейх. Затем потянулись за кусками мяса шейхи, пиры, факиры, кавалы, кочаки. Каждый старался захватить кусок побольше и повкуснее и поскорее уничтожить его.

Из храма духовенство направилось к народу. Кавалы неистово били в барабаны, дули во всю мощь легких в бамбуковые флейты.

Оглушающий шум несся из храма. Он был так силен, что, казалось, производили его не люди, а пришедшие в исступление силы природы.

Толпа была ошеломлена. Она притихла и испуганно смотрела на приближающихся людей.

Адский шум и грохот сразу оборвались. Их сменил неистовый призывный крик:

— Глилаон!.. Глилаон!.. Глилаон!..¹

Это вопили эмир и все шейхи. Они взывали к Мельк-Таузу, и просили его открыться своим последователям.

Мельк-Тауз не услышал призывного крика и не открылся. Тогда эмир взял кусочек мяса и медленно съел его.

Кочаки и кавалы дали десять залпов, наполнив воздух треском, дымом и пороховым запахом.

Блюда с бараниной врезались в толпу с паломниками, Около каждого блюда — давка и крики. Каждый стремился куснуть святого мяса, но кочаки и кавалы не дают мяса даром. Его может получить только тот, кто заплатит.

Вот мясо распродано. Вместо мяса на испачканных са-лом блюдах сверкали деньги. Их отнесли в храм.

Народ удалился от храма, так как теперь в храме совершается великое священнодействие.

Из помещения, напоминающего шкаф, извлечены медные синджаки. Факиры бережно взяли их и омыли в холодной воде источника «Зем-зем». Один из медных павлинов обряжен был в шелковое платье.

Отхлынувшая от храма толпа паломников вернулась вновь.

Вновь раскрылись двери храма, и через них вышел эмир и шейхи. Впереди шли кавалы. Они в божественном исступлении плясали, прыгали, пели. Их прыжкам могли бы позавидовать дикие козы. Пляска их была полна неистов-

---

¹ Г л и л а о н — откройся нам! (Прим. ред.).

ства, а пение способно было оглушить. Восторг беснующихся людей передался паломникам.

Вот он явился нам.
Он светлее солнца,
Он ярче звезд.
Пляшите и радуйтесь все! —

— кричит первый кавал и показывает, как надо плясать и петь. Он не жалеет сил. Он кричит так, что его слышно за пределами лощины. Кавал в своем усердии старается перещегоолять остальных и струйки пота ползут по его лицу, смывают грязь и проводят линии на загорелой коже.

— Радуйтесь и кричите.
Мельк-Тауз с нами.
Он не покинет нас.
Кричите и пойте!

—вопит другой кавал.

Над головами поднимается медное изображение, одетое в шелковые тряпки. Толпа издает радостный вопль. Визгливыми возгласами передают женщины свое восторженное изумление.

Паломники начинают подражать кавалам. Они пляшут, скачут и поют что-то дикое и иступленное.

Над беснующимся человеческим стадом возвышается медное изображение птицы, одетой в пестрые тряпки. На голове птицы углубления, заменяющие глаза. Она смотрит этими жалкими подобиями глаз на беснующуюся толпу, а потом начинает подпрыгивать и трепетать шелковыми лохмотьями.

Это человек, державший синджак, не устоял и тоже пустился в пляс.

XXIV

Пустеет святое место. Расходятся паломники из Лалиша во все стороны. За семь дней, проведенных в бездельи около святого храма, они съели все принесенные продукты и израсходовали все деньги.

Паломники видели священное изображение Мельк-Тауза, поклонились всем святым могилам и получили прощение грехов. Но все это не изменило жизни. Впереди — пыльные бесконечные дороги, а в конце их, в сырых и грязных землянках, притаилась неизменная нужда. Она поджидает паломников, и когда они придут, пыльные и измученные, нужда вцепится в них и будет грызть их попрежнему.

Сознание туманится неудовлетворенностью. Много видели паломники в Лалише, но не все показали им. Паломники ушли, а шейхи, пиры и факиры остались в храме. Они изгнали из храма всех посторонних и замкнулись в нем. Там что-то произойдет необыкновенное, чего недостойны видеть мирские люди.

Что произойдет в храме?.. Может быть, к шейхам и факирам явится сам Мельк-Тауз и будет говорить с ними? Может быть, Мельк-Тауз совершит для них какие-нибудь чудеса, которых не удостоились видеть не только простые миряне, но даже кавалы и кочаки?

Все дальше и дальше уходят паломники, а мысль цепляется за святое место и не хочет расстаться с ним.

В храме Адэ, на небольших глиняных табуретках, сидели эмир, все шейхи и пиры. Факиры, одетые в особые шапки и балахоны, пели и плясали перед ними. Но скучны были пляски святых людей и однообразны их песни. В плясках и песнях кавалов больше захватывающего исступления и дикой страсти.

Зевает эмир. Устало смотрит и слушает главный шейх. После перенесенных святых трудов они имеют право на более веселый отдых и более занятое развлечение.

Глаза эмира остановились на одном из факиров с темным чугунным лицом и жгучими пристальными глазами. Он не пел и не плясал, как другие. Его босые, грязные ноги топтались на одном месте, а сам факир не двигался.

— Кара-баш¹, что же ты не повеселишь нас? — спросил эмир черного факира: — Или твоя святость железными путами легла на ноги и не позволяет им двинуться?

— Для моего танца нужно много места, и я жду, пока оно освободится!.. — с лукавой улыбкой ответил черный факир.

Эмир нетерпеливо махнул рукой; крутившиеся пред шейхами факиры сразу остановились и прекратили свое завывание.

Кара-баш подобрал балахон, изогнулся и выставил зад, прикрытый рваными грязными тряпками.

Зрители насторожились от странного поведения факира и с недоумением выжидали.

Двигались грязные ноги факира и выстукивали странную дробь. Вдруг ноги замерли, но зато зад пришел в необычное движение.

Кара-баш во время своих скитаний видел танец живота. Святая голова факира не лишена была некоторой общезначительности, и танец живота Кара-баш превратил в танец зада. Уединившись в пустынные места, он молился там и упражнялся. Упражнения Кара-баша оказались чрезвычайно успешными. Никогда храм Адэ не слышал такого неистового хохота. От смеха дрожали стены и сотрясался пол. Эмир свалился с табуретки и катался по полу, оставляя мокрые следы. Визгливым детским смехом и слезами заливался главный шейх. Некоторые из шейхов и пиров ржали, как вырвавшиеся на волю сытые лошади.

А Кара-баш продолжал показывать свои достижения. Танец дополнялся уморительными жестами и мимикой.

---

¹ К а р а - б а ш — турецкое слово, означает оно: черная голова. Такая кличка дана турками факирам за то, что они носят черные шапки с черными повязками. (Прим. ред.).

Но нельзя смеяться без конца. Сильный смех утомляет так же, как утомляет напряженный труд.

Когда Кара-баш закончил свой танец, большинство уже не смеялось, а устало отдувалось и оправляло одежды.

Развлечение закончилось дележом денег. Эмир забрал большую часть выручки себе, среднюю передал шейхам и пирам, а меньшую—факирам.

На этот раз деньги делились без обычной сосредоточенности и алчности. Внимание большинства все еще было приковано к Кара-башу.

— Знаменитый факир выйдет из тебя!.. — говорили многие и поощрительно хлопали Кара-баша по плечу. — Это сам Мельк-Тауз научил тебя такому танцу.

Многие не сомневались, что Кара-баш станет большим святым.

Эмир ссыпал забранные деньги в мешок и направился к выходу. Шейхи, пиры и факиры разбились на две группы и делили предоставленные им медяки.

У дверей храма эмир свистнул, и со двора на свист прибежала свита. Эмир передал одному из кавалов мешок с деньгами и произнес:

— Я не видел шейха Юсуфа. Где он?

— Он лежит в одной из тех мазанок!.. — отозвался ближайший из кавалов.

Эмир ухмыльнулся.

— Пусть полежит и отдохнет!.. — произнес он язвительно. — Скоро я созову суд равных, и тогда он заговорит.

Эмир в сопровождении кавалов пешком добрался до своего жилья. Он высыпал на ковер принесенные деньги и заставил кавалов подсчитать их, а сам сидел перед деньгами и зорко следил за тем, чтобы какой-нибудь медяк случайно не прилип к чьим-нибудь жадным рукам.

Кавалы всячески старались проявить свое усердие и заботливость о добре эмира. Каждый из них хотел снискать благоволение своего владыки, так как милость эмира сулила сытость и богатство. После праздника джамаи один из синджаков должен был направиться на север. Ему предстояло длинное путешествие. Он должен был пройти чрез

границы и побывать у всех иезидов. Каждый иезид должен был сделать синджаку пожертвование, смотря по состоянию, так как шейх Адэ, сделав из меди семь синджаков, сказал:

— «Вот мои образа, — их будут ежегодно вывозить к вам. Все, что вы перед ними положите, вы дали мне».

Но эмир не в состоянии был объехать все провинции и собрать подать, и право сбора дани давалось им на откуп кавалам. Вместе с синджаком кавалы брали с собой пилюли «земзем» и торговали ими. Аренда синджака была единственным доходом кавалов.

Обычно эмир задолго до выхода синджака начинал торг с кавалами, но теперь он почему-то молчал.

Свита недоумевала.

— Что означает это молчание?.. Уж не сдал ли эмир это право кому-нибудь потихоньку от других?

Но если бы торг состоялся и кто-нибудь из кавалов завладел синджаком, то об этом было бы известно.

Когда подсчет денег был закончен, один из наиболее приближенных кавалов решил заговорить с эмиром о предстоящем путешествии синджака.

— На севере скоро будет очень холодно. Чтобы попасть туда и перебраться чрез высокие горы, надо поторопиться, — начал издавека кавал.

Эмир выслушал кавала и ничего не ответил.

Все кавалы сидели пред эмиром на корточках и с жадным вниманием следили за лицом владыки. Но лицо это было холодно и сосредоточено, и нельзя было понять, о чем думает эмир.

Начавший разговор кавал почесал в голове, потом за пазухой, подумал и решил поставить вопрос яснее.

— Тот, кто пойдет на север с синджаком, должен подготовиться. Путь длинный и тяжелый, — сказал он.

Кавалы тихими возгласами выразили свое согласие с говорившим.

Но эмир внимательно выслушал и эту фразу и также промолчал.

Кавал недоумевал. Что-то случилось с эмиром. Он никогда не был таким. Раньше для разговора о деньгах эмира

можно было разбудить в любой час ночи, и он с удовольствием стал бы беседовать на эту тему до утра и не уснул бы. А теперь эмир молчит и не отзывается на все подходы к щекотливому вопросу.

Кавал усиленно чесался и так же усиленно соображал, как бы снова завести разговор на интересующую всех тему, не показавшись слишком назойливым.

— Слушай, эмир, какой откуп ты думаешь взять за этот синджак?.. — выдал, наконец, из себя вопрос кавал.

Эмир посмотрел на канала, подумал и ответил:

— Этот синджак я не дам на откуп!

Ответ эмира поразил кавалов. У них отвисли нижние челюсти, а раскрывшиеся рты походили на пасти голодных зверей, у которых вырвали добычу. Но раскрытые рты не издали ни звука. Один из кавалов тревожно оцупал уши — существуют ли они и действительно ли слышали такой необыкновенный ответ эмира? С того времени, как создал шейх Адэ синджаки, каждый год отправлялись они за побором. И каждый год все эмиры сдавали синджаки на откуп. В первый раз слышат кавалы, что синджак не будет дан на откуп. Что затевает эмир?..

Напряженная тишина воцарилась в доме эмира.

Растерявшийся кавал закрыл рот, тяжело вздохнул и тихо спросил:

— Что же ты думаешь делать с синджаком?..

— Я поеду с ним сам!.. — произнес эмир.

От этого ответа у кавалов опять раскрылись рты и расширились глаза.

Они не помнили ни одного случая, чтобы с синджаком путешествовал сам эмир. Об этом не слышали ни их отцы, ни деды. С эмиром случилось что-то необыкновенное.

Эмир как будто уловил охватившую кавалов растерянность.

— Десять кавалов я возьму с собой и две десятых сбора отдам им!.. — сказал он.

Вздых облегчения вырвался из груди кавалов. Две десятых побора — сумма значительная. Если бы эмир отдал синджак на откуп, то едва ли можно было бы выторговать у

него такие выгодные условия. Недостаток этих условий заключался лишь в том, что это вознаграждение достанется не двум или трем кавалам, а десяти.

— А впрочем, — соображали кавалы, — присутствие при синджаке самого эмира сильно увеличит приток пожертвований.

Руки кавалов задвигались оживленнее и старательно скребли грязные, искусанные паразитами тела. Эмир не стал испытывать терпение кавалов и тут же наметил десятых из них в спутники себе. Он выбирал наиболее опытных и сильных. Эмир знал, что ему предстоит тяжелый и опасный путь, и в этом пути ему потребуются выносливые, храбрые люди.

Избранные эмиром кавалы были довольны и все-таки они не понимали тех побуждений, которые заставляли эмира отказаться от спокойной жизни и отправиться в тяжелое путешествие.

Этой странности эмир не объяснил, а спросить его никто не решился.

Разговор эмира с кавалами был прерван приходом кабаны. Начальница факрайи знала, что милостивое отношение эмира можно снискать не одной праведной жизнью. Поэтому порядочную часть вырученных от торговли пилюлями «земзем» денег она израсходовала на подарок эмиру.

При виде кабаны в глазах эмира отразилось удовольствие. На подарки эмир не взглянул. Еле заметный жест заставил свиту оставить эмира одного с явившейся к нему женщиной. Эмир толкнул ногой табуретку, и кабана покорно опустилась на нее.

— Слушай, кабана!.. — тихо и внушительно заговорил эмир: — Ты ведешь праведную жизнь. Я тобой доволен.

Лицо кабаны оживилось от этих слов, а тонкие посиневшие губы пришли в беззвучное движение.

Эмир нахмурил лоб и сосредоточился на какой-то мысли.

— Я что-то забыл, — произнес он с расстановкой, — но, кажется, я просил тебя побеседовать с Мельк-Таузом и попро-

силь у него золота... И Мельк-Тауз, кажется, обещал мне это?

Лицо кабаны вытянулось и посерело. Она тупо водила глазами по ковру.

— Я не помню этого, эмир!.. — вяло отозвалась кабана: — Мне так часто приходится говорить с Мельк-Таузом, что всего не запомнишь.

Лицо эмира потемнело.

— Мне помнится, — сухо произнес он: — что ты говорила мне — Мельк-Тауз через шейха Юсуфа обещал прислать тебе мешок золота и золотой синджак. Шейх Юсуф не исполнил воли Мельк-Тауза. Кто мне подтвердит это?

Кабана вскочила с места и схватила эмира за руку.

— Я скажу это!.. — воскликнула она со злостью. — Теперь я вспомнила все... Ты поручил мне переговорить с Мельк-Таузом и я говорила с ним. Мельк-Тауз обещал исполнить просьбу твою и прислать тебе через шейха Юсуфа золото и золотой синджак. Разве шейх Юсуф не передал все это тебе?..

Лицо эмира просияло, а щеки покрылись краской.

— Нет!.. — ответил эмир: — Он передал золото чужому для нас человеку и помог ему увезти его...

— О, нечестивый шейх!.. — воскликнула со злостью кабана. — Неужели ты не отлучишь его и не предашь проклятью?..

— Отлучу и прокляну!.. — с такой же злобой отозвался эмир. — Я вызову тебя на суд...

— Я приду и расскажу все, — решительно произнесла старуха.

Эмир не понимал из каких побуждений кабана проявляет такую старательность. Он думал, что ему придется долго уговаривать выжившую из ума начальницу таких же полоумных служительниц храма, а может быть воздействовать на нее угрозами и деньгами, и был приятно разочарован таким быстрым согласием.

Эмир хлопнул в ладоши, и когда в дверях появились кавалы, он приказал им:

— С пением и пляской проводите эту благочестивую жен-

щину. Она достойна этого!

Эмир не взял подарков кабаны и возвратил их обратно.

Кавалы были ошеломлены распоряжением эмира, но ослушаться не смели. Они скакали и пели вокруг одетой в рваное и грязное платье старухи, а она шла среди них с гордо поднятой головой и со злобно поджатыми губами.

Для суда над шейхом Юсуфом эмир вызвал главного шейха, главу факиров — Кака¹ и несколько наиболее расположенных и послушных шейхов.

Суд состоялся в доме эмира.

Первым пришел Как — самый благочестивый и мудрый из факиров. Это был хитрый и пронырливый человек в возрасте около пятидесяти лет. Его благочестие и мудрость были продуктами хитрости. Ему нужно было прослыть благочестивым и мудрым для того, чтобы стать главою факиров — Каком. Быть главою факиров он захотел не ради почестей. Его прельщало Мазар — святое место. И это место его прельщало не потому, что оно было свято, а потому, что святому месту принадлежали большие земельные угодья с виноградниками и фисташковыми садами. Все огромные доходы от этих угодий шли в пользу Кака. Кроме земельных угодий, Мазар имел собственный синджак, который приносил также значительный доход. И Как, главенствуя в Мазаре, был доволен своим положением. Он не завидовал ни эмиру, ни главному шейху. Эти люди пользовались большим почетом. Доходы эмира были больше доходов Кака, но какая польза от этих больших доходов, когда значительную часть их пожирают турецкие чиновники. Эмир должен платить всем, начиная с самого ничтожного заптия² и кончая губернатором. Он должен рассчитывать на поддержку почетных граждан Моссула. Но нельзя получить расположения властей и поддержки граждан без золота. Доходы эмира расплылись, и только небольшая часть их задерживалась в его карманах.

---

¹ К а к — персидское слово и значит: господин, учитель.

² Заптий — турецкий жандарм. (Прим. ред.).

Как молча приложился к руке эмира и сел. Голову Кака украшал тюрбан с поднимающимся над ним крупным шаром. Через плечо на медной цепочке висел связанный из черной шерсти мешочек. И тюрбан с шаром и мешочек на цепочке были отличительными знаками Кака.

Как свернул папироску и закурил. Он молчал и внимательно наблюдал за эмиром. Не эмир выбирал Кака, но при желании эмир мог сместить его. Поэтому Как предпочитал быть в хороших отношениях с эмиром. Но нельзя быть чрезмерно угодливым. Угодливость может быть понята, как зависимость и слабость, а тогда доходы от Мазара пойдут не в карман Кака, а к эмиру.

— Хорошо прошел праздник... — начал издалека Как.

Эмир молча кивнул головой.

— Слабее ревность народа к святости и уменьшаются приношения... — произнес после долгого раздумья Как.

Снова эмир ответил кивком головы. Эмир не понимал Кака. Благочестие и мудрость этого человека так перепутались, что трудно было понять, где начинается одно и где кончается другое,

— А что если Как хочет урвать кусок из богатства Юсуфа?.. — подумал тревожно эмир и подозрительно покосился на Кака. — Не сделал ли он ошибки, пригласив в судьи этого благочестивого человека... Но его подарки?.. Обилие их говорит о расположении и преданности Кака...

— Трудно теперь стало жить в Мазаре... Доходы еле покрывают расходы... — неторопливо плел свои мысли Как, стараясь оградить свою казну от возможных покушений на нее со стороны эмира.

— А ты думаешь я своими доходами покрываю расходы?.. — неожиданно вскипел эмир. — Может быть, ты думаешь, что я делаю расходы только для того, чтобы слаще есть и пить. А ты знаешь, моссульский вали хотел закрыть храм шейха Адэ, и я отдал ему все деньги, чтобы он не трогал нас. А тот вали, который был раньше, прислал чиновника из Стамбула за деньгами. Говорит: не будет денег — закон против нас выйдет... Откуда я беру деньги, чтобы всем дать?.. Все, что получаю, все отдаю. А твоему Мазару

я ломанного пиастра¹ не могу дать... А если дам, то и тебе будет плохо и мне нехорошо.

Как внимательно выслушал гневную речь эмира. Он опустил голову и думал:

— Опасаться за доходы Мазара не приходится... — соображал он. — Но и оставить эмира в таком гневном положении тоже нельзя. Он — злой, и в злобе может много сделать нехорошего.

— Если бы ты, эмир, дал Мазару пиастр, то я не взял бы его... — медленно проговорил Как. — За Мазар беспокоюсь я, а ты беспокоись за всех нас... Мы обойдемся без твоей помощи.

Вспышка гнева погасла. Эмир посмотрел на Кака и осторожно спросил:

— Что думаешь ты?..

— Я думаю, — еще медленнее ответил Как: — тот, кто не помогает эмиру, не иезид, и Мельк-Тауз не может быть доволен таким человеком. Надейся на меня, эмир, я всегда готов помочь тебе.

Как умолк и поник головой.

Эмир вздохнул облегченно.

Вошли три захудалых шейха. Внимание эмира было для них небывалой и чрезвычайной милостью. Они не знали, зачем вызвал их эмир, и эмир не считал нужным сообщить им об этом, так как достаточно было одного намека на желание эмира, чтобы они немедленно исполнили его.

Толкаясь, шейхи приложились к руке эмира и робко сели в сторонке.

Сосредоточившийся на благочестивых размышлениях Как не обратил на них внимания.

Следом за шейхом явилась кабана. Она молча приложилась к руке эмира и забралась в угол. Кабана сидела здесь неподвижная и сосредоточенная, с устремленными вдаль злыми глазами.

---

¹ Пиастр — турецкая монета, равная, приблизительно, 10 коп. (Прим. ред.).

Главный шейх явился последним. Его бесхитрое и простое лицо на этот раз было озабочено и хмуро. Глаза глядели растерянно и бегали по сторонам, как будто разыскивая что-то очень нужное.

При появлении главного шейха все встали. Эмир пошел навстречу к нему и небрежно, правда, но все-таки поцеловал протянутую руку.

Обычно эмир не делал этого. Он всячески третировал главного шейха и старался поставить его ниже себя, но в делах духовных высшая власть все-таки принадлежала главному шейху. И если бы на месте главного шейха был человек с самолюбием и твердой волей, то, возможно, что между ним и эмиром началась бы вражда и борьба, которые кончились бы смертью одного из них. Но не такой человек занимал пост главного шейха. Главный шейх был наивен, прост и добродушен. Эмир презирал его, а тот не замечал этого презрения. Эмир заставлял его делать все, что хотелось эмиру, и главный шейх исполнял все и даже не замечал этого.

Теперь, когда эмир почтил главного шейха вставанием и целованием руки, главный шейх был больше сконфужен оказанной ему непривычной почестью и растерян, чем польщен. Эмир подвел главного шейха к более высокому сиденью и попытался усадить его. На высоком сиденье должен сидеть тот, кто занимает в собрании первое место. Главный шейх старался уклониться от этой почести и усадить на высокое место эмира. В другое время эмир занял бы это место без всякого предложения, но сейчас ему нужно было, чтобы на этом высоком посту был кто-нибудь, но только не он. Сопротивление главного шейха и попытка уклониться от почетного места оказались напрасными, и после непродолжительной борьбы он сидел на голову выше всех, еле касаясь ногами пола. С того момента, как шейх оказался на высоком месте, он как будто потерял почву под ногами и повис между небом и землей. Он сконфуженно мигал глазами и собирал растерянные мысли. Когда он шел к дому эмира, то что-то собирался сказать. Что-то необходимое и дельное, что утихомирило бы умы и покончило бы с этой неприятной историей. Но что такое хотел сказать он?

Шейх шевелил губами и не мог вспомнить того, что хотел предложить.

— У меня был факир Хедэр!.. — неожиданно произнесли губы главного шейха.

Эмир и все присутствующие насторожились. Это внимание собрания смутило главного шейха еще больше. Почтительное внимание обязывало его сказать что-то весьма значительное. Но это значительное куда-то спряталось, и не было возможности найти его.

Снова зашевелились губы главного шейха.

— Факир Хедэр-шейх... Хедэр из славного рода Гассаналь-Басри... Хэдэр ведет благочестивый образ жизни.

В собрании попрежнему царило выжидательное молчание.

Главный шейх морщил лоб, шевелил губами и ничего не мог произнести. Разбежались мысли, исчезли слова, — пусто стало в голове.

— Что сказал тебе факир Хедэр?.. — сухо спросил эмир.

От вопроса эмира все мысли главного шейха вернулись на свое место, но в его святой голове получился кавардак. Мыслей и слов оказалось столько, что их невозможно было высказать.

— Хедэр сказал, что ты напрасно начал это дело. Шейх Юсуф — благочестивый человек и всегда честно исполнял свои обязанности... — торопливо ответил главный шейх.

— Факир Хедэр ведет святой образ жизни, но ему никогда не быть святым. Чтобы быть святым, надо иметь праведную жизнь и мудрый ум, а мудрость не знает пути к голове факира Хедэра!.. — резко и торопливо произнес эмир.

Главный шейх смутился и смолк.

Эмир хлопнул в ладоши.

— Приведите Юсуфа!.. — приказал он появившимся кавалам.

— Чего ты хочешь от шейха Юсуфа?.. — обратился главный шейх к эмиру.

Этим вопросом открылся «суд равных».

— Я от него ничего не хочу!.. — злобно ответил эмир.

Неудачный вопрос главного шейха на минуту внес замешательство в стройные ряды давно обдуманых и подготовленных мыслей, но эмир быстро оправился.

— Мы все должны потребовать от него ответа, за то зло, которое он причинил нам. Мы удостоили Юсуфа особой милости. Мы доверили ему то, чего не доверили другим шейхам, ведущим святую жизнь. Что же сделал этот невероятный шейх? К нашей святыне он допустил человека не нашей веры. Этот человек, чужой нам и неизвестный, узнал наши тайны. Он похитил наши драгоценности. Он забрал золотой синджак. Шейх Юсуф указал этому человеку, как пройти в святое царство Мельк-Тауза, а когда он вышел обратно, Юсуф помог ему увезти нашу святыню. Кто еще, кроме шейха Юсуфа, сделает это?.. Кто не знает, что к нашим святыням никто чужой не может прикоснуться? Это знает каждый «мирид»¹. Это знает и шейх Юсуф. Он знает это, а иначе он не был бы шейхом.

Эмир на минуту остановился, и его заплывшие глаза угрожающе осмотрели всех присутствующих.

— Юсуф неверным отдал наши святыни, — продолжал с прежним возмущением выкладывать свои мысли эмир. — Юсуф указал неверным путь в святое место. Чего теперь мы можем ждать?.. Мы знаем непреклонность и настойчивость чужестранцев. Там, где побывал один из них, скоро появляются двое, трое. Через некоторое время их оказывается двадцать и тридцать, а потом еще больше. Они налетают, как мухи, на пролитый мед, и будут лететь тучами до тех пор, пока не уничтожат все. И сила человеческая не в состоянии противодействовать им. За этим человеком, ко-

---

¹ Мирид — светский, мирской человек. (Прим. ред.).

того Юсуф пустил в святое место, скоро явятся тысячи других, и наша святыня будет осквернена, поругана и уничтожена, если Мельк-Тауз не защитит ее. Наши предки совершили грех, оскорбили Мельк-Тауза, и он закрыл для нас вход в царство свое. Юсуф оскорбил его вновь. Мельк-Тауз жестоко наказал проводника, который указал чужому человеку путь в святое место. Мельк-Тауз сбросил его с горы в пропасть. Мельк-Тауз не тронул шейха Юсуфа для того, чтобы мы наказали его. Мельк-Тауз смотрит на нас и слушает. Гнев его обрушится на нас, если мы не накараем Юсуфа за совершенное им нечестивое дело.

Эмир умолк. В собрании воцарилось тревожное и напряженное молчание. Речь эмира произвела впечатление. Эмир, окинув внимательным взглядом судей, увидел, что все они без возражений исполняют то, что предложит он.

Как пощупал свисающий с плеча пустой шерстяной кошелек и тихо спросил:

— О каких сокровищах и о каком золотом синджаке говорил ты, эмир?

Эмир думал, что он высказал все, но вопрос Кака указал ему, что в пылу красноречия он забыл о многом. И эмир заговорил снова.

— Я говорил о золоте, которое Мельк-Тауз предназначил мне. Вы знаете сколько денег уходит на бакшиш¹ чиновникам. Им нельзя не дать. Не дашь денег — и наша вера, и наш народ будут терпеть притеснения. И вот, когда чиновники требовали с меня деньги и грозили закрыть храм шейха Адэ и когда денег у меня не было, я обратился чрез эту святую женщину с просьбой к Мельк-Таузу. Я просил у него золота, чтобы откупиться от неверных. И Мельк-Тауз обещал исполнить мою просьбу. Чрез нее он передал мне, что пришлет золото с шейхом Юсуфом. И еще об одном просил я Мельк-Тауза. Вы знаете: семь синджаков сделал шейх Адэ. Мы должны были ежегодно вывозить и показывать их народу. Где эти семь синджаков? Нет их! У нас только четыре синджака. Остальные в руках неверных. Болит серд-

---

¹ Бакшиш — взятка, подарок. (Прим. ред.).

це мое. Что будет с народом, если пропадут последние синджаки. Свою боль я отнес Мельк-Таузу. И вот что он ответил мне: — «Пусть не плачет сердце твое. Я пришлю тебе новый синджак. Он будет лучезарен, как шейх Шамс, — само святое солнце. От него будут исходить свет и радость. Показывай его народу — и будет ликовать народ и укрепится в вере». Вот что ответил мне Мельк-Тауз. И вот, я спрашиваю вас: где золото, которым я должен защищать веру и народ?.. Где золотой синджак и что я покажу народу вместо него?

Теперь эмир высказал все. Он видел, что больше может не говорить. Потемнело лицо главного шейха. Хмуры и недовольны были лица остальных судей.

— Эмир сказал святую правду!.. — визгливым голосом нарушила тишину кабана.

Она без вызова поднялась и вышла из своего угла. С серым морщинистым лицом, с горящими ненавистью глазами стояла она пред судьями.

— Я говорила с Мельк-Таузом по поручению эмира. И Мельк-Тауз обещал дать золото для защиты народа своего и прислать золотой синджак на радость и веселье всем. Все это обещал передать чрез шейха Юсуфа. Где обещанное Мельк-Таузом? Не поделил ли нечестивый шейх золото с неверным и не продал ли золотой синджак чужим людям, чтобы лишить милости Мельк-Тауза свой народ? Пусть падет проклятье на голову безумного и нечестивого шейха!.. Отлучите его от веры и избавьте народ наш от заразы!..

Кабана с блестящими от гнева глазами повернулась к молчаливо стоящему пред судьями шейху Юсуфу и плюнула.

Эмир удовлетворенно потер руки и подумал:

— Эта женщина заслуживает подарка!

Шейх Юсуф неподвижно стоял перед судьями и не поднимал головы. Он никого не видел и ничего не замечал. Он слышал только одни слова. Страшные слова. Они, казалось, лились пылающим потоком и жгли его. И не было возможности уклониться от этих слов, избежать причиняемой ими муки.

Молчали судьи. Молчал и шейх Юсуф. Главный шейх растерянно оглядел судей. Они сидели сосредоточившиеся и хмуро думали. Только одно жирное лицо эмира блестело и было полно удовлетворения. И главному шейху почему-то было противно смотреть на это сияющее лицо. Вина шейха Юсуфа была очевидна, но симпатии главного шейха были все-таки на стороне обвиняемого. Была правда в словах эмира, но за этими словами пряталась и неправда. Нет сделанных шейхом Адэ семи синджаков, но один из пропавших синджаков погиб по вине эмира. Эмир заложил его неверным, когда ему потребовались деньги. Но деньги эмиру нужны были не на дела веры, а на перестройку дома. И если бы в руки эмира попал золотой синджак, то народ никогда не увидел бы этого синджака. Шейх Юсуф совершил большой грех, но обвиняет его такой же грешный человек, и к тому же более злой и жадный.

— Что скажешь ты, шейх Юсуф?.. — спросил после долгого раздумья главный шейх.

— Ничего!.. — хрипло ответил подсудимый.

— Разве можно было допустить до святыни чужого человека?.. — задал вопрос Как.

— Я не считал этого человека чужим!.. — глухо произнес шейх Юсуф.

— Разве он был иезид?.. — торопливо спросил главный шейх.

— Нет, он не был иезидом, но с ним была милость Мельк-Тауза! — ответил шейх Юсуф.

— Откуда это видно?.. — подал голос эмир. И в голосе его слышалась нескрываемая торжествующая ирония.

— Когда курды убили кавала и похитили синджак, этот человек пошел за синджаком.

Шейх Юсуф говорил и чувствовал, что говорит напрасно. Никакие слова и ничто не изменит предназначенной ему участи. Жестким и негибким стал язык, пересохло горло, звуки, выходявшие из него, были деревянными, глухими.

— Этот человек пошел и вернул синджак, — продолжал Юсуф: — Если бы с ним не была милость Мельк-Тауза, то

он не сделал бы этого. Он бросал в стоянку курдов пылающие звезды. Кто научил его этому? Он прошел через Тропинку Испытаний. Кто без милости Мельк-Тауза может пройти через нее? Эмир говорит, что Мельк-Тауз разгневался на проводника и скинул его в пропасть. Мельк-Тауз покарал проводника, но он покарал его не за то, что проводник довел чужого человека до святого места. Он покарал его за то, что он оставил этого человека и ушел без него. Проводник повел этого человека не по своей воле, а по моему приказанию. И если тут был грех, то этот грех — мой. И если бы Мельк-Тауз разгневался за оскорбление, за поругание святого места, то гнев его пал бы на мою голову и на голову того человека. Но я не видел немилости Мельк-Тауза, а тот человек был перенесен через горы и спущен на землю на облаке.

Шейх Юсуф неожиданно смолк.

— Он говорит неправду!.. — вскочил с места эмир. — Он хочет оправдать себя. Мельк-Тауз не мог допустить в свое царство не иезида. Его допустил шейх Юсуф. Мельк-Тауз разгневан этим. Мельк-Тауз покарал всех нас. Он разрушил Тропинку Испытаний, и теперь мы не можем подойти к святому месту и взглянуть на него.

— Зачем ты допустил до святого места чужого человека?.. — произнес с укоризной главный шейх.

То возбуждение, в котором находился эмир, и его победное ликование привлекли внимание шейха Юсуфа. Эмир был источником, из которого изливалось зло. Это зло предназначалось для шейха Юсуфа. Он должен был погибнуть в нем. И в душе шейха Юсуфа возник протест и желание борьбы. Прояснился ум, острее стала мысль.

— А почему я должен был считать его чужим человеком?.. — неожиданно спросил шейх Юсуф. — Что говорит наше предание?.. Все люди произошли от Адама, а иезиды — от плевка Адама, из которого образовался Шеит-Ибн-Джар, и от данной ему в жены райской гурии. Потомки Адама и Шеита-Ибн-Джара размножились, заполнили землю и впали в пороки. Бог покарал людей и послал потоп. От потопа погибли все люди, и только один иезид Ной спасся

в ковчеге. От Ноя размножились люди. Значит, все они иезиды. И когда великий калиф Иезид захватил Дамаск, что сделал он?.. В пятницу, в последнюю ночь рамазана¹, он стал кейфовать и пить вино. Он пил до утра, а при восходе солнца воскликнул: — «Давайте разрушим мечеть и на ее месте поставим кабак; сбреем бороду кади², из волос ее сделаем струны для балалайки. Принесите кафедру, и мы сожжем ее. Пойдемте в дом красильщика, призовем христианского священника с его дьяконами и все начнем пить весело вместе». Вот что сказал великий и праведный иезид. Он не считал христиан чужими. А когда пришел на землю шейх Адэ, то что сделал он? Своими чудесами он обращал в иезидство христиан, магометан и иудеев. Говорят, что иезидом может быть только тот, кто родился иезидом. Почему же были приняты в иезиды люди других вер и учений? Да потому, что все люди произошли от Ноя, все они — иезиды, впавшие в заблуждение. Значит, каждый человек может стать иезидом, стоит ему только раскаяться и признать свой грех. Почему я должен был считать этого человека чужим, когда он стремился познать нашу веру, хотел поклониться нашим святым местам, и когда Мельк-Тауз удостоил его совершить то, чего не могли сделать мы?

Судьи с большим вниманием выслушали речь шейха Юсуфа. Как сдвинул шапку на лоб и почесал затылок.

— Из Юсуфа мог бы выйти хороший главный шейх!.. подумал он: — От его познаний в священной истории не отказался бы и я.

Удовлетворение и торжество исчезло с лица эмира.

— Он богохульствует!.. — визгливо закричал эмир: — Если мы все будем так рассуждать, то что станет с нашей верой и народом. Если мы будем допускать иноверцев до святых мест, то скоро иноверцы будут и шейхами, и факирами, и кавалами. Они займут наши места, они извратят веру.

---

¹ Рамазан — девятый месяц в году у мусульман, посвященный строгому посту.

² Кади — судья. (Прим. ред.).

Юсуф проповедует гибель для нас. Для того, чтоб другие не пошли по пути Юсуфа, надо его отлучить и проклясть.

— Проклятие на голову нечестивого шейха!.. — таким же визгливым голосом, каким говорил эмир, отозвалась из угла кабана.

Главный шейх растерянно смотрел на остальных судей. Окончательное решение должен был предложить он, но что сказать ему, когда душа полна сомнений и нет в ней уверенности? Прав эмир, но есть правда и на стороне шейха Юсуфа.

— Если я заблуждаюсь, то направьте меня на путь истины!.. — неожиданно заговорил шейх Юсуф. — Если эмиру нужны мои богатства, пусть он возьмет их. Я не дорожу ими и охотно отдам на дела веры. Но только не отлучайте и не проклинаяте!

— Не надо мне твоих богатств! — воскликнул эмир. — Не за твоими богатствами гонюсь я, а за сохранением святости веры. Что же ты, главный шейх, молчишь и не вынесешь справедливого решения?.. Или и ты хочешь пойти по пути вероотступника?.. Не забудь: кто удар свой пожалеет, тот рану на спине своей увидит. Пошли же человеку несправедливому стрелу справедливую!

Главный шейх поднялся с бледным лицом и трясущимися руками. Слова эмира упали на него, как удар бича, и он преодолел нерешительность.

— Чрез Шамсэдина, Фэкэдина, Насрэдина, Сиджадина, Шехисина, Шейх-Бакра и Кадира Рахмана устами всевышнего создателя отлучаю тебя, шейх Юсуф, от веры и народа нашего. Отныне ты — чужой нам!

Голос главного шейха дрожал, лицо дергалось.

— Прокляни его!.. — завопил эмир.

С красным возбужденным лицом он полез к главному шейху и дергал его за одежды.

Главный шейх покачал головой и решительно произнес:

— Он не заслуживает проклятья, и я не возьму этого греха на свою душу.

Удар камнем не оглушил бы шейха Юсуфа так, как ошеломил его приговор. Сознание Юсуфа было подготовлено к этому. Он ждал, что приговор будет чрезмерным и тяжелым, и все-таки не представлял его себе определенно. От слов главного шейха Юсуф пошатнулся и еле собрал силы, чтобы выйти из дома эмира.

Теперь он был конченным человеком. Мир, в котором он жил, отгорожен от него каменной стеной. В этой стене нет прохода и нет возможности перебраться через эту стену. Родной мир — теперь недоступный для него мир, а сам Юсуф — чужой и для своих и для чужих. Он — единственный на земле человек, у которого нет близких, нет родного народа, нет веры и бога. Суровый приговор отнял все это у него. Нет у него и богатства, так как теперь его богатство принадлежит эмиру. Таков закон, неписанный, непризнанный государственной властью, но обязательный для всех иезидов. Юсуф может располагать теперь только тем, что на нем и с ним.

Испуганным взглядом проводили Юсуфа кавалы. Они сидели у дверей и, полные суеверного страха, с ужасом прислушивались к долетавшим до них словам. Там, в помещении эмира, совершался высший суд, страшный суд, в котором выявлялась воля божества. Несчастен тот из смертных, который будет судиться таким судом, так как простому смертному не разобраться в таинственных и неизвестных законах, данных свыше. И эти законы дано знать немногим из избранных.

Судьи разошлись с некоторой поспешностью. Первым ушел главный шейх. С опущенной головой, не глядя ни на кого, он шел по пыльной улице и не отрывал глаз от земли. Глаза его как будто искали что-то недавно утерянное и не могли найти.

Молчаливую сосредоточенность сохранял и Как.

Суд дал ему кое-что поучительное. Эмир вовсе не так глуп и прост, как казался раньше. Эмир может быть очень опасен, а потому лучше держаться подальше от эмира, реже попадаться ему на глаза и не разжигать его жадности.

В тот же день Как покинул святые места и удалился в свой Мазар.

Эмир созвал кавалов и стал обсуждать порядок и план предстоящего путешествия. Он был доволен и весел. Он смеялся и даже острил. Он забыл о том, что главный шейх не полностью осуществил его мысль. Но что он теряет от того, что шейх Юсуф не предан проклятию? Все равно шейх Юсуф отлучен, и все богатства Юсуфа — теперь — достояние эмира. Не вредно было бы почаще производить подобные отлучения, но не всегда для этого бывает благоприятный предлог.

Покончив с кавалами, эмир прошел в задние жилые комнаты своего дома. Здесь помещались жены эмира. По примеру богатых мусульман, эмир в молодости решил завести себе гарем. Он купил двух жен и отнял у одного иезида понравившуюся ему женщину. И все-таки гарем не доставил эмиру того удовольствия, которое он рассчитывал получить от него. Гаремы мусульман имеют в себе какую-то таинственность. Скрытых чадрой женщин фантазия наделяет такими качествами, которыми они на деле, может быть, и не обладают. Жены эмира не носили чадры. Они были так же свободны, как и жены всех иезидов. В них не было таинственной прелести. Это были тупые, ленивые и грязные существа, быстро растолстевшие и превратившиеся в рыхлые бесформенности. Они наградили эмира многочисленным крикливым потомством, но не острыми и жгучими удовольствиями.

— Я завтра уезжаю далеко и надолго!.. — сообщил эмир женам.

Весть об отъезде эмира не вызвала у женщин ни тревоги, ни удивления.

— Что тебе приготовить в дорогу?.. — спросила старшая жена.

— Ничего не надо... — ответил эмир и вернулся в свою половину.

Эмир мог не заботиться о приготовлениях к путешествию и о запасах продуктов. Каждое жилье в пути, в котором он остановится, было его жильем, и он мог распоря-

жаться в нем, как хозяин. И никто не имел права ни отказать ему в требуемом, ни попросить уйти. Уйдут те, кто находился в этом жилье раньше, а эмир будет жить в нем сколько хочет. Таков закон.

Эмир опустил на грязное ложе и стал думать: богатство шейха Юсуфа, по словам кавалов, велико, но, к сожалению, большая часть его — в скоте. Скот не уведешь с собой. Придется распродать его и унести только деньги. Интересно — сколько удастся выручить ему?.. Во всяком случае, в руках эмира будет такая сумма, какой он давно не видел.

XXVI

Ранним утром, когда только что выглянувшее из-за гор солнце протянуло над сонной и туманной землей трепетные струны своих первых лучей, из деревушки Бадриэ выехали три всадника. Они были в грязных и рваных одеждах, но на лицах их лежала тень сознания своей значительности, недостижимого превосходства и суровой замкнутости. К их сердцам не было пути. Для простого смертного они были закрыты. Только для бога были открыты сердца и души этих людей.

Пыльная дорога приняла трех всадников и увела с юга на север.

Через некоторое время по той же дороге выехали из Бадриэ еще три таких же всадника, а немного спустя — по ней проследовала группа в пять человек.

В этой группе был эмир. Он ехал с кавалами принимать имущество шейха Юсуфа. Если бы это имущество было незначительным, то эмир не стал бы беспокоить свою особу и не отважился бы на длинное и рискованное путешествие. Он поручил бы тогда ликвидировать имущество шейха Юсуфа пронырливым кавалам. Но богатство шейха Юсуфа было велико, и темные и неграмотные кавалы не могли ни учесть, ни определить его.

— У шейха Юсуфа тысячи баранов, несчетное число лошадей и рогатого скота, а в палатке — серебряная посуда. Она блестит, как полная луна после дождя, и ослепляет!.. — рассказывали кавалы, возвращавшиеся из дальних и длительных скитаний по северу. Эмир давно уже обратил внимание на богатства шейха Юсуфа и внимательно прислушивался к рассказам. Он долго и много думал об этих богатствах и мечтал получить их. Мечта осуществлена. И теперь, когда эти богатства стали его собственностью, эмир нетерпеливо стремился к ним.

Хлыст эмира чаще, чем надо, опускался на ввалившиеся бока лошади и подгонял ее. Работала хлыстами и свита, стараясь не отстать от своего владыки.

Теперь кавалы знали, куда и зачем спешит эмир, но эта поспешность не доставляла им удовольствия. Они не имели возможности обойти иезидов и собрать с них дань. Им нельзя было уклониться от дороги в сторону, а там тоже были иезиды, от которых также можно было получить многое.

Кавалы звали на помощь жадность эмира и рассказывали ему о баранах, телятах и быках, приводимых в дар синджаку. Но это было раньше, когда с синджаком были одни кавалы, а теперь при эмире дары будут еще значительнее.

— Мы остановимся здесь на обратном пути! — сухо ответил эмир и не стал слушать рассказов кавалов. В другое время эмир с удовольствием слушал бы рассказы о таких жертвованиях, но что значат для него теперь эти отдельные бараны и быки, когда впереди ему мерещатся неисчислимые гурты овец, лошадей и рогатого скота?

Эмир торопился. Он старался не задерживаться в пути и всячески сокращал остановки для отдыха и ночлега. Лошади, на которых выехал эмир со свитой из Бадриэ, были заменены свежими. Этим лошадям эмир приказал взять у иезидов взамен своих.

Кавалы хмурились. Они рассчитывали, что присутствие эмира увеличит приток жертвований, но на деле получилось что-то другое. Эмир мешал сбору дани, и кавалы не могли получить даже того, что они обычно собирали без эмира.

Падало настроение у кавалов. Появляясь в деревне с синджаком, они уже не прыгали и не пели. Им было не до песен и плясок. Утомленные непрерывной ездой, кавалы мечтали о длительном отдыхе и не получали его. При каждой остановке синджак вносился в жилье наиболее влиятельного иезида и оставался здесь. Кавалы ели, пили и хмуро думали о том, как много денег прошло мимо них. Без эмира этого не было бы. Без эмира кавалы собрали бы хороший урожай. Удастся ли получить недополученное на обратном пути?.. А что если эмир и обратно поедет с той же недопустимой торопливостью?.. Тогда год ожиданий и расчетов пропал без пользы. Если подобные явления будут повторяться из года в год, то кавалам нечего будет делать, да и не будет смысла быть кавалом.

Старейший из кавалов подхлестнул лошадь и умчался вперед. Путь, по которому можно было двигаться с уверенностью в своей целостности, кончался. Впереди еще одно иезидское поселение, а дальше — провинция, заселенная дикими и жестокими курдами. Через эту землю и мимо этих людей безнаказанно проходит не всякий. Положение осложнялось еще тем, что приходилось пробираться через проклятое Ущелье Несчастий.

Кавал мчался вперед и соображал:

«Необходимо в этом поселении задержать эмира, набрать денег и разведать путь. Кто знает, что может случиться впереди?..»

Прискакавший в деревушку кавал всполошил все население. К иезидам приближался не один синджак. Вместе с синджаком следовал и сам эмир-эль-хаджи. Землетрясение не произвело бы такого переполоха, какое произвела эта весть. Да и что такое землетрясение по сравнению с приездом эмира? С тех пор, как появилось на земле это убогое поселение иезидов, землетрясения были не один раз. Они уничтожали жалкие строения, превращали их в кучи и сравнивали с землей. Землетрясения были много раз, но эмир приезжает впервые. Поселение иезидов переживало небывалое. Крики и бестолковая беготня встревожили животных. Собаки лаяли и выли, козы и бараны метались сре-

ди людей и не находили места. Люди облеклись в праздничные одежды и бежали навстречу эмиру, а впереди них безумствовал от чрезмерной радости старый кавал. Своим поведением он показывал, как надо выражать свой восторг и радость. Скоро к кавалу присоединились вдохновенные добровольцы и стали прыгать и вопить так же, как прыгал и вопил кавал. Шумная встреча не доставила удовольствия эмиру. Он нахмурился и равнодушно смотрел на беснующихся людей, а они лезли к нему, цеплялись за повод и целовали стремя и пыльную обувь.

Старый кавал стаскивал с лошадей свиту эмира и заставлял их плясать и петь. Кавалы не понимали своего товарища. Какой смысл даром тратить силы, когда через час другой эмир снова двинется в путь?.. Но в голосе и в лице старого кавала была непреклонность и настойчивость, и кавалы послушно спустились с коней. Один из них нес вынутый из-под лохмотьев синджак, а остальные плясали впереди и пели. От ног пляшущих облаком поднялась пыль и закрыла собой и эмира и всю толпу.

Эмир и синджак остановились в жилище иезида, от которого кавалы ожидали наиболее щедрой дани. Высоким гостям с необычной быстротой была подана пища. Эмир и кавалы с жадностью накинулись на нее. Темное помещение наполнилось шумом от торопливого жевания. Внимание всех было сосредоточено на пище. Глаза не отрывались от блюда и выискивали наиболее вкусные и жирные куски, а челюсти спешили раздробить и перемолоть то, что грязные пальцы совали в рот. Челюстям приходилось торопиться, так как желающих овладеть аппетитными кусочками было много.

Одним из более торопливых был сам эмир. Он сидел на корточках над блюдом, нагнулся над ним и раздвинул локти, чтобы отеснить от пищи бесцеремонных и жадных, как шакалы, кавалов. В каждой руке у эмира было по куску мяса, рот был переполнен, а глаза не отрывались от быстро убывающей пищи. Эмир не обглаживал костей с той артистической чистотой, с какой проделывали это кавалы. Эмир торопливо срывал с них мясо, а необглоданные кости бро-

сал обратно на глиняное блюдо. Над этими костями должны поработать зубы кавалов и придать им надлежащий блеск и чистоту после того, как блюдо освободится от пищи. Так обращаться с костями мог только эмир. Только он мог оставлять своей свите объедки, и эти объедки свидетельствовали о его милости и заботе о подчиненных.

Головы эмира и кавалов бездействовали. Когда работают челюсти, мозг может отдохнуть.

У дверей жилья стояла притихшая толпа иезидов наслаждалась долетавшими до нее звуками. Там, в полутьме лачуги, вкушали пищу святые люди. Они удостоили жалкое поселение чрезвычайной милости. И то что они с такой жадностью уничтожают неприхотливую еду, свидетельствует об их великодушии и снисхождении. А когда помещение наполнилось трескучей, похожей на горячую ружейную перестрелку, отрывкой, слушатели впали в восторг. Они никогда не слышали такой звучной и сочной отрывки. Кавалы были чрезвычайно светскими и воспитанными людьми, и желудки их могли выражать благодарность со свойственным придворным людям лоском.

Пресытившийся эмир свалился на ложе и уснул, а кавалы, облегчив желудки, вынесли к толпе синджак. На этот раз их пение и пляски не отличались легкостью и стремительностью. На их осовевших лицах и в оступевших глазах оживление появлялось только при виде пожертвований. Пользуясь всеобщим восторгом и суматохой, кавалы сами выбирали дар синджаку. Вместо барана, они хватили теленка, а вместо теленка гнали корову. В славословие Мельк-Тауза вплетались слова укоров и порицаний.

— Нельзя быть таким скупым, когда к вам приехал сам эмир эль-хаджи. Он удостоил вас милости и веселья, а вы жалеете паршивую корову.

Владелец коровы на минуту переставал жалеть о вырванном у него даре. Ради такого необычного приезда, действительно, можно быть щедрее. И потерявший единственную корову иезид начинал скакать и петь и взывать к щедрости соседей.

Сон эмира был чрезвычайно крепким, но непродолжительным. Проснувшись, эмир поднялся и сел. Заплывшие глаза еле раскрылись и тревожно стали осматривать окружающую его невзрачную обстановку. Грязное и давно немытое тело зудело. Расплодившиеся паразиты грызли святое тело и пили святую кровь.

Эмир долго чесался и скреб грязную кожу, как будто отрывал завалившиеся куда-то в складки мысли.

Старательная работа эмира не осталась бесплодной. Он прочистил помутневшее сознание, и в душу его проник луч понимания.

— Едем? — хрипло спросил эмир дремавшего у стены старого кавала.

Кавал очнулся от тяжелой дремоты и вместо ответа также стал чесаться. Его мысли не подчинялись сознанию. Они были придавлены звериным сном и животными ощущениями.

— Надо торопиться!.. — снова произнес эмир и встал.

— Нет, эмир, нам надо подождать!.. — возразил кавал.

— Почему?.. — удивился эмир.

— Дальше путь пойдет среди курдов. Впереди — Ущелье Несчастий. Через это ущелье из троих путников свободно проходит один... Надо будет послать вперед людей осмотреть все!..

Эмир не возражал. Прошли те времена, когда эмиры были храбрыми и воинственными вождями. Прошли времена, когда на их призывный клич появлялись тысячи отважных головорезов. Они покорно шли за своими эмирами, убивали и уничтожали, а когда выпадала неудача, то безропотно погибали сами. Власть османов изменила все. Бесправен и покорен эмир, трусливы и нерешительны иезиды.

— Когда же мы поедем дальше?.. — спросил с неудовольствием эмир.

— Мы поедем завтра!.. — уверенно ответил кавал.

Но на другой день кавал отправил не разведчиков, а синджак в ближайшие иезидские поселки. Кавалы должны были собрать дань и оповестить народ о великом торжестве, которое совершит эмир.

Это было в первый вечер после сбора дани. Вернувшиеся кавалы возбужденно рассказывали об успешном путешествии синджака. Еще несколько таких дней, и кавалы могут не роптать на эмира. Их труды будут вознаграждены сторицей. Рассказывали кавалы о быках, коровах и баранах. Упоминали о серебряных и золотых деньгах. Но больше всего говорили кавалы об одной девочке. Ах, какая это была девочка! Земля не видала такой красавицы. Не может быть, чтоб она была дочерью простого иезида. Нет, скорее всего, это райская гурия, по милости Мельк-Тауза заменившая ребенка иезида.

Сперва эмир равнодушно слушал рассказы кавалов, но чрезмерные восторги рассказчиков под конец обратили его внимание. И когда один из кавалов стал высказывать свои предположения о тайных прелестях девочки, лицо эмира отразило дряблую старческую похоть. Рот эмира раскрылся, и на подбородок стекала ниточкой слюна.

Эмир забыл об отъезде. Решено было совершить обряд зачатия великого иезида. Святое предание обещает пришествие этого человека. Он должен покорить мир, очистить его от скверны и создать светлое и радостное царство, в котором будут блаженствовать иезиды. Этот великий человек должен родиться от святого и убеленного сединами иезида и непорочной девы. В нем будет мудрость познавшего жизнь, и вместе с мудростью в нем будет сила и устремление не уставшего от жизни. Всепостигший ум и нетронутая сила должны объединиться и создать совершенное. И будет тогда гонимый и нищий народ первым и главным народом на земле.

Большой чан, похожий на ванну, иезиды наполнили водой. В этом чане с водой должен совершиться обряд зачатия. Кругом чана толпа. Она с трепетом ждет начала обряда.

Эмир появился, окруженный танцующей и поющей свитой. Впереди — старый кавал. Он во все горло распевал свою импровизацию.

Вот сейчас залезет в воду
Эмир-эль-Хаджи.
Ему подадут непорочную деву.
И будет тогда всем хорошо.
А потом родится великий иезид,
Он победит весь мир.
Иезидам тогда будет еще лучше.
Пойте и пляшите все!

Эмир подошел к чану и стал торопливо раздеваться. Смолкли кавалы и приняли от эмира священные одежды.

Толпа притихла и напряженно ждала. Она удостоилась увидеть голым потомка человека, в которого когда-то воплотился сам Мельк-Тауз.

Невзрачна внешность этого человека. Тело его старчески обрюзгло и потеряло форму. Оно напоминает наполненный водой бурдюк. Портят впечатление руки и ноги. Они непропорционально тонки. Но толпа не видит безобразия эмира. Пред ней святой человек. Он — пример и образец для всех.

Из толпы вытолкнули девочку лет десяти с бледным бескровным лицом, с широко раскрытыми испуганными глазами. Она боится идти вперед. Она в ужасе хватается за стоящих около нее взрослых людей и ищет защиты. Но никто не идет к ней на помощь. Со всех сторон тянутся к ребенку грубые руки и осторожно и настойчиво проталкивают его дальше.

Девочку увидели кавалы и кинулись к ней. Они подхватили ее на руки и бесцеременно стали сдирать платье. Перепуганную и плачущую девочку оголили и подали эмиру, как очищенный от кожуры плод. Жадные руки эмира схватили ребенка и окунули в воду.

Неистовый крик девочки заглушили ружейные выстрелы и восторженные вопли кавалов и толпы.

Великое совершилось.

Голодной звериной стаей кинулась толпа к чану с водой. Эта вода — священна. Она свидетель того, что все необходимое для прихода великого иезида выполнено. В ней —

залог непоколебимости ожидаемого. Иезиды с благоговейным чувством разбирают воду из чана и разносят по жалким землянкам.

Кавалы окружены чрезвычайным вниманием. При их помощи выполнен великий акт, который изменит всю жизнь и превратит ее из тяжелой и нищей в сытую и праздничную.

Но суровы и равнодушны лица кавалов. Замкнуты их уста, незримы мысли. Божественное, таящееся внутри их, может быть открыто не всем. Божественное должно быть недоступно. Чем недоступнее и загадочнее оно, тем больше уважения к нему.

Старый кавал выслал вперед нескольких опытных иезидов. Они должны разведать дорогу и наблюдать за ней.

Как только разведчики сообщили, что Ущелье Несчастий свободно от курдов, эмир сейчас же собрался и выступил в путь.

Если эмир немного хмурился и был недоволен задержкой, то свита его сияла от удовольствия. За эти дни они основательно заработали. Еще одна, другая остановка и их объемистые кошельки будут наполнены серебром и золотом.

Миновав Ущелье Несчастий, эмир и его свита украсили головы белыми чалмами. Белые чалмы должны свидетельствовать о том, что едущие — не иезиды, а паломники-мусульмане, возвращающиеся из святой Мекки и Медины.

Если на могиле великого пророка шейха Адэ сделана надпись на арабском языке для предохранения этой могилы от бесчинства мусульман, если священные рукописи иезидов с этой же целью начинаются выдержками из корана, то почему эмиру и каналам не надеть на свои головы белые чалмы. Они будут в этих чалмах все время, пока путь их будет лежать среди мусульман. Они будут носить эти чалмы, но никакая сила не заставит их сказать — «велик Аллах и Магомет пророк его!»

В суровой сосредоточенности проезжал эмир чрез курдские деревушки, молчаливо отвечал на приветствия и неуклонно ехал дальше.

Древний Арарат был одет в белую снежную ризу и величественным стражем стоял на грани двух миров. Два различных мира лежали пред библейским старцем. Один из этих миров уходил в бесконечное пространство севера, другой — тянулся к югу. У подножия Арарата лежала грань, разделяющая эти два мира.

В вечерних сумерках перебрались через эту границу эмир и кавалы, и как только перебрались, они сейчас же сняли белые чалмы. Теперь они были среди христиан. Здесь их никто не будет преследовать за то, что они поклоняются Мельк-Таузу.

Эмир и кавалы направились к Алагезу. Ночь они провели среди иезидов, а утром были в зимней стоянке шейха Юсуфа. Радость, охватившая иезидов, при виде синджака, омрачилась вестью об отлучении шейха Юсуфа. Шейха Юсуфа любили иезиды за справедливость и отзывчивость.

Шейх Юсуф был вдов и бездетен, и никто не стал возражать против захвата имущества отлученного шейха. Эмир остановился в землянке Юсуфа и тотчас же приступил к осмотру вещей. Не было ключей от сундуков, и эмир собственноручно взламывал замки. Он в первую очередь стал искать деньги. Но денег оказалось немного. Эмир отложил серебряную посуду и решил увезти ее в Бадриэ и украсить ею свой дом. Он сбросил свое рваное и грязное платье и надел одежды шейха Юсуфа. Они были велики, но эмир не обратил на это внимания. Эмир был недоволен добычей. Он мечтал найти в сундуках Юсуфа больше драгоценностей. Не остался доволен эмир и осмотром стада овец и крупного скота. Жадность его увеличила и без того преувеличенные рассказы кавалов.

Хмурый и злой вернулся эмир в жилье шейха Юсуфа и созвал новое совещание.

Он вызвал пастухов шейха Юсуфа и расспрашивал о золоте и золотом синджаке, унесенных из царства Мельк-Тауза неизвестным человеком.

— Как тяжелы были свертки с золотом?..

— Один человек их мог поднять с трудом, — ответили пастухи.

Глаза эмира загорелись жадным огоньком. Если бы это золото присоединить к имуществу шейха Юсуфа, — только тогда он остался бы доволен...

— Где этот человек и куда направился он?.. — задал вопрос эмир.

— Я провожал его до железной дороги. Он сел и уехал. Где он теперь — не знаю... — сообщил один из пастухов.

Эмир задумался. Надо будет поискать этого человека. Может быть, удастся найти его и отобрать золото!

Он выделил нескольких кавалов. Они останутся здесь и распродадут и скот и имущество Юсуфа.

С остальными кавалами эмир отправился разыскивать неизвестного человека, захватившего сокровища Мельк-Тауза.

XXVII

Бушуев взял случайно подвернувшийся под руку глобус и спросил:

— Что это, Сальфо?

Сальфо с удивлением осмотрела глобус и ответила:

— Пустой арбуз с ручкой!

— Нет, это — не пустой арбуз с ручкой, а земля, на которой мы живем!.. — пояснил Бушуев.

Сальфо внимательно выслушала Бушуева и еще раз осмотрела глобус.

Бушуев медленно поворачивал глобус и объяснял:

— Вот море, вот суша... Вот здесь находимся мы с тобой...

Сальфо нагнулась над глобусом и напряженно стала рассматривать указанную Бушуевым точку.

Лицо Сальфо было сосредоточенно. Глубокая мысль, охватившая ее сознание, положила на лицо легкую тень. Как редкие драгоценные камни сияли на этом лице большие глаза. Они спрашивали, удивлялись, недоумевали. Тонкие брови походили на крылья собравшейся улететь птицы.

— И мы здесь оба?.. — спросила Сальфо.

— Да, мы оба здесь! — подтвердил Бушуев.

Сальфо медленно взяла глобус, положила на стул и села. Ошеломленный Бушуев стоял и молчал. А Сальфо сидела на сплюсненном глобусе и в темных глазах ее сверкали искорки веселой иронии.

— Ты говоришь, что мы оба здесь, — произнесла она со смехом. — Но как мы можем поместиться на этом пустом арбузе вдвоем, когда на нем нет места для одной меня?...

Бушуев рассмеялся. Урок географии не удался. Условность не существовала для Сальфо, ее ум признавал только действительность. Но и окружающая Сальфо действительность не поддавалась ее пониманию. Чтобы понять назначение некоторых вещей, надо было знать причины, заставившие создать эти вещи. Сальфо не знала этих причин, и вещи теряли смысл и значение.

— Зачем ты смотришь на этот лист, покрытый пятнышками?.. — отрывала Сальфо Бушуева от газеты.

— Я хочу узнать то, что случилось! — отвечал Бушуев.

— Так это легче сделать без этого листа... — возражала Сальфо. — Выйди на улицу и спроси у первого человека. Он тебе расскажет все.

Бушуев откладывал газету и начинал объяснять Сальфо, почему нельзя выйти на улицу и узнать новости от первого встречного. Сальфо внимательно слушала Бушуева, и по глазам ее было видно, что она не понимает тех слов, которые произносит Бушуев. Она знала жизнь небольшую и несложную, в которой не могло быть места газете. И с меркой этой жизни она подходила ко всем явлениям. Бушуев сознавал, что до тех пор, пока не постигнет Сальфо новую жизнь, многое в этой жизни будет казаться ей диким и нелепым. Непониманию Сальфо Бушуев противопоставил терпение.

Странной была жизнь Бушуева. Одной ногой он как будто стоял в современности, а другой — в давно минувшем. Когда Бушуев попадал в среду прежних знакомых, он ожидал, загорался. Мысль становилась легкой, живой и стремительной. Бушуев говорил и не мог наговориться, не мог

высказать накопившихся в уме мыслей. Но когда Бушуев возвращался домой, мысль его угасала. Здесь не было надобности в торопливой и настойчивой работе мысли. Здесь некуда было спешить. Перед Бушуевым были большие и красивые глаза Сальфо. Они не знали лихорадочного оживления и торопливости. Не было оживления и на лице Сальфо. Сошел с кожи солнечный загар. Лицо Сальфо стало белым и нежным. И моментами казалось Бушуеву, что около него — ожившая богиня далекой древности. Она с печалью и без слов ищет свое родное и не находит его. Она не может высказать Бушуеву скорбных дум своих, так как нет у нее с Бушуевым общих слов. Не мог Бушуев вывести Сальфо из печального круга. Сделать это может одно время. И Бушуев ждал. Но тяжело ждать, не думая и не действуя.

Искал удовлетворения Бушуев в молчаливой работе. Он вынимал бумагу и торопливо покрывал ее неровными рядами строчек.

Сальфо сидела рядом и внимательно следила за пером Бушуева. А когда Бушуев исписал несколько страниц, Сальфо критически осмотрела их и произнесла:

— Когда бумага была белой, то она казалась лучше... Зачем ты пачкаешь ее.

— Я хочу чрез эту бумагу рассказать людям о том, что видел!.. — ответил Бушуев.

— Ты можешь сделать это иначе... Позови всех и расскажи...—предложила Сальфо.

Бушуев задумался. Но думал он не о том, как выполнить предложение Сальфо. Он спрашивал себя: растет ли Сальфо в своем развитии? И если растет, то нельзя ли ускорить этот рост? Перебирая свои впечатления, Бушуев видел, что если Сальфо не постигла законов городской жизни, то до известной степени она приняла город и примирилась с ним. И это было большим достижением. Необходимо это достижение углубить и расширить.

Бушуев остановил внимательный изучающий взгляд на лице Сальфо. Глаза его неожиданно заметили какую-то шероховатость с левой стороны носа над ноздрей. Такого странного нароста у Сальфо раньше не было. Бушуев наг-

нулся к лицу Сальфо и тревожно спросил:

— Что это у тебя?

На вопрос, Сальфо ответила довольным смехом.

— Айши проткнула мне нос, вставила кончик гусяного пера и залепила воском!.. — произнесла с оживлением Сальфо и осторожно прикоснулась пальцами к шероховатости на носу.

— Зачем ты сделала это?.. — недовольно спросил Бушуев.

— Как зачем?.. — удивилась Сальфо. — Все замужние женщины делают это. По праздникам они вставляют сюда золотые пуговицы и становятся еще красивее... Я также сделаю себе звездочку на лбу. Я сделала бы ее давно, но у Айши нет пороха. Дай мне порох, и тогда Айши проколет мне кожу на лбу и натрет ее порохом.

— Нет, нет!.. — заволновался Бушуев. — Не надо делать этого. Я не разрешаю тебе уродовать себя. Это — очень плохо!

Большими недоумевающими глазами смотрела Сальфо на Бушуева и не понимала.

— Но у всех женщин это есть... — сказала она растерянно.

— Это делают только иезидки, а у других женщин этого нет!.. — возразил Бушуев.

— Но я — иезидка, и, значит, я должна сделать это!.. — настаивала Сальфо.

— Ты — иезидка, но не все иезидки делают такие вещи, — стал придумывать Бушуев доступные пониманию Сальфо доводы. — Это делают только очень бедные иезидки, мужья которых ходят в рваной одежде и переносят тяжести. Я и ты носим дорогую одежду и не работаем на улице. Значит, ты не должна делать того, что делают другие иезидки. От этих пуговиц и звездочек, их лица становятся не лучше, а хуже.

Сальфо внимательно слушала и не возражала.

Проделанная Сальфо операция обеспокоила Бушуева. Надо что-то предпринять для того, чтобы изолировать Сальфо от нежелательного влияния окружающих ее людей.

Влияние этих людей имеет хорошие и плохие стороны. До настоящего времени Бушуев не обращал на это внимания. Отрицательное воздействие среды не имело реального проявления. Но теперь Бушуев задумался над тем, что Сальфо от окружающих людей восприняла многое, что может быть не получит отражения на ее внешности, но положит отпечаток на взгляды и представления и изуродует их.

Раньше Бушуев не прислушивался к рассказам Сальфо о ее встречах и разговорах. Теперь он решил внимательно выпрашивать Сальфо обо всем. Надо контролировать каждый ее шаг, каждое слово. Надо вносить поправки к каждому впечатлению, к каждой мысли.

Работа была отложена. Все внимание Бушуева снова сосредоточилось на Сальфо. Сальфо доставляло удовольствие сообщать Бушуеву о всем виденном и слышанном. Она выполняла это с радостью и охотой, как какую-то приятную работу.

— От гробницы шейха Адэ приехали святые люди!.. Очень большие святые!.. — сообщила однажды Сальфо.

— Эти очень большие святые ходят по поселкам иезидов и берут у них деньги?.. — с добродушной иронией спросил Бушуев.

— Да, но они показывают всем синджак!.. — ответила Сальфо.

— А ты знаешь, — произнес Бушуев, — чем больше святой человек собирает денег, тем меньше в нем святости... И если эти очень большие святые приехали за деньгами, то они приехали не по святому делу.

Сальфо задумалась над словами Бушуева и не досказала мысли.

Очень большие святые были эмир с кавалами. Эмир остановился на окраине города в полуразвалившемся и брошенном всеми строении. Эмир со свитой выходил на шумные улицы и с недоумением наблюдал необычную жизнь. Эмир никогда не выезжал за пределы Моссула. Это был первый большой город, который увидел он. По мнению эмира, город жил дикой, непонятной жизнью. Огромные здания были нелепыми и весьма неудобными постройками.

На улицах шла бестолковая сутолока. Город казался сборищем сумасшедших, наслаждавшихся торопливым движением и толкотней. Находил эмир и кое-что привлекательное у города. Он останавливался перед витринами магазинов, жадно вглядывался в драгоценности на встречаемых людях и думал:

— Если бы Мельк-Тауз вернул ему военную силу прежних эмиров, если бы в его распоряжении были полчища отважных вооруженных всадников, тогда неудержимой лавиной ворвался бы эмир в этот мирный город, вырезал бы всех сумасшедших людей и захватил бы богатую добычу. В этих огромных и неудобных для жилья домах приготовлено для эмира много хороших вещей. Беда только в том, что эмир лишен возможности взять это.

Город шумел и суетился днем, но к вечеру он уставал, а ночью стихал и лежал, как вымотанная долгой ездой лошадь.

Была непонятна шумная жизнь города, но в эту жизнь паутиной вплеталось понятное эмиру. И с наступлением темноты и тишины эмир обходил людей, живущих в городе своей особой жизнью. По окраинам города ютились люди, и жили они в таких домах и лачугах, в которых уже никто, кроме них, не соглашался и не мог жить.

По темным и безлюдным улочкам и переулкам совершались странные шествия. Впереди двигался гармонист. Он извлекал из двухрядной гармонии тихие нежные звуки. Несколько музыкальных вариантов из уличной песенки «Я больная с кровати встала» запечатлелись в голове музыканта-иезида. Он не знал слов этой песни, не понимал значения их, но простой, бесхитростный мотив, немного печальный и вместе с тем задушевный, он воспринял и теперь наигрывал его, услаждая слух святых людей. За гармонистом шел эмир. Он был торжественен и важен. Музыка доставляла ему удовольствие. Музыка, сопровождавшая его, подчеркивала его значительность. За эмиром цепочкой вытянулись кавалы. Они не имели возможности проявить свои таланты. Это был чужой город, с чужими людьми и чужими порядками. Здесь нельзя было скакать и петь. Ска-

чущих и поющих тут, говорят, ловят и куда-то сажают. А так как никто не знал, кто и почему занимается ловлей кавалов и куда пойманные кавалы сажаются, то желающих прыгать и петь не было. Неизвестное всегда кажется страшнее, чем оно есть в действительности. И кавалам казалось, что пойманных на улице людей сажают в глубокие холодные колодцы, а в колодцах — темнота и сырость. Кавалы прислушивались к печальным звукам гармоники и грустили.

Эмир обходил иезидов и осторожно выспрашивал о человеке, унесшем из царства Мельк-Тауза золотой синджак. Иезиды ничего не слышали о золотом синджаке, но они знали женщину, явившуюся из царства Мельк-Тауза. По словам иезидов, это была очень красивая и очень богатая женщина. Она была замужем, но муж ее не был иезидом, хотя по закону иезидка не могла выйти замуж за чужого человека.

На другой день эмир, сопровождаемый старым кавалом, явился на квартиру Бушуева.

Сальфо была одна. Эмир окинул ее внимательным и строгим взглядом. Иезиды были правы, когда говорили, что эта женщина красива и богата. Одетая в пестрые ткани Сальфо вышла навстречу к эмиру, встревоженная и недоумевающая. Бушуев запретил ей впускать в комнату грязных иезидов. Но эти двое держались не так, как все иезиды. Они властно отодвинули Сальфо и прошли в глубину комнаты. Они внимательно осмотрели всю обстановку. От их суровых и пронизательных глаз не ускользнула ни одна мелочь.

— С тобой будет говорить сам эмир-эль-хаджи, потомок великого Бенни-Уммея!.. — произнес старый кавал, когда осмотр комнаты был закончен. — Отвечай ему так, как стала бы ты отвечать самому Мельк-Тауэу!..

Эмир присел на корточки у стены около кресла. Кавал опустился рядом. Эмир внимательно и бесцеремонно рассматривал Сальфо.

«Эта женщина достойна стать женой эмира!.. — думал эмир, глядя на Сальфо. — Надо будет захватить ее с собой!»

Когда вернулся домой Бушуев, то он застал Сальфо в странном обществе. У стены, как два идола, важно сидели престарелые иезиды. Один был худ, другой толст. Глаза и лицо толстого иезида показались Бушуеву особенно противными. Сальфо стояла пред этими людьми встревоженная и как будто провинившаяся.

— Что такое?.. В чем дело?.. — с неудовольствием спросил Бушуев.

— Эти святые люди хотят говорить с тобой... — ответила взволнованная Сальфо.

Бушуев сел на стул и еще раз внимательно оглядел непрошенных гостей. Он заметил суровое выражение их лиц и насторожился.

— Почему вы не хотите сесть на стулья?.. — спросил Бушуев.

Иезиды как будто не слышали вопроса и ничего не ответили.

— Уйди!..—властно сказал эмир, обращаясь к Сальфо.

Хмурые взгляды иезидов устремлены куда-то в пространство. Глаза их не останавливаются на Бушуеве. Он не достоин такой милости. На лицах иезидов суровое величие.

Бушуева взбесило непрошенное вторжение чужих людей и поведение их. Кто он здесь — хозяин или бесправный преступник?.. Что надо им от него? Он, однако, решил держаться спокойно.

— Мы знаем, как милостив к тебе Мельк-Тауз...— после долгого раздумья произнес эмир: — Но ты не с нами...

— То есть, как это не с вами?.. — спросил Бушуев.

Эмир ответил после продолжительного раздумья:

— Мы не видим тебя среди нас... Ты пришел к нам и ушел так же, как пришел... Мы не знаем, зачем ты приходил и зачем ушел?..

Задумался Бушуев. Слова этих темных людей скрывают какую-то тайную мысль... Хотят ли они установить связь с Бушуевым или порвать ее. Связь с ними невыгодна для Бушуева, но и порвать ее еще невыгоднее, так как там, где живут эти люди, лежит много золота.

— Я не уходил от вас... — с раздумьем произнес Бушуев.

— Если ты верен Мельк-Таузу, то ты будешь среди нас!..
— сказал эмир.

— Где и когда?.. — коротко спросил Бушуев.

— Мы сообщим тебе об этом... приходи с женой!..

Иезиды поднялись и ушли, суровые и неприступные, показывая этим свое превосходство и силу.

Бушуев вдохнул кислый запах от грязных тел и грязных одежд и, поморщившись, позвал Сальфо.

— О чем они говорили с тобой?.. — спросил Бушуев.

— Они расспрашивали о тебе и о золотом синджаке, который мы привезли, — отвечала растерянно Сальфо.

Бушуев выругался... Не думают ли эти грязные и жалкие иезиды отнять у него синджак?

Появление иезидов обеспокоило Бушуева. Было бы лучше не вступать в связь с ними, но золото, оставшееся там... Неужели отказаться от него?

— Слушай, Сальфо!.. — обратился Бушуев к ничего не понимающей женщине: — Узнай у своих знакомых, что будут делать эти святители?

Сальфо исполнила просьбу Бушуева. Она вернулась оживленная, взволнованная и сообщила:

— Будет моление, а потом погасят светильники!...¹

Бушуев стиснул зубы и впился пальцами в волосы.

Так вот зачем зовут они его вместе с Сальфо на свое сборище. Нет, он перехитрит их!..

— Ты знаешь, Сальфо, что будет там?.. — спрашивает Бушуев.

Сальфо утвердительно кивает головой.

— А ты знаешь, что это — мерзость, пакость, безобразие, которые у нас не допускаются?

— Но если этого хочет Мельк-Тауз?.. — с недоумением спрашивает Сальфо.

---

¹ Арабы называют иезидов гасителями светильников за то, что они после своих таинственных религиозных церемоний тушат огни и предаются отвратительным оргиям. (Прим. ред.).

— Не Мельк-Тауз этого хочет... — перебивает ее Бушуев: — этого хотят эти мерзкие и подлые старики. Но ты не пойдешь туда, ты не осквернишься на этом гнусном собрании!

Бушуев видел, что Сальфо не понимает его. Он волновался и говорил не то, что надо и не так, как могла бы понять Сальфо.

— Женщина на востоке — товар. Ее может купить состоятельный, но она недоступна бедняку. Свальный грех — извращение идеи о христианском братстве, предоставление имущим своей собственности во временное пользование неимущему.

Но Сальфо не поняла этого, и тогда Бушуев сказал решительно и властно:

— Ты на это собрание не пойдешь! Этого не хочет Мельк-Тауз!.. Я скажу, что ты больна, а ты лежи и не вставай!..

Сальфо поняла и согласилась. Ночью, когда город спал, а улицы были пустынные и тихи, в дверь квартиры Бушуева постучали. Перед дверями стоял загорелый курд. Бушуев зажег свет и пустил его.

— Что надо?.. — спросил Бушуев.

— Бери жену и пойдём!.. — ответил курд, лихорадочно поблескивая глазами.

— Жена больна, она не может идти, а я сейчас выйду... — проговорил Бушуев.

Курд жадно облизнул потрескавшиеся губы, подозрительно оглянул комнату и ничего не ответил.

Бушуев шел по сонным улицам и не знал, куда ведут его. Миновали центр, кончилась темная и глухая окраина.

— Вот сюда!.. — проговорил курд и ввел Бушуева в полуразвалившееся строение. В темноте открылась еще какая-то дверь. Пахнуло подземной сыростью и тяжелым спертым воздухом.

По темному сырому коридору Бушуев вошел в подземное помещение. Оно было невелико и густо заполнено людьми. Слабый свет не давал возможности разглядеть присутствующих. Бушуев заметил нервную взвинченность сжавшихся, блеск глаз.

— Почему нет твоей жены?.. — услышал Бушуев суровый голос и оглянулся.

Сзади Бушуева стоял эмир.

— Она больна!.. — ответил Бушуев.

Эмир исчез. Где-то послышалось пение, похожее на крик о помощи. К пению присоединилась визгливая гармоника. Толпа насторожилась.

Приподнявшийся Бушуев увидел выпрыгнувших из какого-то отверстия кавалов. Кавалы пели и плясали. За ними на большом подносе несли медного павлина.

Иезид с синджаком остановился. Люди, заполнявшие подземелье, с восторженными криками, стали подходить и прикладываться к медному изображению Мельк-Тауза.

Жалким и убогим показалось Бушуеву священнодействие, мерзкими и отвратительными — священнослужители, несчастными — покорные поклонники Мельк-Тауза.

Когда к синджаку приложились все, он был унесен обратно. Давка и волнение прекратились, но возбуждение в толпе как будто поднялось. Она нервно шевелилась и двигалась. Снова появились кавалы и торопливо стали тушить чадившие плошки. От наступившей темноты люди как будто обратились в диких разъяренных зверей. Раздался рев, вопли увлекаемых в разные стороны женщин, тяжелое дыхание борющихся.

Вместе с темнотой на голову Бушуева опустился тяжелый лом и оглушил. Рев, крики сразу стали тише и исчезли из потемневшего сознания.

Тело Бушуева вытащили из подземелья. Кавалы тщательно обыскали карманы Бушуева и взяли все, что было в них.

— Он обманул Мельк-Тауза и нас!.. — проговорил вышедший эмир. — Бросьте его поганое тело в реку и забудьте о нем!

Через час несколько гибких и хищных людей ворвались в квартиру Бушуева. Они накинлись на перепуганную Сальфо, заткнули ей рот тряпками и связали.

Кавалы долго и тщательно обыскивали квартиру Бушуева, перерыли все вещи, ощупывали стены, вскрыли пол.

Они искали золотой синджак и не находили. Под их ногами валялись книги, бумаги, а среди них — банковская книжка. Они топтали ее ногами и не знали, что эта книжка могла бы сказать им, где находится золотой синджак и где спрятано золото, которое разыскивал эмир.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.